

ISSN 1996-0522

**СОЦІУМ
И
ВЛАСТЬ**

№ 3 2021

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 30.09.2021 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 9,1. Тираж 500 экз.

Заказ № 284/326.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Кожевникова Маргарита Николаевна**

Управление для «образования человека»
и его применение
в педагогическом образовании
в гуманистической парадигме..... 7

**Баркова Валентина Васильевна,
Цилицкий Виталий Сергеевич**

Содержание и характеристика
феномена индивидуальности
в контексте философской практики..... 17

**ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ****Антонова Ольга Анатольевна,
Колесник Елена Анатольевна,
Масленникова Елена Васильевна**

Теоретические основы
цифровой трансформации
рынка труда и занятости
в моногороде..... 25

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррентос Растрохо* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
 С. В. Борисов — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Е. В. Грунт — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Ю. Г. Ершов — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Филип Иванович — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
Виктория Лезьер — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
 В. Г. Ледяев — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 В. А. Нехамкин — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. В. Павлов — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
 В. Д. Попов — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 Г. Л. Тульчинский — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
 А. С. Чупров — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 А. В. Павроз — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
 А. В. Понделков — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
 О. Ф. Русакова — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Грегори Саймонс — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
 А. Ю. Сунгуров — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Сабина Лисица — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. В. Ковбан — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
 С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 А. Б. Сергеев — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Л. М. Байтенова — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
 В. И. Бархатов — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Л. М. Муталиева — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
 И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Т. Ю. Савченко — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 А. Н. Лукин — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
 С. С. Смирнов — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Д. В. Тимофеев — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Захаров Святослав Игоревич

Оценка эффективности управленческого потенциала руководящих работников на предприятиях угольной промышленности46

КУЛЬТУРА

Конфедерат Ольга Владимировна,
Дядыко Наталья Геннадьевна

Философско-антропологические аспекты телесериала XXI века. «Рассказы из Петли» (2019) как опыт философской рефлексии55

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Баранец Сергей Николаевич

Местная власть в России: новый способ конструирования объясняющей модели67

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.01 — Онтология и теория познания.
- 09.00.03 — История философии.
- 09.00.04 — Эстетика.
- 09.00.05 — Этика.
- 09.00.07 — Логика.
- 09.00.08 — Философия науки и техники.
- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
- 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
- 08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 104.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ginzburg Lydia

Looking at three years of ICPP..... 78

Гинзбург Лидия (Ginzburg Lydia)

ICPP (Международные конференции по философской практике) в течение трех лет..... 83

Богданова Вероника Олеговна, Гулевая Анастасия Николаевна, Дыдров Артур Александрович, Пеннер Регина Владимировна

Internet Studies в условиях пандемии (по материалам конференции «Internet beyond 2020»)..... 89

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012

Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 30.09.2021.

Format 70×108 1/16

Reference sheet area 9,1. Issues — 500.

Order № 284/326

Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Margarita N. Kozhevnikova
 Management for “human education”
 and its implementation in teachers’
 training in the humanistic paradigm.....7

Valentina V. Barkova,
Vitaly S. Tsilitsky
 Content and features
 of the phenomenon of individuality
 in the context of philosophical practic..... 17

**ECONOMICS
 AND MANAGEMENT**

Olga A. Antonova,
Elena A. Kolesnik,
Elena V. Maslennikova
 Theoretical foundations
 of the labor market and employment
 digital transformation
 of in a single-industry town.....25

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanović — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
V.A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Graftskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
V.I. Barkhatov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Svyatoslav I. Zakharov

Evaluating the effectiveness of using the managerial potential of key employees at the coal industry enterprises.....46

CULTURE

Olga V. Konfederat,

Natalia G. Dyadyk

Philosophical and anthropological aspects of the XXI century television series «Tales from the Loop» (2019) as an experience of philosophical reflection.....55

DISCUSSIONS AND DEBATES

Sergei N. Baranets

Local government in Russia: new ways of constructing explanatory models for the needs of public administration67

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 104.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

SCIENTIFIC LIFE

Ginzburg Lydia

Looking at three years of ICPP.....78

Ginzburg Lydia

Looking at three years of ICPP.....83

**Veronika O. Bogdanova,
Anastasia N. Gulevataya,**

**Artur A. Dydrov,
Regina V. Penner**

Internet Studies during the pandemic (following the proceedings of the conference «Internet beyond 2020»).....89

Для цитирования: Кожевникова М. Н. Управление для «образования человека» и его применение в педагогическом образовании в гуманистической парадигме // Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 7—16. DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-07-16.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-07-16

УДК 141.319.8; 02.41.41; 37.014 37.09

УПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ «ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА» И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Кожевникова Маргарита Николаевна,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
заведующая
Научно-исследовательской лабораторией
проблем социальной поддержки личности,
Институт педагогики,
Кандидат философских наук.
Российская Федерация, 191186,
г. Санкт-Петербург,
набережная реки Мойки, д. 48.
E-mail: mkozhevnikova1@gmail.com

Аннотация

Цель. Статья представляет исследование, цель которого — прояснить современные проблемы образования в аспекте управления образованием и определить пути их решения в рамках гуманистической парадигмы, то есть «управления для образования человека», представив эти решения в воплощении необходимой модели педагогического образования.

Методология. В исследовании реализованы подходы антропологии образования, материал для которых предоставили и наблюдение в действии, и текстовые свидетельства и материалы научных исследований, а также общепедагогические методы.

Научная новизна исследования. Новизной отличается антропологический взгляд на проблематику образования, включающую сферу управления. Дополнительные степени научной новизны определил исследуемый ракурс современной ситуации, то есть неолибералистский и менеджеристский контекст.

Результаты. Выявлены разные понимания управления образованием и рассмотрены соответствующие им модели управления, различие которых объясняется противостоянием гуманистической и менеджеристской парадигм. В ряду проблем управления образованием, сверх привычных, проявляющихся для коллективов образовательных организаций, сделалось очевидным появление новых проблем, обусловленных введением «нового менеджмента», оказывающего заметное влияние на сами цели и ценности, искажающее «образование человека». Как требуемый от управления ответ на нужды образования в русле гуманистической парадигмы предложены «синергетическая модель управления» и «демократическое управление образованием».

Выводы. На основании анализа проблем и требуемых для образования моделей управления образованием сделаны выводы для педагогического образования: названы идеи, составляющие его ориентиры, и очерчены возможные подходы к содержанию и методам обучения управленцев образования и педагогов в русле модели «Творческий, автономный, рефлексивный учитель» (ТАРУ), соответствующей гуманистической парадигме.

Ключевые понятия:

антропология образования,
управление образованием,
педагогическое образование,
менеджеристская парадигма,
демократическое управление,
синергетическая модель,
гуманистическая парадигма.

**Введение:
образование человека;
управление, образование,
подготовка учителей**

В свете проблем мира XXI века, разрешение которых зависит от образования, особенное значение приобретает рассмотрение образования как «образования человека»¹. «Образование человека» подразумевает антропологически-ориентированную концепцию образования, исходящую из понимания феномена человека, что делается, в особенности, актуально сегодня. Живя в мире машин, механизмов, технологий и, наконец, искусственного интеллекта, мы уже с их «точки зрения» начинаем смотреть на самих себя, равняясь на то, чтобы «работать, как машина», без погрешностей, которые вносит человеческий фактор, и подстраиваясь под принципы организации информации и т. д., принятые для искусственного интеллекта. Можно заметить, что образование вообще и тем более тогда, когда оно опирается на информационные и другие технологии, все больше понимают и строят в подобном ключе. Концепция «образование человека» выводит собственно человеческие проблемы и смыслы образования на первый план.

В свете обозначенной концепции, при желании понять процессы и проблемы, происходящие в современном образовании, управление должно быть взято за предмет исследования. При этом для того, чтобы образование преобразовывало существующее положение дел и преобразовывалось само (в антропологии образования обозначается как «заинтересованная позиция» исследования²), подготовка учителей должна становиться предметом первоочередного внимания и заботы. Если исследовать феномен образования системно, делается ясно, что модель управления не может не соот-

носиться с педагогической моделью, формирующей человека тем или иным образом а последняя не может не соотноситься с моделью педагогического образования. Так обосновывается «узел», составляющий проблему исследования.

Разноплановая проблематика образовательной культуры, социальных процессов в образовании, образовательной политики, педагогического образования и т. д. исследована в рамках антропологии образования (S. Anderson, E. Gullov, K. Valentin, E. Aydarova, B. Brayboy, N. Chaudhary, P. Clarke, Ch. Convertino, E. Dianteill, E. Dianteill, D. Foley, M. Foster, E. T. Hamann, L. Rosen, G. Ladson-Billings, B. Levinson, M. Sutton, P. Lipman, K. Nygreen, C. Shore, S. Wright и др.). Проблемы управления образованием исследованы российскими учеными (Ю. П. Адлер; М. Беляева; Е. Р. Борисова; Т. Ч. Будаева; И. С. Груенко; Е. Гафорова; В. Балабан, И. Кравченко; В. А. Качалов, Б. А. Прудковский, О. В. Саганова, И. И. Скоробогатых и др.) и зарубежными учеными (Х. Ансофф, Ф. Граец, Д. Грант, В. Деминг, Б. Дерек, Ф. Джонсон, П. Долтон, М. Зайри, Г. Канджи, Р. Каплан, П. Кардона, Д. Коллиер, Д. Коттер, Л. Лесли, И. Мерген, П. Норзаус, Д. Нортон, П. Ровден, Э. Бэкман, Б. Траффорд, П. Сенджи др.), с опорой на фундаментальные работы теории управления (К. Исикава, Г. Тагути, Ю. П. Адлера, П. Сенге, В. Г. Верса, Э. Деминга, Д. Джурана, В. В. Окрепилова, Ю. Г. Татур, А. Фейгенбаума и других). Однако многоаспектная постановка обозначенной проблемы и рассмотрение ее в свете сегодняшнего дня требует особого исследования.

В работе использована методология антропологии образования и философские методы (анализ, генезис, деконструирование, конструирование понятий; оперирование наиболее широкими категориями; различение процессов субъективирования и объективирования; соотнесение частных политических, научных и других теорий и концепций с метаконцептуальными позициями и т. д.) Материалами исследования, помимо включенного наблюдения автора в РГПУ им. Герцена и в работе школьных педагогов и коллективов (в рамках сотрудничества с ними) и проведения семинаров, конференций, курсов для учителей, стали опубликованные свидетельства профессионалов и также российские и зарубежные исследования [4].

При антропологическом подходе к образованию делается возможным выяснить, как связывается культура и социальная жизнь,

¹ Подразумевается развиваемая автором концепция, отвечающая на дегуманизирующие цивилизационные тенденции [4].

² Эта позиция завоевывает место в последние десятилетия, в особенности, для изменения репрессивных социальных условий, — в этом случае в исследование входят подходы политических исследований и критической этнографии. В антропологии образования начала XXI века, например, так одним из ключевых стал вопрос о том, при каких обстоятельствах формальное образование может стать движущей силой перемен и вести к более справедливому, эгалитарному, инклюзивному обществу. В связи с этим подходом с 1990-х годов антропологические исследования стали охватывать образовательную политику [15].

социальные структуры. Культура определенным образом их формирует. При этом сама культура (которая является не столько материальной, сколько «культурой поведения», «культурой отношений», «культурой мышления» — поведенческими и ментальными продуктами и процессами человека, состоящими из смыслов, идей, концепций, мировоззрений) обретает преемственность и развитие через образование. Но само образование вовлечено в социальные процессы, зависит от них.

Со своей стороны, педагогическая наука и транслирующее ее педагогическое образование ответственны за то, чтобы формировать 1) управленческую модель в образовании — особенно в профессиональном сознании педагогов и администраторов образовательных организаций и структур; 2) педагогическую модель, включающую в себя управленческие элементы как часть педагогической работы и согласованную с условиями управления.

Все это означает взгляд на управление в аспекте педагогических смыслов и с точки зрения его влияния на образование человека и поднимает вопросы: «Как конкретная модель управления в конкретной образовательной культуре соотносится с проводимой педагогической моделью? Что в этой культуре понимается под «управлением», в зависимости от социально-философских и социально-политических оснований? Как эти различия понимания сказываются на различиях в моделях управления? И, наконец, каким образом должна быть воплощена необходимая для совершенствования образования управленческая модель, и, прежде всего, в педагогическом образовании?».

В свете этого взгляда и содержания вопросов проанализируем ситуацию в образовательной культуре и в управлении образованием (культурой управления), в связи с образовательной политикой последних десятилетий, строящейся в рамках закона «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ и нормативных документов национального проекта «Образование»; Указ Президента РФ № 474. Проясним требования к управлению образованием и сформулируем основные идеи для подготовки управленцев образования, придерживаясь позиций гуманистической парадигмы.

Анализ современной образовательной культуры и культуры управления образованием

И в России, и в других странах сложившаяся в связи с образовательной политической и обуславливающими ее факторами [5] образовательная культура содержит в себе противоречия и потому основания для разных подходов к управлению и организации образования. Прежде было актуально известное базовое различие авторитарного и демократического типов управления, — и последний утверждён в законе «Об образовании в РФ» №273-ФЗ в статье 3; в настоящее же время для различения оказывается актуально¹ принимать во внимание противопоставление двух парадигм: гуманистической («образования человека») и менеджеристской [4].

С точки зрения самих педагогов, на уровне образовательной организации проявления проблем в культуре управления обычно представляли такую картину: работники школы теряют идентификацию с коллективом школы и своей работой; администрация и педагоги вносят низкий эмоциональный вклад в происходящее в школе; в качестве компенсации проблем возникает феномен поверхностной социализации — «круговая порука» и «круговая оборона»; у управленцев и педагогов развивается черно-белое восприятие, ригидность, нетерпимость, агрессивность; стилем управления и организации в коллективе школы становится жесткий и детальный контроль, с использованием любой информации как средства манипуляции; единственным идеалом солидарности видится возможное (но фиктивное) единство коллектива, персонифицированное в лидере-директоре².

В последние два с лишним десятилетия привычное администрирование образования в мире и России претерпело преобразование, декларированное как замещение бюрократической модели управления «новым менеджментом», проявления которого сегодня очевидны и для педагогов-практиков, и для педагогов-управленцев (многие из которых оказались на разных уровнях замещения и новым классом менеджеров). Российские проблемы управления образованием — частный случай общего положения дел, характеризуемого феноменами *менеджеризма* [16] и *неолиберализма* [12], на основа-

¹ Что не отменяет правомерности классификации моделей управления по другому основанию.

² Материалы статьи [7] подготовлены по кн.: [6].

нии которых утвердился и феномен «нового государственного менеджмента» — НГМ, ставший переходом от прошлого «администрирования» государственного сектора, к новой парадигме менеджмента «предоставления государственных услуг» [14].

Рассмотрим, какого рода влияние несут в образование новые принципы управления, с точки зрения социальных, личностных аспектов образования и также самой трактовки человека. Первый принцип — экономический подход, проявляющийся на уровне целей, результатов и инструментов управления — мотивирования, что ослабляет солидарность педагогических и преподавательских коллективов, даже уровня «круговой поруки», а также содержательную связь людей друг другом в процессах деятельности. Этот принцип понятным образом производит своим следствием коммерциализацию образования и влияет на восприятие и обучающимися и обучающимися людьми самих себя не столько как реализующихся и развивающихся личностей, сколько как экономически функционирующие феномены, с точки зрения «капитала знаний» и т. п. В сами цели образования вводится получение прибыли: через прямую монетизацию и *экономику знаний* — перевод знания в капитал. Результаты образования причисляются к сфере потребления, — и так происходит *коммодификация* образования, дополнительно трансформирующая цели образования.

Яркий пример демонстрируют антропологи образования: область неспособности [инвалидности] может представить критическую линзу, проявляющую, как способности связаны, говоря языком образовательной реформы, с неолиберальными идеями конкуренции и победителей: «гонка к вершине» в конечном счете обеспечивает логику (и финансирование) системы раздельного обучения «победителей» и «проигравших» [20].

Второе: в образовании сказывается приходящая менеджеристской парадигме *вера в дискретность управления* (разделенность управления и содержательной проблематики, управленцев и работников образования), в итоге утверждаются стратегии и цели образования как существующие без связи с самим содержанием образования. Таким путем через образование в понимание людьми самих себя внедряется бессодержательная операциональная трактовка, опустошающая сферу смыслов.

Третье: сами ценности образования начинают ощущать влияние идей менедже-

ризма о ценностно-нейтральном характере управления. Так укрепляется объективизм в понимании знания в образовании как *свободного от ценностей* и в дегуманизированной трактовке работников образования как «функций» (деятелей, свободных от личностно-профессиональных ценностей, от уникальности и субъективности), что ведет к ориентации на усреднение, унификацию, обездушенный подход к человеку [4]. В антропологических исследованиях образования отмечается, что с 1990-х годов в США и других странах из-за неолиберальных представлений об образовании как о товаре наблюдается тенденция к депрофессионализации преподавания — ориентации его на следование заранее predetermined сценариям, по которым достигаются более высокие показатели студентов в стандартизированных тестах [17].

Теперь на всех уровнях (например, на школьном уровне это требования и стимуляции со стороны муниципального уровня управления) мы наблюдаем внедряемые через управление ведущие директивы образовательной политики: «эффективности», «качества», «результативности» (результаты понимаются как формализованные, даже те, которые относятся к сферам доминирующей неопределенности, как педагогическое творчество, — здесь оно формализуется в виде «педагогических инноваций»). Но абсолютизируемый принцип «эффективности» ведет к редукции, в тенденции — сокращению самих образовательных процессов как избыточных, — ведь эффективность возрастет настолько, насколько удастся сократить процесс. Однако тогда как для машин время действия и процесс — это фактор, уменьшающий их эффективность, для человека процесс, с требующимся для него временем, — это процесс человеческой жизни. В реализации «качества» и «результативности» обнаруживаются новые формы отчуждения: так, помимо прежних форм, происходит дополнительное отчуждение, проходящее по границе разрыва, внедряемой действующей моделью управления в плоть процессов антиципируемым результатом (и отчуждаемым) результатом-показателем, учитываемым в рейтингах, аттестациях и т. д. При этом собственно педагогическая проблематика теряет значение: все событие может свестись к создаваемому напряжением полю между формой события и результатом-как-показателем (отчужденной формой результата) [5, с. 121—125].

Какое управление образованию требуется?

Теперь, отталкиваясь от актуальной проблематики, сложившейся в условиях последних десятилетий в управлении образованием, перейдем к общим идеям, которые видятся как требуемый от управления ответ на нужды образования в русле гуманистической парадигмы. Эти конкретные идеи представлены в рамках «синергетической модели управления» и «демократического управления образованием».

Основная идея, которая связывается с понятием «синергия», это самоорганизация, предполагающая спонтанное изменение организации, в основном, за счет введения определенных механизмов в среду [8]. К основным принципам *синергического управления* («рациональной самоорганизации» [9]) относятся, в частности, такие: *акцент делается на внутренние свойства как на источник саморазвития*; стратегия строится как сообразуемая с *естественным ритмом*, с постоянно меняющимися условиями; целенаправленное воздействие на объект управления не превышает уровень флуктуационных воздействий внешней среды; работник представляется как персонифицированное выражение организации, включая ее управленческое начало, а организация — как ассоциированный работник

Условиями становления такого управления должны быть: а) развитие корпоративной культуры до особого уровня организационной культуры, основанной на общечеловеческих ценностях, воплощающей отношения и культуру гражданского общества (то есть «корпоративная культура», в которой интересы корпорации важнее интересов и автономии отдельного человека и которая исходит из конкуренции и борьбы в обществе, и «гражданская культура», исходящая из гражданских свобод и сотрудничества в обществе, в целом, олицетворяют две разные стадии развития организации); б) переход от «работы по найму» к партнерским отношениям; в) повышение открытости социально-экономических систем; г) переход от целевых к ценностно-ориентированным критериям в управлении.

Организационная культура развивается в случае *мультинодального*¹ устройства организации: отсутствия персонифицированной власти (как вариант решения — наличие двух сотрудничающих лидеров, без четких иерархических позиций); организационной избыточности, гибкости и свободы [10].

¹ Англ.: имеющего много узлов.

Также синергетическое взаимодействие при управлении, как отмечают, должно включать создание информационной и организационной инфраструктур и введение мотивационного и рефлексивного управления. *Изменения в инфраструктуре означает* «само-менеджмент в сочетании с коллегиальными формами управления; в «точках бифуркации» происходит переход в диалоговое поле взаимодействия с управленческими структурами. Под «информационной инфраструктурой» надо, в частности, понимать совокупность самоорганизующихся, смыслопорождающих информационных процессов.

Заметим, что стратегия «мотивационного управления» заложена в основу образовательной политики и используется сегодня, однако она сведена к внешним стимулам финансовой и карьерной стимуляции и опирается на формальные показатели. Необходимо обогатить эту стратегию пониманием и поддержкой мотивации педагога, идущей из деятельности, и вниманием к содержанию последней.

Под «рефлексивным управлением» В. А. Лефевр подразумевал такое, «которое осуществляется не в результате прямого навязывания противнику своей воли, а путем передачи ему оснований, из которых тот как бы дедуктивно выведет предопределенное другим противником решение», однако, по мнению А. П. Стуканова [11, с. 16], требуется перевести это определение из сферы конфронтации скорее в позитивную ситуацию сотрудничества. В синергетической модели требуется консолидация элементов системы. При этом возможно использовать принципы *тезауруса* (согласования в диалоге «словарей» — понятийных ориентаций участников, ради смены приоритетов при становлении новой культуры управления); *фасцинации* (обаяния, очарования) и *майевтики* (мышление-порождающих вопросов, диалога). Согласно синергетической модели, значимы и управленческое саморазвитие на глубоком (экзистенциальном) уровне; и экзистенциальное управление (исходящее из уникальной реальности, в которой действует субъект управления); и самоорганизация, самоконтроль, самомотивация при соуправлении и субъект-субъектных отношениях.

В итоге, при принятии решений (включая кадровые вопросы) и планировании в школах признается важность децентрализации, доверия и коллегиальности, при которой все люди в организации смотрят на «ситуацию в целом» до того, как будут предприняты действия в рамках отдельных

ее частей, и разные люди рассматривают разные вопросы, проводя анализ на многих уровнях. Цель синергетического планирования, в частности, в содействии перераспределению ресурсов в направлении большей справедливости. Планирование учитывает сложность встраивания хрупких ценностей в модели принятия решений, и не только измерение роста учащихся, но и интерпретацию данных [19].

Идеал демократического управления заметно соответствует синергетической модели и воплощает требуемую, согласно той, «гражданскую культуру». Демократическое управление строится на идее гражданского участия, которая «предполагает включение или вовлечение управляемых в управление <...>. По сути дела речь здесь идет о децентрализации и распределении политической власти. Идея гражданского участия — одна из основополагающих в концепции демократии» [1].

Для российского образования сегодня признается необходимость демократических принципов управления (в ст. 3 Федерального закона № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации», как и в одноименном законе 1992 года): например, помимо широко принятого принципа ученического и студенческого самоуправления, это также принцип государственно-общественного управления образованием, содействующий взаимодействию школы и родительской общественности, представителей местных органов самоуправления и общественных организаций и решению проблемных (социальных) задач.

Этот принцип подразумевает функционирование выборных органов, участвующих в управлении образовательной организации, — общественных советов, состоящих из участников образовательного процесса: педагогических работников, обучающихся, их родителей. Он находит свое постепенное воплощение в появлении в школах и других организациях образования новых управляющих органов: советов образовательных организаций; родительских комитетов; попечительских советов; управляющих советов; благотворительных фондов; а на региональном уровне¹ — коллегиальных органов

¹ Впрочем, по Т. Ч. Будаевой, лишь 21,4 % респондентов считают, что наиболее эффективны координационные и совещательные органы, создаваемые региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере образования, и то выясняется, что эту позицию отмечали почти половина, или 47,1 % респондентов из числа заместителей руководителей РОО, вовлеченных в ГОУО этого уровня [2].

управления образованием; региональных общественных организаций. Такие общественные советы должны действовать, по мнению исследователей, и в области оценки качества образования, которую следует производить, с точки зрения внешней среды («потребителей образовательных услуг») и внутренних оценок качества в самой системе образования [2].

Рассмотрим демократическую модель управления на основе трактовки «демократического правления в школах», предложенной программой «Education for democratic citizenship and human rights» — «Образование для демократического гражданства и прав человека» Совета Европы². Для этой модели введен термин «правление» (*governance*) как более соответствующий ситуации образования, нежели администрирование (*management*): он подчеркивает открытость школ и систем образования, а термин «администрирование» используется в связи с техническими и инструментальными измерениями правления. «Школа» — это и администрация, и педагогический коллектив, и все работники школы, и учащиеся с их родителями. Авторы утверждают, что с демократической моделью связаны предвзятые представления: например, о слабой дисциплине, но опыт и исследования свидетельствуют, что, хотя правила необходимы, все же демократическое правление, которое делается возможным только на основе доверия, а не угроз, более устойчиво³. Когда людям оказывается доверие, они становятся более ответственными, и так система правления действует эффективно, даже когда за участниками не ведется контроль. (Существующие же образовательные системы отличались и по-прежнему отличаются недоверием: к школам, учителям, учащимся). В противоположность другим предвзятым представлениям, при демократическом правлении не падает, но повышается успешность учителей и успеваемость учеников. Причина в том, что у учителей больше свободы в выборе и методов работы, и в определенной степени того, чему учить; и

² «Школа» используется как условное название образовательной организации, но не исключаются любые формы и структуры образования. Дальше изложено по публикации: [3].

³ Заметим, что устойчивость демократического управления считается обусловленной высокой мотивацией и развитостью коллектива. Но можно увидеть, что в предложенной модели ориентирована на активное формирование высокой мотивации коллектива и на его развитие, и «доверие» оказывается важным камнем в фундаменте этого развития.

учащимся предоставляется большая *свобода выбора* в отношении того, что и как изучать. Кроме того, им предоставлен выбор того, каким образом быть оцененными.

Также важное достоинство демократической модели — *снижение уровня конфликтов* в педагогическом и ученических коллективах.

Модель опирается на *принципы*, позволяющие оценить прогресс в демократическом правлении: 1) права и ответственность; 2) активное участие; 3) значимость разнообразия. И в ней выделяются четыре ключевые области деятельности, имеющие наибольшее значение для проявления характера правления: I. Область правления, руководства и публичной отчетности. II. Обучение, основанное на ценностях. III. Сотрудничество, коммуникация и участие; конкурентоспособность и школьное самоопределение. IV. Дисциплина.

При понимании, что «демократия — это не цель, это путь; это недостижение, а процесс» (Мэри Паркер Фоллетт), по мере продвижения к полной реализации демократической модели в правлении изменяются позиции и действия, поэтому руководителям требуется на всех этапах уделять особое внимание позициям и ценностям на уровнях: а) личной позиции — собственной и сотрудников; б) местного школьного совета; в) заседаний сотрудников; г) учащихся.

Обсужденные принципы синергетической модели и демократического управления, с их акцентом на согласовании действий участников, на значении ценностей и т. п., подтверждают те лучшие идеи управления образованием, которые были выявлены на рассмотренных ранее примерах конкретного управления.

Идеи для педагогического образования

В рамках педагогического образования необходимо изучать проблемы управления образованием и искать возможные ответы на эти проблемы; в частности, среди альтернативных моделей управления в образовании. При этом требуется развивать осмысление того, что разные управленческие модели очевидно связаны с различными социально-политическими теориями (как менеджериализм, в целом, и «новый государственный менеджмент», в особенности, базирующийся на теории неолиберализма, а «демократическое правление» — на классической теории либеральной демократии), но они также обусловлены и разными версиями

понимания того, *что такое управление*. В обобщении, это понимание управления как *контроля* или *заботы*.

Оно подразумевает следующие основные идеи, которые должны составлять ориентиры педагогического образования относительно управления. В случае «управления как заботы» (о системе образования, о вверенном участке этой системы, о конкретных участниках, о людях, для кого образование предназначено) присутствует иное понимание «власти»: как реализации возможностей, включающей возможности *всех участников*, что усиливает возможности системы, в целом [18]. В связи с этим «компетенцию» хорошего руководителя, в первую очередь, должна составлять *заботливая мотивация руководителя*.

Пониманию управления как заботы соответствуют модели управления, учитывающие «*принцип круговой причинности*» (Г. Хакен), в которых особое внимание уделяется процессам, идущим «снизу». Это означает насущную необходимость обеспечения надежной, реальной *обратной связи* со стороны деятелей образования; создания *пространства* для использования их возможностей и их инициативы, — то есть отношение *доверия*. Этому соответствует *принцип автономии педагогов*. Также должен действовать *принцип отчетности самих управленцев* перед управляемыми.

Управленцам в этом случае (согласно и синергетической, и демократической моделям) требуется развивать критическое мышление; созерцание и рефлексию для проверки, коррекции и культивирования собственной мотивации, позиций, пониманий, отношений; искусство самоуправления; умения обеспечивать достоверную обратную связь (что значит, контакт и доверие); способности разделять и распределять ответственность; сотрудничать; предоставлять свободу для инициативы и творчества; понимать профессиональные устремления и заботы деятелей образования.

Обучение всему этому должно присутствовать в образовании (будущих) управленцев образования и (будущих) педагогов. Так оказывается, чтобы вырастить «правильных» управленцев образования, необходимо культивировать: а) управленческие позиции и подходы в решениях — «мировоззрение управленца», «мышление управленца»; б) тип отношений — «чувствование управленца» и «коммуникативность управленца»; в) рутинные алгоритмы работы и развитие гибкости, творчества в оперативных управленческих действиях.

В содержании образования должна быть отражена существующая во всех этих областях социально-политическая, социально-психологическая, организационная проблематика отношений и координации управленцев с разными уровнями:

- министерства образования (инстанции, которой они подотчетны);
- системы инспектирования (которой они охвачены);
- школ (управляемых, подотчетных);
- широкого сообщества (педагогов, родителей, — в целом гражданского общества).

Подготовка может осуществляться в рамках модели «Творческий, автономный, рефлексивный учитель» (ТАРУ). Управленцев образования тоже нужно готовить: (а) в логике *творческих* профессий — развивая их профессионально-личностные основания для управленческого творчества и отрабатывая в тренингах алгоритмы работы и оперативные управленческие действия; (б) в духе *автономного* (самоопределяющегося) критического мышления и культуры сообщества; в) на основаниях рефлексии и культивированного чувствования.

Решение этих задач должны обеспечивать курсы общегуманитарного цикла, «введения в феноменологию» образования и управленческого творчества, которые способны формировать требуемые мотивации, ценности, установки, позиции и мышление для работы управленцев, соответствующие образованию человека: профессиональную ментальность, и, в особенности, курсы, охватывающие социальные, социально-философские, социально-психологические и политические теории, которые следует представлять в современном контексте и на актуальном материале, вовлекая обучающихся в открытые живые дискуссии на практикумах и семинарах. Также программа подготовки должна включать тренинги и практикумы: по составлению и решению управленческих задач; по развитию критического педагогического и управленческого мышления; по коммуникации (с герменевтическими, конфликтологическими и т. п. составляющими); «работе с собой» (созерцательные практики по развитию мотивации, работе с эмоциями). В ряду специальных предметов (менеджмент, право, экономика, социология и т. д.). Особого внимания требует введение в теорию систем; синергетику; введение в теорию и практику демократии.

Программы требуется дополнять знакомством с наиболее передовыми методиками и подходами к организации административ-

ной рабочей культуры (например, принципами организации рабочего места; антистрессовыми методиками; «человеческим» и адресным стилем управления — как антитезой стилю «офисной машины»; организацией «социальных встреч» сотрудников; шведской традицией *fika* — прогулками с коллегами в рамках административной рутины и т. д. [13]).

Заключение

Имея моделирующую функцию, педагогическое образование имеет особую ответственность и должно играть соответствующую роль в противостоянии проблематичным тенденциям современного управления образованием, несущим искажающие саму природу образования влияния, и в отстаивании позиций и ценностей гуманистической парадигмы, имеющей высокое значение для российской педагогической традиции. В этом смысле ученым — деятелям педагогического образования — требуется продвигать исследования управления образованием, посвященные моделям управления для «образования человека», и разрабатывать соответствующие учебные программы подготовки и управленцев образования, и педагогов, то есть уделять такое внимание проблемам управления, которого они, во всей их значимости и сложности, заслуживают.

1. Гражданское общество: участие и ответственность : неконцептуальный сборник / отв. ред. Р. Г. Апресян. М. : Аслан, 1997. URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/GU/4.html> (дата обращения: 29.06.2021).

2. Будаева Т. Ч. Концепция развития государственно-общественного управления в региональной образовательной системе // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2016. № 4. С. 8—22.

3. Бэкман Э., Траффорд Б. Демократическое правление в школах. Европейский год гражданской ответственности через образование. Обучаться и жить в условиях демократии. Страсбург, 10 октября 2006 года URL: <https://docplayer.ru/57424-Evropayskiy-god-grazhdanstvennosti-cherez-obrazovanie.html> (дата обращения: 29.06.2021).

4. Кожевникова М. Н. Творческий автономный рефлексивный учитель: образование учителя для современного мира : науч. моногр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 296 с.

5. Кожевникова М. Н. 100 лет спустя: современное образование «перед лицом Дьюи» // Педагогика. 2017. № 9. С. 115—125.

6. Кордон С. И. Организационная патология. Пермь, 1997. 56 с.

7. Меновщиков В. Ю. «Персональная» шизофрения: как «мухи» превращаются в «слонов» // Директор школы. 2000. № 9. С. 35—39.

8. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

9. Приходько В. И. Теория и методология рациональной самоорганизации в социально-экономических системах : дис. ... д-ра экон. наук. Ульяновск : Ульян. гос. техн. ун-т, 2006. 303 с.

10. Сидикеева Ю. Р. К вопросу об управлении в динамично изменяющихся условиях информационного общества // Информационные ресурсы России. 2012. № 3. С. 35—37.

11. Стуканов А. П. Синергетическое управление непрерывным повышением квалификации педагогических кадров : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003. 250 с.

12. Bourdieu P., Wacquant, L. NewLiberalSpeak: notes on the new planetary vulgate // *Radical Philosophy*. 2001. Vol. 105. January / February. P. 2—5.

13. Daisley B. The Joy of Work. 30 Ways to Fix Your Work Culture and Fall in Love with Your Job Again. New York : Random House Business, 2019. 224 p.

14. Diefenbach T. New Public Management in Public Sector Organizations: The Dark Sides of Managerialistic 'Enlightenment' // *Public Administration*. 2009. Vol. 87. № 4. P. 892—909.

15. Henze R. Anthropology of Education // *Oxford Research Encyclopedias*. Oxford University Press, 2021. URL: <https://oxfordre.com/anthropology/view/10.1093/acrefore/9780190854584.001.0001/acrefore-9780190854584-e-10#acrefore-9780190854584-e-10-biblitem-0165> (accessed: 29.06.2021).

16. Klikauer T. What is Managerialism? // *Critical Sociology*. 2015. Vol. 41, № 7—8. P. 1103—1119.

17. Panait O. M., Teodoro A. Towards an Analysis of the Resistances against the Educational Standards Issued from Globalization // *Education et Sociétés*. 2017. Vol. 39, Iss. 1. P. 5—18.

18. Perryman J., Ball S. J., Braun A., Maguire M. Translating policy: governmentality and the reflective teacher // *Journal of Education Policy*. 2017. Vol. 32, Iss. 6. P. 745—756.

19. Richardson M. D. et al. Synergistic Planning: The Essence of School-Based Management // Annual Meeting of the National Conference of Professors of Educational Administration (45th, Fargo, ND, August 11—16, 1991). 12 p. URL: <http://eric.ed.gov/?id=ED341152> (accessed: 29.06.2021).

20. Valente J. M., Collins K. Disabling Educational Inequities: A Disability Studies in Education Perspective // *Review of Disability Studies*. 2016. Vol. 12, Iss. 6. P. 1—19.

References

1. Apresyan R.G. (1997). *Grazhdanskoye obshchestvo: uchastiye i otvetstvennost'*. Moscow, Aslan. Available at: <https://iphras.ru/upfile/ethics/biblio/GU/4.html>, accessed 29.06.2021. [in Rus].

2. Budaeva T.Ch. (2016). *Sovremennoye dopolnitel'noye professional'noye pedagogicheskoye obrazovaniye*, no. 4, pp. 8—22 [in Rus].

3. Backman E., Trafford B. (2007). *Demokraticheskoye pravleniye v shkolakh*. Yevropeys-

kiy god grazhdanstvennosti cherez obrazovaniye. Obuchat'sya i zhit' v usloviyakh demokratii. *Demokraticheskoye pravleniye v shkolakh*. Strasbourg, 10 oktyabrya 2006 goda. Available at: <https://docplayer.ru/57424-Evropeyskiy-god-grazhdanstvennosti-cherez-obrazovanie.html>, accessed 29.06.2021. [in Rus].

4. Kozhevnikova M.N. (2021) *Tvorcheskiy avtonomnyy reflektivnyy uchitel': obrazovaniye uchitelya dlya sovremennogo mira*. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. 296 p. [in Rus].

5. Kozhevnikova M.N. (2017). 100 let spustya: sovremennoye obrazovaniye «pered litsom D'yui». *Pedagogika*, no. 9, pp. 115—125. [in Rus].

6. Kordon S.I. (1997). *Organizatsionnaya patologiya*. Perm'. 96 p. [in Rus].

7. Menovschikov V.Yu. (2000). *Direktor shkoly*, no. 9, pp. 35—39. [in Rus].

8. Prigozhin I.R., Stengers I. (1986). *Poryadok iz khaosa*. Moscow, Progress. 432 p. [in Rus].

9. Prihod'ko V.I. (2006). *Teoriya i metodologiya ratsional'noy samoorganizatsii v sotsial'no-ekonomicheskikh sistemakh*. Thesis. Ul'yanovsk, Ul'yanovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, 303 p. [in Rus].

10. Sidikeeva Yu. R. (2012). *Informatsionnyye Resursy Rossii*, no. 3, pp. 35—37. [in Rus].

11. Stukanov A.P. (2003). *Sinergeticheskoye upravleniye nepreryvnym povysheniym kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov*. Thesis. Moscow. 250 p. [in Rus].

12. Bourdieu P., Wacquant L. (2001). *Radical Philosophy*, no. 105, January / February, pp. 2—5. [in Eng].

13. Daisley B. (2019). *The Joy of Work. 30 Ways to Fix Your Work Culture and Fall in Love with Your Job Again*. New York, Random House Business. 224 p. [in Eng].

14. Diefenbach T. (2009). *Public Administration*, no. 87 (4), pp. 892—909. [in Eng].

15. Henze R. (2021) *Anthropology of Education* // *Oxford Research Encyclopedias*. Oxford University Press. Available at: <https://oxfordre.com/anthropology/view/10.1093/acrefore/9780190854584.001.0001/acrefore-9780190854584-e-10#acrefore-9780190854584-e-10-biblitem-0165>, accessed 29.06.2021. [in Eng].

16. Klikauer T. (2015). *Critical Sociology*, no. 41 (7—8), pp. 1103—1119. [in Eng].

17. Panait O.M., Teodoro A. (2017) *Education et Sociétés*, no. 39 (1), pp. 5—18. [in Eng].

18. Perryman J., Ball S.J., Braun A., Maguire M. (2017). *Journal of Education Policy*, no. 32 (6), pp. 745—756. [in Eng].

19. Richardson M.D. et al. (1991). *Synergistic Planning: the Essence of School-Based Management* // Annual Meeting of the National Conference of Professors of Educational Administration (45th, Fargo, ND, August 11—16, 1991). 12 p. Available at: <http://eric.ed.gov/?id=ED341152>, accessed 29.06.2021. [in Eng].

20. Valente J.M., Collins K. (2016) *Disabling Educational Inequities: a Disability Studies in Education Perspective*, *Review of Disability Studies*, no. 12 (6), 1—19. [in Eng].

For citing: Kozhevnikova M. N.
Management for “human education”
and its implementation in teachers’ training
in the humanistic paradigm //
Socium i vlast’. 2021. № 3 (89). P. 07—16.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-3-07-16.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-07-16

UDC 141.319.8; 02.41.41; 37.014 37.09

MANAGEMENT FOR “HUMAN EDUCATION” AND ITS IMPLEMENTATION IN TEACHERS’ TRAINING IN THE HUMANISTIC PARADIGM

Margarita N. Kozhevnikova,

Herzen University.
Head of the Research Laboratory
of the Problems of Social Supporting the Individual,
Institute of Education,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 191186,
St. Petersburg, Moika river embankment, 48.
E-mail: mkozhevnikova1@gmail.com

Abstract

The purpose of the research is to clarify the current problems of education in terms of education management and to work out the ways of solving them within the framework of the humanistic paradigm, that is, “management for human education”, presenting these solutions as implementing the required model of teachers’ training.

Methodology. The author implements the approaches of education anthropology, the basis for which was provided by monitoring in action, textual records and research letters, as well as general philosophical methods.

Scientific novelty of the research lies in the anthropological view of the education problems, including the sphere of management. The perspective of the modern situation under study, that is, the neoliberal and managerial context add to the degree of scientific novelty.

Results. Different conceptions of education management are revealed and the corresponding management models are considered, the difference of which is explained by opposing the humanistic and managerial paradigms. In a number of problems of education management, beyond the usual ones that appear for the collectives of educational organizations, it became obvious that new problems have emerged due to introducing “new management”, which has a noticeable impact on the goals and values themselves, distorting “human education”. As a response required from management to the needs of education in line with the humanistic paradigm, a “synergetic model of management” and “democratic management of education” are proposed.

Conclusions. On the basis of analyzing the problems and education management models required for education, the author draws conclusions for teachers’ training: highlights the ideas that make up its guidelines, and outlines possible approaches to the content and methods of teaching education managers and teachers in line with the model “Creative, autonomous, reflective teacher” corresponding to the humanistic paradigm.

Key words:

anthropology of education,
education management,
teacher education,
managerial paradigm,
democratic governance,
synergistic model,
humanistic paradigm.

Для цитирования: Баркова В. В., Цилицкий В. С.
Содержание и характеристика феномена
индивидуальности в контексте
философской практики //
Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 17—24.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-17-24.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-17-24

УДК 159.9.015

СОДЕРЖАНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕНОМЕНА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ

Баркова Валентина Васильевна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
кандидат философских наук, доцент,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, 69.
E-mail: barkova.vv@yandex.ru

Цилицкий Виталий Сергеевич,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
начальник управления научной работы, доцент
кафедры педагогики и психологии,
кандидат педагогических наук,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, 69.
E-mail: tsilitskyvs@yandex.ru

Аннотация

Введение. В данной статье проведено исследование некоторых аспектов феномена индивидуальности человека. Человеческая индивидуальность является активным предметом исследовательского интереса многих наук. В процессе развития человека стал обнажаться уникальный в своей многомерности следствий внутренний мир человеческой индивидуальности, который является формой явления субъектного бытия человека, существует и действует автономно, сохраняя свою целостность.

Цель исследования: выявить базисные подходы к определению онтологической сущности индивидуальности человека.

Методы исследования: историко-аналитический метод, понятийно-терминологический анализ, анализ, синтез, обобщение, абстрагирование и конкретизация, сравнение и др.

Научная новизна исследования. В данной статье дается определение феномену «человеческой индивидуальности» с позиции разных междисциплинарных направлений. В работе отмечается, что индивидуальность является не замкнутой на себя целостностью, произвольно конструирующей внешнее и внутренние проявление — субъективный мир человеческой реальности, а скорее, напоминает пространство, в котором сталкиваются конечное и бесконечное, непрозрачность смысловых контентов с проявленным и уже ставшим.

Результаты исследования: В работе представлены различные подходы к феномену индивидуальности с позиции различных мировоззренческих позиций. Авторами отмечается, что индивидуальность — это не замкнутая на себя целостность, произвольно конструирующая своё внешнее и внутреннее проявление — субъективный мир человеческой реальности.

Выводы. Отметим, что сущность индивидуальности — это неотчуждаемый знак природы конкретного события в истории эволюции. Индивидуальность обеспечивает человеку высочайшую возможность стать мыслью бытия. В этой ситуации человек, безусловно, ощущает себя онтологической единицей, ответственной за бытие, осознавая себя носителем и участником смыслов бытия.

Человек в процессе понимания своей индивидуальности осознает себя субъектом исторического процесса, гражданской истории, потенциально обладающим всеми характеристиками индивидуализированного рода человеческого, способами развёртывания им многомерной индивидуальности в поколенном пространстве — времени эпох, процессами, которые выделили человека из живой природы.

Ключевые понятия:

внутренний мир,
индивидуальность,
многомерность индивидуальности,
субъектность,
целостность.

Введение (Introduction)

Идея познать в целостности истоки развития природы многомерности такого феномена, как проявление человеческой индивидуальности, насчитывает тысячелетия. Начиная с времён первых цивилизационных формирований, индивидуальность человека является предметом осмысления разных научных направлений. Феномен индивидуальности человека был подробно описан в таких известных религиозных произведениях, как Библия, Коран, Талмуд, «Махабхарата», «Увейй», «Упанишады» и др. Теоретико-методологическое обоснование данная проблема получила в трудах известных философов: Пифагора, Гераклита, Сократа, Платона, Монтеня и Ж. Лабрюйера, Дж. Локка, Лейбница, Канта, Фихте, Гегеля, Кьеркегора. Понятийно-терминологическое поле начало оформляться в результате рассуждений Аристотеля, Теофраста, Хуана Уарте, Ф. Гальтона, В. Освальда, Н. Я. Пэрны.

Однако история развития учения о человеческой индивидуальности в философии складывалась совсем непросто, поскольку постоянно сталкивалась с барьерами традиций, этническими табу т. д. Главным фактором, который побуждал исследователей изучать данный вопрос, являлось признание сущности индивидуальности, а именно *individuum est inefabile* — неделимое невыразимо.

Это мнение сложилось ещё в античные времена, когда специфика бытия атомов-индивидов была по аналогии перенесена Левкиппом, Демокритом, а затем и Цицероном на мир человека для характеристики свойств его природы-индивидуальности. Вплоть до XIX в. загадочный многоликий мир индивидуальности философы пытались объяснить, как ряд специфических приёмов человека по обустройству своего существования, как способ развёртывания им во вне опыта своего бытия перед другими, как проявление даров бога, как реализацию человеком своей потенциальной универсальности и т. д.

В научном сообществе термин «индивидуальность», хотя и стал употребляется достаточно рано, но не получил широкого признания как научное понятие, поскольку являлся неконкретным. Потому его избегают употреблять даже в тех контекстах, где она является ключевой, в частности, индивидуальность оказалась несколько удалена из предметного поля гуманитарных наук. Достаточно перечислить неполный синонимический ряд понятий, употребляемых

наряду или вместо понятия «индивидуальность» — самость, единичность, неповторимость, нестандартность, оригинальность, особенность, отдельность, отличительная черта, самобытность, своеобразие, специфичность, и т. д., чтобы понять, что индивидуальность — это такая часть человека его жизнедеятельности, которая способна выходить за рамки собственной природы для реализации своей бытийности на уровне отношений с другим. Что с необходимостью требует глубинного овнешнивания этого феномена, обозначения способов и форм артикуляции и генерализации его природы. Как работающее понятие целого ряда исследовательских дисциплин и практик — философии, психологии, социологии, этнологии, педагогики, этики, эстетики, искусствознания, культурологии и т. д., индивидуальность не может оставаться в категориальном отношении на уровне отсутствия имеющегося.

Методы и материалы (Methods and Materials)

Онтологический аспект изучения любого феномена вопрошает о способах пребывания исследуемого явления в понятиях, отражающих диалектику его существования, пересечение и переплетение всех рядов того, что имеет место при этом быть. Важен сам факт, что этот феномен существует и есть как таковой. Самая удивительная черта индивидуальности — это её открытость и действенность, что неоднократно подчёркивали в работах такие знаковые философы и общественные деятели как П. Мирандола, М. Фичино, Д. Манетти, М. Монтень, Э. Роттердамский, Р. Декарт, И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, С. Кьеркегор, И. Гердер, Г. Плеснер, К. Ясперс, М. Фуко, Ф. Ницше, Х. Г. Маркузе, Х. Хоркхаймер, Т. В. Адорно и др. [1, 3].

В научных трудах отечественных психологов Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, В. С. Анохина, П. К. Мерлина, А. К. Абульхановой-Славской, Г. В. Иванченко описаны глубинные условия осознания человеком значимости своей индивидуальности, развитие умений пользоваться ею во благо себя и других, так как осознание индивидуальности — есть основа и стержень человеческого существования [4; 15].

Освещению этих вопросов, поставленных в социально-культурных и цивилизационных контекстах развития, посвящён огромный массив исследовательской лите-

ратуры. Это работы К. Маркса, Ф. Энгельса, З. Фрейда, Э. Фромма, Г. Мерей, К. Роджерса, К. Гольдштейна, К. Левина, Г. Оллпорта, Б. Кэттела, В. Франкла, Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадрикова, А. Г. Асмолова, Е. П. Белинской, В. Н. Дружинина, В. Д. Шадрикова, К. Юнга, В. Е. Лепского, В. С. Библера, Л. М. Баткина, Иконниковой, М. К. Мамардашвили, Г. Померанца, Е. Торчинова, И. Тэна, М. Элиаде, В. В. Гусаченко, С. М. Климова, Р. Ю. Кравченко, О. А. Микеева и т. д. Тема природы индивидуальности нашла отклик в работах отечественных философов В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова.

Культурно-антропологический кризис индивидуальности в постсовременности и его следствия нашли отражение в творчестве Ж. Лакана, Ж. Бодрийара, Х. Ортеги-и-Гассета [8; 21].

Вопросы развития свойств и качеств индивидуальности как «себя-в-себе-самом-показывающей» были разработаны Л. П. Буевой, И. С. Вдовиной, Л. С. Выготским, П. С. Гуревичем, А. А. Гусейновым. В социальной философии проблемы индивидуальности рассматриваются как результат влияния всей совокупности общественных отношений, институтов социализации и т. д. Эти мнения представлены в работах М. С. Кагана, Л. Н. Когана, Б. Д. Парыгина, Г. Н. Филонова, К. А. Абульхановой-Славской, Н. В. Андреевской, Л. И. Анцыферовой, Л. Д. Дёминой, И. С. Кона, В. П. Кузьмина, В. Л. Маркова и т. д.

Результаты (Results)

Глобальные перемены, происходящие в мировом пространстве (экономические и геополитические вызовы, разбалансированная цифровизация, вызовы пандемии COVID-19 и др.) трансформируют гуманитарные и социальные науки в сторону активизации поиска новых направлений, концептуальных подходов к изучению внутреннего мира современного человека и его субъектности, с их мгновенными изменениями, виртуальностью для создания условий полноценного самоосуществления им многомерной целостности своей индивидуальности.

При всей специфичности подходов к изучению рассматриваемого феномена учёных-представителей разных мировоззренческих позиций они сходятся во мнениях о том, что феномен индивидуальности проявляется на биологическом, социаль-

ном и духовном уровнях бытия живой материи, диалектично сосуществует в них и сохраняет свою реальность, демонстрируя системность развития. Уровни пребывания феномена индивидуальности не редуцируются и не суммируются друг с другом. Их ядра не смешиваются, являя тем самым несливающиеся природы целого, которые бытийствуют по принципу дополнительности и комплементарности. При этом индивидуальность несет в себе «печать» родовой специфики человека, отличие его от животных, взаимосвязь онто- и филогенетических закономерностей, самосознание, рефлексов человека, параметры распределения многомерности индивидуального, самооценку. Вместе с тем человеческая индивидуальность, не замкнутая на себя целостность, произвольно конструирующая своё внешнее и внутренние проявления — субъективный мир человеческой реальности. Она напоминает скорее палестру, где сталкиваются конечное и бесконечное, непрозрачность смысловых контентов с проявленным и ставшим. Г. Маркузе отмечал, что технологии не могут быть безразличными по отношению к обществу и к личности человека. Существовая под натиском разнообразных технологических продуктов и решений, человек становится «одномерным», а его индивидуальное развитие становится невозможным [19].

Обсуждение (Discussion)

Определившиеся базисные подходы к выяснению природы индивидуальности человека позволяют представить её как уникальную категорию, конфигурирующую в целостность природные свойства человеческой индивидуальности, её бессознательное и архетипическое. Можно сказать, что индивидуальность презентует отрефлектированную ментальность «Я» самости человека, реализующей бытие через его смысловую субстанцию. Вместилищем древа индивидуальности является внутренний субъективный мир человека.

Активный интерес к внутреннему миру человека складывался и в учениях софистов. Протагор, Горгий, Гиппий, изучали сущность человеческой индивидуальности, расставляя акценты на проблемы общества, человека, свободы духа. Поставив в центр своих рассуждений межчеловеческие отношения и восприятие человеком разных аспектов своего существования, они приоткрыли субъективную реальность внутреннего мира человеческого бытия, до того остававшейся

в тени неосознанного смысла. Они утверждали, что слово передаёт различные сведения о мире. Его великая сила в том, что она позволяет конструировать представления о прошлом, будущем, о миробытии в целом, презентовать многомерность состояний внутренних отсеков индивидуальности и духовных практик.

Взлеянная в недрах внутреннего, субъективного мира индивидуальность, любит таиться, скрываться в лабиринтах и тенетах этого мира, поскольку значима для человека и являет себя как нечто единственное, неповторимое, штучное. Данное только этому человеку как бытие его самости — предела индивидуации (К. Г. Юнг). Кристаллизация новых лакун в индивидуальности под влиянием внешнего мира, создаёт бифуркационные «коридоры перехода» из позиции её внутринадомности (внутреннее «Я») к позиции во вненадомности (универсальное «Я»). Связывая внутренним сознанием бытийный опыт «Я», индивидуальность эксплицирует его во вне, как кумулятивный способ саморефлексии ситуаций, через которые оно прошло, как то, что необходимо вытащить из омота невнятной, иллюзорной объективности «Я», подводя его к осмыслению реальности и «овозможиванию» воплотить осмысленное в собственном бытии.

Индивидуальность начинает ориентироваться на необходимость «уловить» живую целостность и смысловую перспективность, воспринимаемой ею реальности. Поэтому она не может оставаться «бесстрастным потребителем» событий окружающего её мира, не примерять себя к новым её измерениям и способам освоения, чтобы самосозидать, самореализовать себя в свободном экзистенциальном поиске проекций распределения своего «Я». И чем глубже интроспекция, масштабнее трансцендирование, тем дальше продвижение индивидуальности к охвату и постижению внешнего мира как целого.

Индивидуальность — это не дар богов человеку, а приобретаемые им по жизни свойства неповторимого единства самопознания конкретного «Я» и экзистенции, выступающие «вовне» автопойезисным потоком эвалюативных ценностных контентов. Скульптурируясь из тела живой материи — наследственных факторов, психологического склада возможностей, задатков, условий микросреды, жизненного опыта, индивидуальность не получает окончательной завершённости. Однако, изменяясь, она остаётся самым устойчивым инвариантом личностной целостности человека.

Вместе с тем понимать мотивы и целесообразность иметь общее «Дело — Действие» с этими другими способен только человек, который знает, чем он желает быть — *vis-a-vis* сам для себя и других, писал И. Г. Фихте. Следовательно, тот, кто обладает рефлексией собственной индивидуальности, и отражает смысл и значимость выхода за пределы обыденного горизонта её повседневного распределения. При этом Фихте был одним из первых, кто, упоминая «Я», утверждал, что это еще не индивидуальность. Только в действиях «Я» и в обратной рефлексии мы начинаем понимать последнюю как нечто. М. Бубер отмечал, что полевое распределение индивидуальности человека становятся его отношения с природой, другими людьми, историей всего рода. Узнавая о сущности бытия через вопрошание, оценку своих действий и самого себя. Нам представляется, что в возникающих коммуникативных лакунах бытия и нужно искать сущность онтологии индивидуальности, как особого модуса организации её существования, направленного на создание и укрепление самоосновности человека в мире, где «Я» становится истоком самоосновности.

Г. Гегель, рассуждая о природе сущности бытия в целом и индивидуальности, в частности, писал, что переходы из одного качества в другое и из качественного в количественное и, наоборот, состояния, обнажают факт наличия в вещах нечто пребывающее, и это пребывающее есть прежде всего сущность [11]. Сущность отлична от бытия. Она представляет собой «погруженное в самое себя бытие и происходит из бытия. Бытие в силу своей природы углубляется внутрь и через это вхождение в себя становится сущностью. Бытие не исчезает в сущности. Оно в ней низведено к видимости и сущность тем самым есть бытие как видимость в себе самой [12].

Заключение (Conclusion)

Таким образом, сущность индивидуальности — это неотчуждаемый знак природы конкретного события в истории эволюции и зафиксированный на матричном плато воспроизводящих структур вида *Homo sapiens*. Индивидуальность обеспечивает человеку высокую возможность стать мыслью бытия. Об этом, по крайней мере, мечтал В. И. Вернадский [9]. В этой ситуации человек, безусловно, ощущает себя онтологической единицей, ответственной за бытие. Он осознаёт себя носителем и участником смыслов бытия.

Став автором своей индивидуальности, человек осознает себя субъектом исторического процесса, гражданской истории, потенциально обладающим всеми характеристиками индивидуализированного рода человеческого, способами развёртывания им многомерной индивидуальности в поколенном пространстве — времени эпох, процессами, которые выделили человека из живой природы. Пониманием того, что на каждом определённом этапе развития культуры социума на первый план выдвигаются те или иные специфические грани индивидуальности, востребованные тем содержанием бытия, которое формируется в культурно-историческом процессе.

К. Маркс отмечал, что процессы развития общества действительно стали в некотором роде истоком становления и саморазвития человеческой индивидуальности. Деятельное освоение человеком ойкумены расселения и разрушение первоначальной природно-социальной слитности и неразличимости стадного существования стимулировало процесс дифференциации в распределении свойств человеческой индивидуальности через овладение искусством жить в социальном бытии. Многомерность мира, отражаясь через диалектику нервных анализаторов в сознании человека, нашла свою проявленность в формировании индивидуальности «Я»-материальное, «Я»-социальное, «Я»-духовное.

Дифференциация структурно-функциональных ветвей индивидуальности сформировала инструменты её явления в социуме через характер и способности. Черты характера, по Б. Г. Ананьеву, складываются под воздействием выбора мотивации поступка, деятельности, ролей, приёмов овладения и управления собственным поведением, выработки средств оценки для решения конфликтных ситуаций. Способности, по его мысли, это возможности организма трамплинировать успешное выполнение той или иной деятельности. Они формируются на основании как врожденных задатков, склонностей, конституциональных особенностей тела, особенностей нервной системы так и приобретённых — это знания, умения, мотивы, интересы [2]. Индивидуальность человека в процессе эволюции обретает целый набор свойств. Базовые свойства представляют: темперамент, характер, способности, поведение, деятельность. Особая роль отводится программирующим свойствам, ответственным за направленность деятельности, интеллект и самосознание человека. Они выступают организаторами поведения «Я»,

саморегулируют динамику взаимодействия различных индивидуальностей, границы этого взаимодействия и т. д. Единство и целостность биологических и социальных границ человека составляет его самобытную «Я-самость».

В. С. Мерлин считал, что индивидуальность формируется через призму функциональных особенностей человеческого организма, являясь следствием открытой, синкретичной и самоорганизующейся системы [20]. Он выделял три уровня на которых зарождается индивидуальность человека. Так нижний уровень представлен единством биохимических, общесоматических, нейродинамических процессов. Средний уровень характеризуется индивидуальными типологическими свойствами и состояниями, особенностью протекания психическими процессов и реакций. Самый высший уровень занимает социальное «ядро» человека — это социальные роли и свойства, особенности взаимодействия человека в экосистеме общественных отношений [20].

Вопрос о сочетании индивидуальности с её многомерными свойствами, жизненными притязаниями и осознающего темпоральность своей бытийности заставляет индивида проблематизировать в том, чем он полностью располагать не может. Поскольку смерть есть наиболее очевидный и неустранимый предел человека, одновременно придающий индивидуальности его жизни смысл и ценность. Вот почему бытие как законодатель человеческих прав на существование, нуждается в охране, заботе, оно ранимо. Следовательно, в человеческой индивидуальности должна быть сформирована ответственность за своё бытие и бытие других. Умение слышать и понимать сущность индивидуальных проблем своего существования, содержание которых отражает порой не способность механизмов социальной регуляции следовать за изменяющейся реальностью человеческого бытия.

Поэтому индивидуальность должна предполагать рефлексию всей жизни человека, обращение инверсии вглубь себя, выработку критического отношения к способу жизнедеятельности своего рода, практики «досмотра сознания». Благодаря чему человек вступает в собственно познавательное отношение к самому себе, другому и миру в целом — «здесь и теперь». Человек умирает, но его отношение к миру, следы его индивидуальности продолжают действовать на людей даже во много раз сильнее, чем при жизни, отмечал Л. Н. Толстой.

У М. К. Мамардашвили часто повторяется мысль о том, что необходимо «пробыть до конца» [18]. Стать бытийствующей индивидуальностью — значит уметь извлекать смысл и урок из того, что пережито, чтобы не превращать жизнь в дурную бесконечность «временения» [24]. Уметь становиться другим, «заново-рождаться», ощущать самодостаточность своей индивидуальности в этих актах осуществления себя как целостности [24].

Забота о себе — это феномен, отражающий диалектику взаимосвязи индивидуальности и человеческой бытийности с ее экзистенциальными измерениями. Индивидуальность является персональным проявлением чувств, аффектов, а экзистенция предполагает дальнейшее переживание этих чувств, их экстраполяцию на другие сферы жизнедеятельности человека.

Смысловые детерминанты «заботы о себе» в такой диалектической связке обнажают желание человека понять мир своей индивидуальности и себя в мире, отличить свое индивидуальное бытие от индивидуальности бытия других [25].

М. Фуко был одним из тех, кто воспроизвел понятие «забота о себе» [28; 30], представив её как способ ваения собственной индивидуальности средствами искусства, сформулировав принципы «эстетики существования» определенной «культуры себя». Практика такой «культуры» полностью собирается на основе индивидуальности конкретной самости «Я». Забота о себе в этом понимании направлена на возвращение способности управлять своей индивидуальностью, вырабатывать привычку в нахождении себя вновь и вновь. Забота о себе развивается, когда мы заботимся о других [24; 26].

Таким образом, забота о себе укоренена в самом этическом измерении индивидуальности личности и становится ключевой характеристикой человеческого существования, как тот шаг, который продлевает земную память о человеке и его неповторимой индивидуальности.

1. Александер Ф. Человек и его душа: познание и врачевание от древности до наших дней. М. : Прогресс-Культура : Яхтсмен, 1995. 304 с.

2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб. : Питер, 2001. 282 с.

3. Аристотель. Метафизика: переводы. Комментарии. Толкования. СПб. : Алетейя, 2002. 832 с.

4. Асмолов А. Г. Психология индивидуальности: методологические аспекты развития лич-

ности в историко-эволюционном процессе. М. : Изд-во МГУ, 1986. 307 с.

5. Батай Ж. Внутренний опыт. М. : Мифрил, 1997. 334 с.

6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 444 с.

7. Библер В. С. На гранях логики культуры: книга избранных очерков. М. : Рус. феноменолог. о-во, 1997. 440 с.

8. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. СПб. : Алетейя, 2000. 389 с.

9. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 520 с.

10. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб. : Союз, 1997. 93 с.

11. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М. : Республика, 1997. 495 с.

12. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб. : Наука, 1999. 423 с.

13. Голубева Э. А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна : Феникс +, 2005. 512 с.

14. Иванченко Г. В. Забота о себе: история и современность. М. : Смысл, 2009. 304 с.

15. Зинченко Ю. П. Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 11—14.

16. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. 415 с.

17. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб. : Владимир Даль, 2001. 305 с.

18. Мамардашвили М. К. Необходимость себя: введ. в философию : докл., ст., филос. заметки. М. : Лабиринт, 1996. 432 с.

19. Маркузе Г. Одномерный человек. М. : Рефлбук, 1994. 368 с.

20. Мерлин В. С. Психология индивидуальности: избр. психол. Труды. Воронеж : МОДЭК ; М. : Изд-во Ин-та практ. психол., 1996. 446 с.

21. Небылицын В. Д. Проблемы психологии индивидуальности. М. : Моск. псих.-соц. ин-т ; Воронеж : Модэк, 2000. 688 с.

22. Никитин Е. П. Феномен человеческого самоутверждения. СПб. : Алетейя, 2000. 215 с.

23. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М. : Весь мир, 1997. 701 с.

24. Сайкина Г. К. Философская антропология на языке онтологии // Ученые записки Казанского государственного университета. 2006. Т. 148, кн. 1. С. 5—20.

25. Соловьев В. С. Избранные произведения: сборник. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. 542 с.

26. Федичева К. В. Забота о себе: философский, онтологический и этический аспекты // Вестник Ленинградского государственного университета. 2010. Т. 2, № 3. С. 136—144.

27. Франкл Дж. Археология ума. М. : АСТ: Астрель, 2007. 254 с.

28. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет: сб. М. : Касталь, 1996. 447 с.

29. Фуко М. Рождение клиники. М. : Смысл, 1998. 309 с.

30. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб. : Наука, 2002. 451 с.

31. Bourbon M. From Presocratic krasis to Stoic krasis: The emergence of an organic model of the individuality // *Elenchos*. 2020. № 41. P. 165—180.

32. Kaiser M. I., Trappes R. Broadening the problem agenda of biological individuality: individual differences, uniqueness and temporality // *Biology and Philosophy*. 2021. № 36 (2). P. 1—28.

33. Rošker J. S. Modernizing the philosophy of creative creativity: Fang dongmei's fusion of holism and individuality // *Asian Studies*. 2020. № 8 (3). P. 141—160.

34. Wilkinson T. M. Individualism and the ethics of research on humans // *HEC Forum*. 2004. № 16 (1). P. 6—26.

References

1. Aleksander F. (1995) *Chelovek i ego dusha: poznanie i vrachevanie ot drevnosti do nashih dnei*. Moscow, Progress-Kul'tura, Yahtsman, 304 p. [in Rus].

2. Anan'ev B.G. (2001) *Chelovek kak predmet poznaniya*. St. Petersburg, Piter, 282 p. [in Rus].

3. Aristotel' (2002) *Metafizika: Perevody. Kommentarii. Tolkovaniya*. St. Petersburg, Aletejya, 832 p. [in Rus].

4. Asmolov A.G. (1986) *Psihologiya individual'nosti: metodologicheskie aspekty razvitiya lichnosti v istoriko-evolyucionnom processe*. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 307 p. [in Rus].

5. Bataj Z. (1997) *Vnutrennij opyt*. Moscow, Mifril, 334 p. [in Rus].

6. Bahtin M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorчества*. Moscow, Iskustvo, 444 p. [in Rus].

7. Bibler B.C. (1997) *Na granyah logiki kul'tury: kniga izbrannyh ocherkov*. Moscow, Russkoye fenomenologicheskoe obschestvo, 440 p. [in Rus].

8. Bodrijar Zh. (2000) *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo*. St. Petersburg, Aletejya, 389 p. [in Rus].

9. Vernadskij V.I. (1988) *Filosofskie mysli naturalista*. Moscow, Nauka, 520 p. [in Rus].

10. Vygotskij L.S. (1997) *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste*. St. Petersburg, Soyuz, 93 p. [in Rus].

11. Gajdenko P.P. (1997) *Proryv k transcendentnomu: novaya ontologiya XX veka*. Moscow, Respublika, 495 p. [in Rus].

12. Gegeľ G.V.F. (1999) *Lekcii po istorii filosofii*. St. Petersburg, Nauka, 423 p. [in Rus].

13. Golubeva E.A. (2005) *Sposobnosti. Lichnost'*.

Individual'nost'. Dubna, Feniks+, 512 p. [in Rus].

14. Ivanchenko G.V. (2009) *Zabota o sebe: istoriya i sovremennost'*. Moscow, Smysl, 304 p. [in Rus].

15. Zinchenko Yu.P. (2011) *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, no. 2 (6), pp. 11—14 [in Rus].

16. K'erkegor S. (1998) *Naslazhdenie i dolg*. Rostov-na-Donu, Feniks, 415 p. [in Rus].

17. Lipovecki Z.H. (2001) *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 305 p. [in Rus].

18. Mamardashvili M.K. (1996) *Neobhodimost' sebya: vved. v filosofiyu: dokl., st., filos. Zametki*. Moscow, Labirint, 432 p. [in Rus].

19. Markuze G. (1994) *Odnomernyj chelovek*. Moscow, Refl-buk, 368 p. [in Rus].

20. Merlin B.C. (1996) *Psihologiya individual'nosti: izbr. psihol. Trudy. Voronezh, Modek*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta prakticheskoy psihologii, 446 p. [in Rus].

21. Nebylicyn V.D. (2000) *Problemy psihologii individual'nosti*. Moscow, Moskovskij psihologosocial'nyj institut, Voronezh, Modek, 688 p. [in Rus].

22. Nikitin E.P. (2000) *Fenomen chelovecheskogo samoutverzheniya*. St. Petersburg, Aletejya, 215 p. [in Rus].

23. Ortega-i-Gasset X. (1997) *Izbrannye trudy*. Moscow, Ves' mir, 701 p. [in Rus].

24. Sajkina G.K. (2006) *Uchenye zapiski Kazan. gos. un-ta*, vol. 148, pp. 5—20 [in Rus].

25. Solov'ev B.C. (1998) *Izbrannye proizvedeniya: sbornik*. Rostov-na-Donu, Feniks, 542 p. [in Rus].

26. Fedicheva K.V. (2010) *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, no. 3, pp. 136—144 [in Rus].

27. Frankl Dzh. (2007) *Arheologiya uma*. Moscow, AST, Astrel', 254 p. [in Rus].

28. Fuko M. (1996) *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: raboty raznyh let: sb.* Moscow, Kastal', 447 p. [in Rus].

29. Fuko M. (1998) *Rozhdenie kliniki*. Moscow, Smysl, 309 p. [in Rus].

30. Hajdegger M. (2002) *Bytie i vremya*. Sankt-Peterburg, Nauka, 451 p. [in Rus].

31. Bourbon M. (2020) *Elenchos*, no. 41, pp. 165—180 [in Eng].

32. Kaiser M.I. (2021) Trappes R. *Biology and Philosophy*, no. 36 (2), pp. 1—28 [in Eng].

33. Rošker J.S. (2020) *Asian Studies*, no. 8 (3), pp. 141—160 [in Eng].

34. Wilkinson T.M. (2004) *HEC Forum*, vol. 16 (1), pp. 6—26 [in Eng].

For citing: Barkova V. V., Tsilitsky V. S.
Content and features of the phenomenon
of individuality in the context
of philosophical practice //
Socium i vlast'. 2021. № 3 (89). P. 17–24.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-3-17-24.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-17-24

UDC 159.9.015

CONTENT AND FEATURES OF THE PHENOMENON OF INDIVIDUALITY IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL PRACTICE

Valentina V. Barkova,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor,
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: barkova.vv@yandex.ru

Vitaly S. Tsilitsky,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Head of the Department of Scientific Work,
Associate Professor of the Department Chair
of Pedagogy and Psychology,
Cand. Sc. (Education),
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: tsilitskyvs@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article studies some aspects of the phenomenon of human individuality. Human individuality is a subject of research interest in many sciences. In the process of human development, the inner world of human individuality, unique in its multidimensionality of consequences, began to be exposed, it is a form of human subjective being, and exists and acts autonomously, while maintaining its integrity.

The purpose of the study is to identify basic approaches to defining the ontological essence of a person's individuality.

Research methods: historical and analytical method, conceptual and terminological analysis, analysis, synthesis, generalization, abstraction and concretization, comparison, etc.

Scientific novelty of the study. The article provides a definition of the phenomenon of «human individuality» from the standpoint of different interdisciplinary directions. The authors note that individuality is not a self-contained integrity that arbitrarily constructs an external and internal manifestation, that is the subjective world of human reality, but rather resembles a space in which the finite and infinite collide, and the opacity of semantic content collide with the content which has already been manifested.

Research results: The paper presents various approaches to the phenomenon of individuality from the standpoint of different worldview positions. The authors note that individuality is not a self-contained integrity that arbitrarily constructs its external and internal manifestation - the subjective world of human reality.

Conclusions. The authors note that the essence of individuality is not an alienated sign of the nature of a specific event in the history of evolution. Individuality provides a person with a high opportunity to become a thought of being. In this situation, a person, of course, feels himself an ontological unit responsible for being, realizing himself as a bearer and participant in the meanings of being. In the process of understanding his individuality, a person is aware of himself as a subject of the historical process, civil history, potentially possessing all the characteristics of an individualized human race, the ways he unfolds a multidimensional individuality in a generational space - the time of eras, processes that have distinguished a person from living nature.

Key words:
inner world,
individuality,
multidimensionality of individuality,
subjectivity,
integrity.

Для цитирования: Антонова О. А., Колесник Е. А., Масленникова Е. В. Теоретические основы цифровой трансформации рынка труда и занятости в моногороде // Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 25—45. DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-25-45.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-25-45

УДК 331.5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ В МОНОГОРОДЕ

Антонова Ольга Анатольевна, Челябинский государственный университет, доцент кафедры государственного и муниципального управления; Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, старший научный сотрудник, кандидат экономических наук, доцент. Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129 E-mail: antonova.oa@uiec.ru

Колесник Елена Анатольевна, Челябинский государственный университет, доцент кафедры государственного и муниципального управления, кандидат экономических наук, доцент. Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129 E-mail: elena.kolesnik.007@yandex.ru

Масленникова Елена Васильевна, Челябинский государственный университет, доцент кафедры государственного и муниципального управления, кандидат экономических наук, доцент. Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129 E-mail: evm26@mail.ru

Аннотация

Введение. На территории Челябинской области расположено 16 моногородов, рынок труда и занятость которых зависит от социально-экономического положения монопрофильного предприятия. Такое положение дел отражается на росте безработицы, снижении уровня человеческого капитала, качества жизни населения, потере научно-производственного потенциала.

По мнению авторов статьи, разработка теоретических основ цифровой трансформации рынка труда и занятости моногорода позволит найти альтернативные пути занятости населения для совершенствования региональной политики на рынке труда и занятости.

Цель исследования заключается в разработке теоретических основ цифровой трансформации рынка труда и занятости моногорода.

Методы. Авторами в ходе исследования были использованы следующие научные методы: системный анализ, сравнение, описание, обобщение, систематизация, формализация, анализ источников и др.

Научная новизна исследования состоит в определении понятий «цифровая трансформация рынка труда моногорода», «цифровая платформа рынка труда»; в определении изменений в элементах структуры рынка труда моногорода в процессах цифровой трансформации; в определении субъектов, объектов цифровой трансформации рынка труда; в разработке сравнительной характеристики традиционного рынка труда и рынка труда Индустрии 4.0 моногорода; в разработке рекомендаций по цифровой трансформации рынка труда моногорода для совершенствования региональной политики занятости.

Результаты и выводы. В результате анализа структуры занятости населения моногородов Челябинской области были определены количественные трансформации в изменении численности проживающего населения, среднесписочной численности работников организаций в сторону ее сокращения, среднемесячная заработная плата работников по организациям моногородов характеризуется нестабильным уровнем. Анализ безработицы показал, что существует тенденция роста числа молодежи среди безработных, в то же время снижается скрытая безработица, в целом уровень безработицы по моногородам выше, чем по Челябинской области за весь исследуемый период. Проведенный анализ показал, что необходим поиск альтернативных путей занятости населения, снижение уровня безработицы, что в результате исследования позволило разработать теоретические основы трансформации рынка труда и занятости моногорода.

Ключевые понятия:

моногород,
рынок труда,
занятость,
цифровая трансформация.

Введение

Рынок труда моногородов характеризуется преобладающей долей одного работодателя, что накладывает свои особенности на его развитие и динамику занятости, обостряя ситуацию в случае кризиса. Вместе с тем объективные тенденции цифровой трансформации создают благоприятные возможности для расширения занятости населения моногородов, с другой стороны, порождают определенные риски сокращения рабочей силы связанные с модернизацией производств.

Цифровая трансформация рынка труда тесно связана с распространением нестандартных форм занятости, которые становятся дополнением к стандартной занятости, а в некоторых случаях могут заменить ее. Это связано с тем, что в случае нестандартных форм занятости наиболее полно, в настоящее время, реализуются интересы и потребности как работодателей, так и работников.

Трудоспособное население моногородов Челябинской области характеризуется, как правило, высоким уровнем образования, что потенциально дает им возможность для освоения и приобретения цифровых компетенций и использования их для поиска работы с более высокой оплатой, гибким графиком, перспективами развития и обучения. Однако следует учитывать риски такого трудоустройства, которые связаны с низкими социальными гарантиями, слабым государственным регулированием данной сферы и отсутствием мер социальной защиты.

В связи с этим, необходимо исследование теоретических основ цифровой трансформации рынка труда и занятости в моногороде с целью нахождения альтернативных вариантов занятости населения для совершенствования региональной политики на рынке труда и занятости. Учитывая перспективы и преимущества цифровой трансформации рынка труда и занятости в моногородах, а также порождаемые ею риски, актуальность исследования данных процессов представляется достаточно высокой.

Моногородом признают считать населенный пункт, основная часть трудоспособного населения которого трудится на одном или нескольких (немногих) градообразующих предприятиях, как правило, одного профиля. Официальные критерии отнесения муниципальных образований к моногородам установлены в Постановлении Правительства РФ от 29.07. 2014 года № 709, к ним относятся: численность постоянного

населения муниципального образования превышает 3 тыс. человек; численность работников градообразующей организации за 5-летний период достигла 20 % среднесписочной численности работников всех организаций города; осуществление градообразующей организации деятельности по добыче полезных ископаемых (кроме нефти и газа), и (или) производству, и (или) переработке промышленной продукции.

Выделяют три категории моногородов по их социально-экономическому положению¹. По данным 2016 г., к первой категории моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением относят города Челябинской области: Усть-Катав, Нязепетровск, Верхний Уфалей, Карабаш и Аша.

Ко второй категории относятся моногорода, которые не вошли в категории 1 и 3 и имеют риски ухудшения социально-экономического положения. К ней относятся города Челябинской области: Миньяр, Сим, Бакал, Сатка, Озерск, Миасс, Златоуст и Чебаркуль.

К третьей категории относятся монопрофильные муниципальные образования со стабильной социально-экономической ситуацией. В Челябинской области это города Магнитогорск, Трехгорный и Снежинск.

Как показывают исследования В. Н. Бобкова, Ю. Г. Одегова, А. П. Гарнова [1], Е. В. Одинцовой [3], Н. В. Бобкова [2], Т. И. Бухтиярова, В. В. Федорова [4], А. А. Гундарева [8] и др. основной проблемой моногородов является высокая степень сохранения своей исторически сложившейся специализации, где промышленное производство было и остается главным «локомотивом» социально-экономических процессов. В то же время, по мнению И. А. Раевича, «одна из главных причин депрессивности в моногородах является вовсе не закрытие производств, а их модернизация: автоматизация, новые технологии, цифровизация», что приводит к сокращению рабочей силы. При этом происходят такие процессы дегерации как: превышение смертности над рождаемостью, отсутствие инвестиционной привлекательности и территориального роста, нехватка научно-производственно-

¹ О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения: Постановление Правительства РФ от 29.07. 2014 г. № 709. URL: <https://base.garant.ru/70707142/>(дата обращения: 08.05.2021).

го потенциала, уменьшение соотношений средней заработной платы и прожиточного минимума, отток населения из моногородов и др.

Методы и материалы

Целью данного исследования является разработка теоретических основ цифровой трансформации рынка труда моногорода, что позволит учесть динамичность рынка труда, определить альтернативные пути повышения занятости населения для совершенствования региональной политики занятости.

Для достижения цели были определены следующие задачи, которые предопределили структуру исследования:

1. Дать определение понятию «цифровая трансформация рынка труда моногорода», «цифровая платформа рынка труда».
2. Определить изменения в элементах структуры рынка труда моногорода в процессах цифровой трансформации.
3. Определить субъекты, объекты цифровой трансформации рынка труда.
4. Дать сравнительную характеристику традиционному рынку труда и рынку труда Индустрии 4.0 моногорода.
5. Разработать рекомендации для региональных и местных органов власти и управления, бизнеса, населения по цифровой трансформации рынка труда моногорода для совершенствования региональной политики занятости.

Объект исследования — рынок труда моногорода.

Предмет — цифровая трансформация рынка труда в моногороде.

В ходе исследования были использованы следующие научные методы: системный анализ, сравнение, описание, обобщение, систематизация, формализация, анализ источников и др.

Для достижения цели исследования был проведен анализ некоторых социально-экономических процессов происходящих в моногородах Челябинской области. В результате анализа были выявлены следующие тенденции изменения на рынке труда и занятости населения.

1. Количественные трансформации. К одним из остро стоящих социально-экономических проблем рынка труда моногородов Челябинской области относится сокращение численности постоянно проживающего населения, рост безработицы, в том числе

структурной, сокращение рабочей силы в возрасте 15—45 года, переход рабочей силы из формальной занятости в неформальную и др. Численность постоянно проживающего населения в моногородах за 2009—2019 гг. представлена в табл. 1.

Из данных табл. 1 видно, что по всем моногородам 1 категории прослеживается тенденция снижения постоянно проживающего населения, что ведет, в свою очередь, к снижению экономически активного населения, потере социально-трудового потенциала, человеческого капитала. Самое большое сокращение населения за период с 2009 по 2019 г. произошло в г. Карабаш, где население сократилось на 27 %, в г. Нязепетровск — на 18 %, в г. Верхний Уфалей — на 15,5 %, в г. Аша — на 15 %, в г. Усть-Катав — на 9,7 %. В моногородах 2-й категории самая лучшая ситуация в г. Миасс, где снижение численности населения произошло на 0,5 %, а самое большое в г. Сим на 16 %. За ними следуют города: Миньяр — на 14 %, Бакал — на 11 %, Сатка — на 10,2 %, Златоуст — на 8,6 % и Чебаркуль — на 4 %. Города Магнитогорск и Снежинск входят в 3 категорию моногородов и здесь наблюдается увеличение населения, в частности в г. Магнитогорск на 1,4 %.

Несмотря на многочисленные исследования в области рынка труда моногородов, которые характеризуются фрагментарностью и преобладанием решений тактического, а не стратегического характера для преодоления присущих им сегодня проблем, рекомендации сводятся преимущественно к диверсификации экономики моногородов через расширение инвестиционной политики, что требует значительных затрат времени и ресурсов. При этом местный рынок труда по-прежнему остается незащищенным от разного рода кризисов. Так, в г. Верхний Уфалей уровень безработицы в 2020 г. во время пандемии Covid-19 составил 7,01 % по данным экономического обзора представленного на официальном сайте Администрации Верхнеуфалейского городского округа.¹ Кроме роста уровня безработицы наблюдается ежегодное сокращение среднесписочной численности работников организаций, в т. ч. градообразующих предприятий моногородов за 2000—2020 гг. (табл. 2).

Из данных табл. 2 видно, что в организациях всех категорий за период 2000—2020 гг. в моногородах наблюдается

¹ Официальный сайт Администрации Верхнеуфалейского городского округа. URL: <http://ufaleyadmin.ru/htmlpages/Show/socioEconomicDevelopment/economobz2020> (дата обращения: 10.05.2021).

Таблица 1
Численность постоянного населения проживающего в моногородах Челябинской области за 2009—2019 гг. (чел.)¹

Моногород	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
<i>1 категория — наиболее сложное социально-экономическое положение</i>											
Усть-Катав	27 283	27 151	26 865	26 635	26 437	26 285	25 977	25 721	25 583	25 266	24 922
Нязепетровск	18 974	18 705	18 194	17 883	17 569	17 370	17 262	16 956	16 680	16 500	16 222
Верхний Уфалей	35 907	35 525	34 947	34 371	33 861	33 366	32 746	32 279	31 769	31 267	30 564
Аша	65 941	65 349	64 620	63 898	62 969	61 834	61 144	60 427	59 828	58 927	57 977
Карабаш	14 009	13 740	13 327	13 001	12 497	12 140	11 817	11 555	11 385	11 202	11 059
<i>2 категория — имеются риски ухудшения социально-экономического положения</i>											
Миньяр	10 325	10 371	10 141	10 037	9940	9766	9652	9459	9342	9128	9017
Сим	14 908	14 662	14 429	14 229	13 969	13 672	13 542	13 365	13 170	12 893	12 645
Бакал	21 052	21 110	20 910	20 708	20 485	20 256	20 153	19 942	19 590	19 264	19 009
Сатка	46 025	45 500	45 044	44 443	43 934	43 229	42 688	42 437	42 214	41 798	41 339
Озерск ²	н/д	82 250	81 455	81 024	80 602	80 017	79 520	79 256	79 079	78 818	78 441
Миасс	167 242	167 163	166 368	166 179	166 231	166 564	167 160	167 096	167 481	167 090	166 476
Златоуст	180 365	179 017	176 993	175 829	174 527	173 137	172 158	171 260	170 127	169 004	167 464
Чебаркуль	73 478	72 911	72 356	71 756	71 439	70 744	70 589	70 413	69 667	70 017	70 541
<i>3 категория — стабильное социально-экономическое положение</i>											
Магнитогорск	407 457	407 718	407 895	409 593	411 880	414 897	417 039	417 563	418 241	416 521	413 267
Трехгорный ³	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	32600	н/д	н/д	н/д
Снежинск ⁴	н/д	н/д	н/д	н/д	49 969	н/д	50 684	50 899	51 409	51 843	52 099

Составлено авторами по данным: Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области; статистическим показателям социально-экономического развития Озерского городского округа; бюджета для граждан г. Снежинска; официального сайта органов местного самоуправления города Трехгорного.

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: https://chelstat.gks.ru/main_indicators?print=1 (дата обращения: 08.05.2021).

² Статистические показатели социально-экономического развития Озерского городского округа. URL: <http://www.ozerskadm.ru/regulatory/passport/> (дата обращения: 08.05.2021).

³ Официальный сайт органов местного самоуправления города Трехгорного. URL: <http://admintrg.ru/> (дата обращения: 10.05.2021).

⁴ Официальный сайт органов местного самоуправления Снежинского городского округа. URL: <http://www.snzadm.ru/?p=217> (дата обращения: 10.05.2021).

Таблица 2

Среднесписочная численность работников организаций моногородов Челябинской области за 2000—2020 гг. (без внешних совместителей и работников несписочного состава; человек)¹

Моногород	2000	2005	2014	2015	2016	2017	2018	2019 ²	2020 ³
Челябинская область	1 322 574	1 220 168	1 121 720	1 088 581	1 065 876	1 060 038	105 600	802 611	786 541
<i>1 категория — наиболее сложное социально-экономическое положение</i>									
Усть-Катав	9310	9241	7921	7897	7771	7059	6872	7181	7064
Нязепетровск	5057	4366	2942	2867	2811	2817	2685	2571	2458
Верхний Уфалей	13 082	11 596	8394	7984	7683	5862	5472	5536	5289
Аша (Миньяр, Сим)	20 677	19 568	14 745	14 404	14 254	14 259	14 175	14 163	13 940
Карабаш	3214	3312	2728	2763	2842	2893	2966	3016	2978
<i>2 категория — имеются риски ухудшения социально-экономического положения</i>									
Сатка (Бакал)	34 177	29 946	20 902	20 158	19 667	19 056	18 382	18 414	18 295
Озерск					н/д				
Миасс	57 092	53 082	43 290	41 364	40 233	40 209	40 098	39 780	39 239
Златоуст	62 095	50 023	31 848	30 864	30 306	29 035	28 832	28 110	25 026
Чебаркуль	12 392	12 031	9799	10 069	9884	9470	10092	4888	5081
<i>3 категория — стабильное социально-экономическое положение</i>									
Магнитогорск	145 703	141 528	122 387	121 322	120 222	117 498	117 909	114 354	110 758
Трехгорный					н/д				
Снежинск					н/д				

Составлено авторами по данным: Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области; статистического ежегодника по Челябинской области.

¹ Статистический ежегодник по Челябинской области : стат. сб. / Челябинскстат. Челябинск, 2019. С. 91—92). URL: https://istmat.info/files/uploads/54063/statisticheskij_ezhgodnik_po_chelyabinskoy_oblasti_2019.pdf (дата обращения: 10.05.2021).

² Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: https://chelstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D1%81%D0%BF%20%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8C%202019.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

³ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: https://chelstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D1%81%D0%BF%20%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8C%202020.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

снижение численности рабочей силы. Так, за 20 лет в г. Аша среднесписочная численность работников организаций сократилась на 67,4 %, в г. Нязепетровск на 48,6 %, в г. Верхний Уфалей на 40,4 %, в г. Сатка на 53,5 %, в г. Златоусте на 40,3 % и т. д. Это связано, в том числе, со сложившейся неблагоприятной демографической тенденцией, трудоспособное население стареет и выходит на пенсию, а молодых кадров не хватает из-за падения рождаемости в 90-х годах XX столетия.

2. Структура занятости населения моногородов имеет разные тенденции и характер. По данным 2020 г., в табл. 3 представлена численность трудоспособного населения, среднесписочная численность градообразующего предприятия и среднемесячная заработная плата по крупным и средним организациям.

По данным табл. 3, в моногородах в 2020 г. проживало 35 % населения Челябинской области. Среди них численность трудоспособного населения составила 29,2 % (кроме городов Озерск, Снежинск, Трехгорный) от общей численности трудоспособного населения Челябинской области.

К эффективно действующим градообразующим предприятиям можно отнести: Усть-Катавский вагоностроительный завод им. С. М. Кирова — филиал ФГУП ГНПЦ им. М. В. Хруничева, ПАО «Ашинский металлургический завод», АО «Карабашмедь», ФГУП «Производственное объединение «Маяк», ПАО «Уралкуз», ОАО «ММК» и др.

Вместе с тем в сложном экономическом положении находятся ОАО «Уфалейникель», Нязепетровский филиал ООО «Литейно-механический завод» и др., что отражается на распространении депрессивного настроения среди населения, росте социальной напряженности, ухудшении ситуации на рынке труда.

Так, деятельность градообразующего предприятия г. Верхнего Уфалея ОАО «Уфалейникель» была приостановлена в 2017 году. Без работы остались 2,5 тыс. человек. В августе 2020 г. губернатором Челябинской области был представлен новый инвестор ООО «Полимет Инжиниринг». На площадке обанкротившегося ОАО «Уфалейникеля» планируют построить Цинковый электролизный завод. Новый инвестор планирует вложить в проект 21,4 миллиарда рублей, пусконаладочные работы начнутся в середине 2022 года. В проекте будут использованы самые современные производственные технологии, которые позволят минимизировать влияние на окружающую среду.

На предприятии планируют создать 820 рабочих мест со средней зарплатой 56,0 тыс. рублей. По данным правительства региона, производительность нового завода составит 120 тысяч тонн металлического цинка в год, что может позволить ему стать вторым в России по мощности производства цинка.

Необходимо отметить, что в ноябре 2017 года г. Верхний Уфалей был присвоен статус территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). На базе ОАО «Уфалейникеля» как наиболее привлекательной площадки для инвесторов планировалось создать промышленный парк. В ноябре 2020 закончился срок, когда резиденты ТОСЭР могли получить максимальные преференции. На тот момент было зарегистрировано шесть резидентов. Это небольшие производства, действующие не на территории ОАО «Уфалейникеля», с общим количеством рабочих мест не более 150.¹

Если сравнивать среднемесячную заработную плату в организациях моногородов со среднемесячной заработной платой по Челябинской области, складывается следующая ситуация. Наименьший уровень среднемесячной заработной платы оказался в организациях г. Усть-Катава (1 категория моногорода), где среднемесячная заработная плата на 66 % меньше среднемесячной заработной платы по Челябинской области. Самый высокий уровень среднемесячной заработной платы установлен в организациях г. Магнитогорска (3 категория моногорода). Он на 15 % больше, чем среднемесячная заработная плата по Челябинской области.

Анализ структуры занятости населения моногородов показал, что по данным ОКУ Центров занятости населения моногородов, происходит нарастание потребности в квалифицированных рабочих. Так, в г. Верхний Уфалей нереализованный спрос на рабочую силу на 01.01.2020 г. составил 193 чел., в том числе по рабочим — 96 чел., по состоянию на 01.01.2021 г. — 188 чел., в том числе по рабочим специальностям — 111 чел. В г. Усть-Катав по состоянию на 01.01.2020 г. нереализованный спрос на рабочую силу составил 225 чел., из них по рабочим —

¹ По материалам: Ю. Гаврилова «Уфалейникель» пошел на понижение. Коммерсант (Челябинск) 2020. 22 янв. № 10. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4226495> (дата обращения: 15.05.2021.); М. Иванова, С. Талипова На южноуральском заводе эпично взорвали две огромные трубы: онлайн-трансляция. 2020. 26 авг. URL: <https://74.ru/text/gorod/2020/08/26/69442795> (дата обращения: 15.05.2021).

Таблица 3

Численность трудоспособного населения Челябинской области, проживающего в моногородах по категориям, среднесписочная численность работников градообразующего предприятия, среднемесячная заработная плата за 2020 г.¹

№	Моногород, градообразующее предприятие	Численность трудоспособного населения / среднесписочная численность градообразующего предприятия, чел.	Среднемесячная заработная плата, руб.
	Челябинская область	1 846 700	42 666,2
<i>1 категория — наиболее сложное социально-экономическое положение</i>			
1	Усть-Катав, Усть-Катавский вагоностроительный завод им. С. М. Кирова — филиал ФГУП ГКНПЦ им. М. В. Хруничева	11 800 / 3351	28 231,9
2	Нязепетровск, Нязепетровский филиал ООО «Литейномеханический завод»	6800 / н/д	28 985,8
3	Верхний Уфалей, ОАО «Уфалейникель»	13 100 / н/д	31 426,5
4	Аша, ПАО «Ашинский металлургический завод»	22 765 / 4062	39 466,9
5	Карабаш, АО «Карабашмедь»	5628 / 1412	33 876,8
	Итого по 1 категории	60 093	—
<i>2 категория — имеются риски ухудшения социально-экономического положения</i>			
6	Миньяр ² , ОАО «Миньярский карьер»	н/д / 285	39 466,9
7	Сим ³ , ОАО «Агрегат»	н/д / 2342	39 466,9
8	Бакал ⁴ , ООО «Бакальское рудоуправление»	н/д / 880	34 511,8
9	Сатка, ОАО Комбинат «Магнетит»	32 889 / 2673	34 511,8
10	Озерск, ФГУП «Производственное объединение «Маяк»	н/д	н/д
11	Миасс, ОАО Автомобильный завод «УРАЛ»	87 968 / 6280	39 159,9
12	Златоуст, ОАО «Златоустовский машиностроительный завод»	85 837 / н/д	32 703,0
13	Чебаркуль, ПАО «Уралкуз»	39 312 / 3420	30 735,1
	Итого по 2 категории	—	—
<i>3 категория — стабильное социально-экономическое положение</i>			
14	Магнитогорск, ОАО «ММК»	233 966 / 56 609	49 056,5
15	Трехгорный, ФГУП «ПСЗ»	н/д	н/д
16	Снежинск, ФГУП «Российский Федеральный Ядерный Центр — ВНИИ технической физики им. акад. Е. И. Забахина»	н/д	н/д
	Итого по 3 категории	—	—
	Всего по 1, 2, 3 категориям	540 065	—

Источник: составлено авторами по данным представленным, на сайте о странах, городах «Население Челябинской области», официальные сайты и годовые отчеты предприятий.

¹ Население Челябинской области. URL: <https://www.sites.google.com/site/ruregdatav1/naselenie/chelyabinskoy-oblasti> (дата обращения: 11.05.2021).

² Г. Миньяр входит в Ашинский муниципальный район.

³ Г. Сим входит в Ашинский муниципальный район.

⁴ Г. Бакал входит в Саткинский муниципальный район.

220 чел., по состоянию на 01.01.2021 г. — 243 чел., в том числе по рабочим — 235 чел. В г. Нязепетровск по состоянию на 01.01.2020 г. заявленная работодателями потребность в работниках составила 43 чел., из них по рабочим — 51,16 %, по состоянию на 01.01.2021 г. спрос на рабочую силу составил 50 чел., из них по рабочим специальностям — 62 %. В г. Чебаркуль по состоянию на 01.01.2020 г. спрос на рабочую силу составил 412 чел., из них на рабочих — 56,8 %, а на 01.01.2021 г. спрос составил 643 чел., из них на рабочих — 62,52 %, рост составил 5,72 %.

В целом в профессионально-квалификационной структуре спроса на рынке труда моногородов наблюдается преобладающий спрос на рабочие специальности (79,8 %). По данным ОКУ ЦЗН моногородов среди специалистов и служащих существует избыток предложения труда на экономистов, бухгалтеров, юристов. Наибольший спрос со стороны работодателей в 2020 г. наблюдался на делопроизводителей — 25 %, врачей — 49 %, медицинских сестер — 24 %, инженеров — 32 %, рекламных агентов — 16 %, социальных работников — 19 % от общей потребности в специалистах и служащих.

Кроме того, наблюдался рост неучтенной вторичной занятости (в 2020—2021 гг. среднесписочная численность занятых составляет 48 % трудовых ресурсов, а в 2019 г. — 42 %).

3. Анализ безработицы в моногородах показал, что:

- преимущественно без работы остаются молодежь и женщины, вместе с тем наблюдается тенденция по снижению количества женщин, обратившихся по вопросу поиска работы в ОКУ ЦЗН: 2018 г. — 53,6 %, 2019 г. — 51,9 %, 2020 г. — 49,4 %;
- за 2019—2020 гг. число молодежи в возрасте 16—29 лет в структуре зарегистрированных безработных составила: в 2019 г. — 34 % (по области 16,4 %), в 2020 г. — 39 % (по области 21,4 %). В начале 2021 г. наметилась тенденция сокращения до 35 % (по области 19 %), что говорит о росте спроса на молодых работников, но с другой стороны, косвенно свидетельствует о более высокой мобильности молодежи, которая покидает моногород в силу его низкой привлекательности имеющих рабочих мест, ограниченного выбора профессии, высокой конкуренции, отсутствие опыта работы у молодых людей,

что не позволяет претендовать им на вакантные места в престижных организациях;¹

- снижается скрытая безработица (по некоторым моногородам): в 2018 г. в отпусках по инициативе администрации находились 828 человек или 1,5 % от численности занятых; в 2019 г. — 209 чел. (1,08 %); в 2020 г. — 1113 чел. (1,98 %), в начале 2021 г. — 2152 чел. (15,5 %) [9].

Распределение муниципальных образований по уровню официально зарегистрированной безработицы в % к экономически активному населению за 2012 — начало 2021 гг. представлено в табл. 4. По данным, представленным в табл. 4, можно отметить, что стабильно высокий уровень безработицы в период с 2012 г. по начало 2021 г. среди моногородов первой категории наблюдался в г. Нязепетровске. В 2017 г. там был зафиксирован самый высокий уровень безработицы (8,7 %), самый низкий уровень был в 2020 г. в г. Аша (2,3 %). В группе моногородов второй категории самый высокий уровень безработицы можно отметить в г. Чебаркуле в начале 2021 г. (7,8 %), а самый низкий в г. Златоусте в 2019 г. (1,0 %). В моногородах третьей категории самый высокий уровень безработицы был зафиксирован в г. Магнитогорске в начале 2021 г. (2,8 %), а самый низкий уровень безработицы был в г. Снежинске в 2020 г. (0,4 %).

Снижение численности населения моногородов, рост уровня безработицы происходит по разным причинам, одной из которых является недостаточно эффективная государственная политика занятости в моногородах. Для решения социально-экономических проблем рынка труда и занятости моногорода важно учитывать новые открывающиеся возможности, которые предоставляет цифровая экономика частью, которой становится гигэкономика.

В цифровой экономике происходит трансформация рынка труда, социально-трудовых отношений и форм трудовой занятости. Трудовая занятость перемещается в виртуальное пространство. Стандартные формы занятости трансформируются в новые разновидности нестандартных форм занятости, а навыки работников становятся цифровыми. В современном обществе действует объективная тенденция размывания стандартной занятости и постепенного ее дополнения различными формами нестандартной занятости. Поэтому

¹ Южноуральская панорама. URL: <https://up74.ru/articles/news/128863> (дата обращения: 15.05.2021).

Таблица 4
Распределение муниципальных образований по уровню официально зарегистрированной безработицы в % к экономически активному населению за 2012 — начало 2021 гг.¹

Наименование муниципальных образований	Уровень безработицы по состоянию на 01.01.2012	Уровень безработицы по состоянию на 01.01.2013	Уровень безработицы по состоянию на 01.01.2014	Уровень безработицы по состоянию на 01.01.2015	Уровень безработицы по состоянию на 01.01.2016	Уровень безработицы по состоянию на 01.01.2017	Уровень безработицы по состоянию на 01.01.2018	Уровень безработицы по состоянию на 01.01.2019	Уровень безработицы по состоянию на 01.01.2020	Уровень безработицы по состоянию на 01.01.2021
	Всего по Челябинской области	1,5	1,4	1,5	1,7	1,9	1,8	1,4	1,16	1,1
<i>1 категория — наиболее сложное социально-экономическое положение</i>										
Усть-Катав	4,2	3,7	3,9	4,2	4,7	4,6	4,9	4,3	2,95	4,1
Нязепетровск	7,8	6,8	6,5	7,3	7,7	8,7	8,5	7,0	5,9	6,3
Верхний Уфалей	3,5	3,2	4,0	5,0	5,4	4,6	7,9	3,8	3,4	5,5
Аша (Миньяр, Сим)	4,5	3,3	3,3	4,0	4,0	3,7	3,5	3,0	2,3	3,4
Карабаш	5,0	4,4	4,6	3,8	4,0	4,8	4,0	3,9	2,9	4,5
<i>2 категория — имеются риски ухудшения социально-экономического положения</i>										
Сатка (Бакал)	2,9	3,2	3,0	3,0	3,3	3,3	2,5	2,1	2,1	3,6
Озерск	1,9	2,1	1,7	1,8	2,0	2,0	1,5	1,2	1,5	3,6
Миасс	1,8	1,5	1,8	2,4	2,6	1,9	1,3	1,2	1,2	3,9
Златоуст	1,7	1,5	1,7	2,1	2,1	2,1	1,5	1,0	1,1	3,8
Чебаркуль	4,9	3,1	2,8	3,4	3,5	3,6	2,8	2,4	2,6	7,8
<i>3 категория — стабильное социально-экономическое положение</i>										
Магнитогорск	0,8	0,9	1,1	1,3	1,5	1,3	1,0	0,8	0,9	2,8
Трехгорный	0,6	0,5	0,5	0,6	0,6	0,7	0,5	0,5	0,6	1,0
Снежинск	0,5	0,5	0,5	0,7	0,9	0,9	0,7	0,6	0,4	1,8

Составлено авторами по данным официального сайта Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области.

¹ Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. URL: <http://szn74.ru/html/pages/Show/Rynoktruda/ZanyatostbezrabotnycvSNelyabi> (дата обращения: 11.05.2021).

альтернативные пути повышения занятости в моногороде — это применение ее нестандартных форм, что остается сегодня за рамками мероприятий программ содействия занятости населения.

Такая постановка вопроса актуализирует изучение и обобщение имеющегося опыта в сфере обеспечения нестандартной занятости для формирования и конструктивного применения ее новых форм, предполагающих расширение рынка труда, в том числе за счет развития и использования цифровых технологий.

Важным аспектом внедрения альтернативных путей повышения занятости является поддержка активной позиции населения в формировании собственной конкурентоспособности, в том числе, благодаря готовности осваивать новые цифровые компетенции, востребованные на рынке труда. В связи с этим возникает противоречие в развитии моногорода, связанного, с одной стороны, с необходимостью развития местной экономики, сопровождающейся неизбежным повышением личной конкурентоспособности работников, а, с другой стороны, — риском потери таких работников вследствие их переезда из моногорода в более экономически привлекательные населенные пункты. Поэтому необходимость поиска альтернативных путей занятости следует рассматривать не только как замену традиционных форм занятости, но и как дополнительный способ закрепления населения на территории при циклических кризисах в экономике и смягчения их негативных последствий.

Разработка теоретических основ и практических рекомендаций для государственных служб занятости и региональных органов власти по внедрению альтернативных путей повышения занятости населения позволит решить данное противоречие и повысит эффективность региональной политики занятости в условиях цифровой трансформации рынка труда, а также окажет содействие в формировании индивидуальной конкурентоспособности работников.

Необходимо отметить, что цифровая трансформация рынка труда будет происходить по двум взаимосвязанным направлениям:

1. Цифровая трансформация способствует возникновению новых форм занятости, новых субъектов и объектов рынка труда.
2. Цифровая трансформация внесет изменения в инфраструктуру рынка труда.

Для использования новых возможностей цифровой экономики рынок труда моногорода нуждается в цифровой трансформации. Исследованиями цифровой трансформации, цифровыми преобразованиями рынка труда, гигиеномикой занимаются следующие российские и зарубежные ученые: Л. В. Лapidус, Ю. М. Полякова [11], Е. А. Черных [17], К. Л. Томашевский [16], P. Schoukens, A. Barrio [24], W. Edward [22] и др.

Анализ научной литературы показал, что определений понятия «цифровая трансформация» множество, но большинство из них относится к процессам, которые происходят в организациях и в экономике в целом, мало кто из авторов изучает цифровую трансформацию рынка труда и дает определение понятия. Например, в ст. 1 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» под цифровой трансформацией понимается проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов. По мнению Ю. И. Грибанова «цифровая трансформация — это процесс коренного преобразования концепции и формата функционирования социально-экономических систем всех уровней, посредством оцифровки — перевода всех ресурсов в цифровой формат, внедрения и формирования пула цифровых технологий, цифровизации — создания сетевых платформ интеграции и взаимодействия пользователей цифровых технологий, в целях достижения устойчивого и долгосрочного существования в динамичных условиях цифрового пространства» [7].

Под цифровой трансформацией рынка труда моногорода авторы настоящего исследования понимают процессы цифровизации, диджитализации и автоматизации позволяющие сформировать новые социально-экономические модели взаимодействия субъектов на рынке труда и занятости, которые наиболее полно удовлетворяют их потребности и интересы.

Результаты

Структура рынка труда определяется разными признаками и элементами, необходимыми для возникновения и начала функционирования рынка труда. На ос-

нове характеристики рынка труда можно установить основные его элементы, которые будут подлежать изменениям, связанным с цифровой трансформацией: субъекты рынка труда; правовые аспекты, регламентирующие отношения субъектов на рынке труда; конъюнктуру рынка труда; инфраструктуру рынка труда, систему социальной защиты и др.

Рынок труда моногорода относится к муниципальному уровню и является частью регионального рынка труда, который, в свою очередь, является частью национального рынка труда. На муниципальном уровне рынок труда представляет собой сложную систему общественных отношений, которые возникают между субъектами по поводу объектов с целью удовлетворения разных, порой, разнонаправленных интересов. Результаты процесса цифровой трансформации рынка труда будут зависеть от того, в чьих интересах и как будет осуществляться данный процесс. Развитие отношений занятости в моногородах и их институализация обусловлены, прежде всего, интересами градообразующих предприятий, которые задают свои условия на местном рынке труда. В то же время интересы трудоспособного населения не всегда согласуются с теми условиями труда и требованиями, которые выдвигают работодатели градообразующих предприятий. В связи с этим цифровая трансформация рынка труда открывает новые альтернативные возможности занятости населения вне градообразующих предприятий, но на территории моногорода. В интересах экономически активного населения моногорода альтернативой стандартной форме занятости, могут выступить формы нестандартной занятости с применением цифровых технологий, что позволит снизить характерную для моногородов закрытость и изолированность, вызванную низким уровнем трудовой мобильности населения, сложностью решения бытовых проблем, связанных со сменой места жительства. По итогам социологического опроса, проведенного авторами в апреле 2021 г. среди населения г. Верхнего Уфалея, обратившихся в центр занятости, были заинтересованы в нестандартных формах занятости, в той или иной степени все респонденты вне зависимости от пола, возраста, образования. Всего было опрошено 121 чел., что составило 20 % от числа обратившихся в Центр занятости населения.

Одной из новых социально-экономических моделей цифровой трансформации рынка труда становится гигэномика. По мне-

нию Л. В. Лapidус, гигэномика (*hygonomics*) или гигэномика (*gig economy*) — это всеобщее распространение новых видов частичной занятости и краткосрочных трудовых контрактов вместо долгосрочных трудовых отношений с работодателем на основе штатного трудоустройства [12]. В то же время под гигэномикой следует понимать социально-экономическую модель совместного использования трудовых ресурсов/ профессиональных навыков при условии, что работник может одновременно совмещать сразу несколько должностей в разных компаниях, расположенных в любой точке мира посредством цифровых (электронных) сервисов. В рамках развития гигэномики можно выделить несколько типов трудовых отношений, возникающих в стандартных и нестандартных формах занятости с применением цифровых платформ:

- фрилансинг — трудовые отношения, которые возникают на основе найма работодателем работника для выполнения определенной работы без зачисления в штат. Является частным случаем временной занятости. Занятость охватывает широкий спектр деятельности: торговые платформы (например, маркетплейсы), платформы по предоставлению услуг (логистические и образовательные платформы, агрегаторы такси, платформы по созданию контента) и др.;
- крауд-технологии (краудфандинг, краудсорсинг, краудинвестинг, краудлендинг) — трудовые отношения, которые возникают на основе краткосрочной частичной занятости на виртуальных площадках/платформах. Занятость осуществляется согласно предложенной Л. В. Лapidус классификации [13], в виде коммерческого краудсорсинга, социального краудсорсинга, крауд-фандинга (краудинвестинга, ICO и др.). Коммерческий краудсорсинг — включение людей («толпы», краудсорсеров) в процесс создания, финансирования, производства, продвижения проекта, продукции, услуги на добровольной основе с целью получения прибыли за счет добавления потребительской ценности и формирования дополнительного спроса на проект, продукт, услугу с использованием краудсорсинговой платформы в сети Интернет. Социальный (некоммерческий) краудсорсинг — включение людей («толпы», краудсорсеров) в процессы решения капиталоп-, трудо-

и знаниеемких задач (в т. ч. социально значимых) с использованием краудсорсинговой платформы в сети Интернет на добровольной основе. Частным случаем коммерческого и некоммерческого краудсорсинга является краудсорсинг инноваций — вовлечение людей («толпы», краудсорсеров) в процесс поиска инновационной идеи/решения/проекта/продукта/услуги с использованием краудсорсинговой платформы в среде Интернет на добровольной основе. Примером, социального краудфандинга является британская краудфандинговая платформа UpEffect, работа которой поддерживает социальных предпринимателей [23];

- дистанционная занятость — трудовые отношения, которые представляют собой выполнение трудовой функции вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования;¹
- самозанятость — в данной форме трудовые отношения свойственные стандартной форме занятости не возникают, так как сам работник трудится на себя. Среди наиболее известных онлайн-платформ, предоставляющих доступ к работе самозанятым — интернет-магазины Ozon и Wildberries, агрегаторы «Яндекс. Такси» и Ситимобил, сервис услуг YouDo, платформа для блогеров «Яндекс.Дзен», сервис для машинного обучения и совершенствования поисковых алгоритмов Яндекс.Толока и др. [1]

В ряде российских и зарубежных исследований авторы отмечают возникновение такого явления как «платформенная занятость». Для трудоспособного населения моногорода платформенная занятость даёт работникам гибкость в отношении их рабочего времени и места работы, а также привлекательна для немобильных работ-

¹ ТК РФ Глава 49.1. Особенности регулирования труда дистанционных работников. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e3109974293f0702a9260fd10cf35a0ca2968319/ (дата обращения: 12.05.2021).

ников. В частности, Е. А. Черных отмечает в своем исследовании, что «у платформенных работников много схожих черт с другими нестандартными формами занятости (дистанционной занятостью, самозанятостью, фрилансом, агентской занятостью), но ключевым их отличием является то, что они заняты через цифровые платформы труда, а статус их занятости не определён. Согласно исследованиям Pesole, Annarosa et al. основные работники платформ — это те, кто зарабатывает 50 % или более своего дохода на платформах и/или работает на платформах более 20 часов в неделю. Как и на офлайн-рынках, платформенная работа отражает разнообразие ситуаций, в которых сосуществуют хорошие и плохие рабочие места, защищенные и незащищенные работники и для каждого существуют различные риски» [24].

Все вышеперечисленные трудовые отношения в гигэкономике могут складываться в рамках применения цифровых платформ, где осуществляются экономические отношения. Проведя анализ определения понятия «цифровая платформа», разными авторами [6; 18; 19; 21], можно дать следующее понятие «цифровой платформы рынка труда»: это виртуальное пространство встречи работодателей, работников, государства, с использованием цифровых технологий, для организации занятости на основе трудовых отношений с неограниченным количеством участников, что позволяет снизить издержки от двухсторонних сетевых эффектов.

С точки зрения расширения возможностей и развития занятости населения гигэкономика представляется перспективной социально-экономической моделью цифровой трансформации рынка труда моногорода, но в тоже время возникают вопросы, связанные с прекаризационными рисками в трудовых отношениях разных форм занятости. К прекаризационным рискам относят: нестабильность занятости, ее неопределенный статус и неофициальное оформление, уход в неформальный (теневой) сектор экономики, в неустойчивости, которая проявляется в низкой заработной плате, слабой защищенности от прекращения трудовых отношений, отсутствие доступа к механизмам социальной защиты и благам, которые присущи традиционным формам занятости, отсутствие или ограниченный доступ для работников к реализации своих прав на рабочем месте. Решение этих вопросов связано с необходимостью регулирования трудовой занятости, осуществляемой на цифровых платформах, и формирование

соответствующей институциональной среды, что позволит экономически активному населению, работодателям, муниципальным органам власти моногорода найти пути применения нестандартных форм занятости и снизить уровень безработицы. В цифровой трансформации рынка труда и занятости становится необходимым признать труд, осуществляемый на цифровых платформах, частью общей занятости, где работники должны иметь защиту своих прав на достойный труд, социальные гарантии и статус «занятых» [18].

Для снижения прекаризационных рисков в работе на цифровых платформах следует в первую очередь, определить основного работодателя, который является ключевым агентом социального обеспечения, чтобы определить, кто несет ответственность как за уплату взносов (финансирование), так и за принятие решения о сокращении штата (безработица) и предоставлении компенсации дохода (нетрудоспособность). Возможно, что здесь есть перспектива сотрудничества с налоговыми органами, которые активно внедряют цифровые технологии в своей деятельности. В то же время стоит отметить, что в рамках гибкой работы на цифровой платформе, один и тот же человек может быть активен на нескольких платформах одновременно, и в то же время, человек может быть не активен на всех платформах, на которых он работает или зарегистрирован. Цифровые платформы могут базироваться в разных странах, что чрезвычайно затрудняет отслеживание работодателей и выполняемую работу. Одним из выходов в данной ситуации видется адаптация доступа к механизмам социальной защиты и благам, которые присущи традиционным формам занятости [25].

В рамках рынка труда моногорода функционирует социально-трудовая сфера, в которой традиционными субъектами регулирования социально-трудовых отношений выступают: территориальное объединение профсоюзов, органы местного самоуправления, территориальное объединение работодателей. Цифровая трансформация рынка труда вносит изменения в состав субъектов социально-трудовых отношений, где, наряду с традиционными субъектами, появляются субъекты гигэкономике: гиг-работники, гиг-работодатели всех форм собственности (работодатель-краудсорсер: коммерческий, социальный краудсорсер, платформенные работодатели), государство как регулятор отношений платформенной занятости, государство как работодатель (портал гос. услуг и т. д.).

Принципами регулирования социально-трудовых отношений, субъектов по поводу занятости населения в цифровой трансформации рынка труда становятся: сочетание, целостность, гибкость, адаптивность, кастомизация (решение индивидуальной потребности на спрос и предложение на рынке труда) и др.

К традиционным объектам социально-трудовых отношений относят: стандартную и нестандартные формы занятости, мобильность рабочей силы, профессиональную подготовку и переподготовку экономического населения, размер тарифной ставки первого разряда рабочего основной профессии муниципальных предприятий, размеры единых тарифных ставок (окладов) рабочих сквозных профессий, не включенных в перечень межотраслевых (сквозных) профессий, предусмотренный региональным межотраслевым тарифным соглашением, размеры надбавок, стимулирующих приток рабочей силы на соответствующую территорию, условия их выплат и др. [10] В процессе цифровой трансформации рынка труда моногорода возникают новые объекты: платформенная занятость, цифровые платформы труда, дистанционное рабочее место, данные работодателей и работников, цифровой след, кастомизированный отклик на запрос работника и работодателя, роботизированные системы, искусственный интеллект, синхронизированный перевод, конгломерация цифровых платформ, электронный документооборот, жизненный цикл работника и др.

Важнейшим элементом рынка труда моногорода в процессах цифровой трансформации выступают правовые аспекты регулирования социально-трудовых отношений субъектов рынка труда. Использование населением и работодателями нестандартных форм занятости, как показывает отечественный и зарубежный опыт, приводит не только к положительным последствиям, но и к таким явлениям как прекаризационность труда и занятости [15]. В связи с этим становится особенно актуальным принятие нормативно-правовых актов, регулирующих социально-трудовые, экономические отношения гигэкономике, цифровых платформ занятости. По мнению О. В. Чесалиной, такие нестандартные формы занятости как краудворкинг и краудсорсинг, при которых связь между исполнителем и заказчиком осуществляется посредством онлайн-платформы, уже находятся в поле зрения изучения современных ученых-юристов [16; 19], но пока остаются вне правового поля

во многих странах как Европейского союза, так и ЕАЭС.

Нормативно-правовое регулирование платформенной занятости и повышение ее качества необходимо по ряду причин, вытекающих из особенностей этого типа занятости: 1) неопределенный статус занятости; 2) риски ухода работников в теневой сектор, рост неформальной занятости и скрытой оплаты труда; 3) низкая оплата труда, наличие неоплачиваемой работы; 4) отсутствие гарантии минимальной оплаты труда; 5) отсутствие пенсионных отчислений; 6) отсутствие социальной защиты; 7) проблема конфиденциальности персональных данных работников и клиентов платформ; 8) неуплата налогов; 9) отсутствие охраны труда; 10) возможная гендерная, этническая или иная дискриминация; 11) информационная асимметрия между ЦПТ и пользователями [18].

Как известно, конъюнктура рынка труда зависит от многих факторов. Одним из основных факторов является конкуренция: наличие множества работодателей, предлагающих рабочие места, и конкуренция между работниками за наиболее привлекательные рабочие места. В моногороде конкуренция имеет свою специфику, так как на рынке труда, как правило, представлен один работодатель и конкуренция среди работодателей, по сути, отсутствует. Такая ситуация влияет на конкуренцию наемных работников по поводу рабочих мест и вакансий. Свободная конкуренция между работниками за наиболее привлекательные рабочие места немыслима в условиях монополии на рынке. Важнейшим условием рынка труда является наличие множества работодателей, предлагающих рабочие места. В связи с этим становится особенно актуальной цифровая трансформация рынка труда и возникновение цифровых платформ, где гиг-работодатели предлагают рабочие места. В такой ситуации можно говорить о конкуренции между работодателем в лице градообразующего предприятия и гиг-работодателей цифровых платформ. В тоже время можно говорить и о конкуренции между гиг-работниками, которые проживают на территории моногорода, но работают на цифровых платформах. Одним из источников изменений в конъюнктуре рынка труда становится научно-технический прогресс, который влияет на цифровую трансформацию рынка труда, организацию занятости населения, работу бизнеса и органов власти и управления. Особая роль здесь отводится региональным и местным органам власти и управления, в части поддержки

градообразующих предприятий, разработки нормативно-правовой базы и контроля за ее исполнением субъектами рынка труда.

Для полноценного функционирования и развития рынка труда требуется инфраструктура. Традиционно инфраструктуру составляют государственные и негосударственные структуры содействия занятости населения, учреждения, службы управления человеческими ресурсами предприятий, организаций, общественные объединения, фонды и др., которые обеспечивают наиболее эффективное взаимодействие между спросом и предложением на рынке труда. Основным элементом инфраструктуры рынка труда в каждом моногороде выступает Областное казенное учреждение Центр занятости населения (ОКУ ЦЗН), которое подчиняется Главному управлению по труду и занятости населения Челябинской области.

Цифровая трансформация затронет всю инфраструктуру рынка труда моногородов. В рамках национального проекта «Демография» на региональном уровне реализуется проект «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет (Челябинская область)». В Паспорте данного регионального проекта в п. 2 Помесячного плана исполнения бюджета Челябинская область в части бюджетных ассигнований, предусмотренных на финансовое обеспечение реализации регионального проекта в 2021 году, представлен один из результатов проекта «Развитие инфраструктуры занятости и внедрение организационных и технологических инноваций с использованием цифровых и платформенных решений в целях поддержки уровня занятости населения». Показателем результата в проекте выступает количество центров занятости населения, в которых реализуются или реализованы проекты по модернизации: в 2021 г. — 1 ед., в 2022 г. — 2 ед., 2023 г. — 3 ед., в 2024 г. — 4 ед. Планируемая сумма расходов на конец 2021 г. по результату составляет 20 000,00 тыс. руб. Из моногородов в модернизации участвуют ОКУ ЦЗН г. Магнитогорска¹.

В цифровой трансформации рынка труда модернизация системы занятости приобретает новые смысловые акценты. ОКУ ЦЗН моногорода станут важным инструментом для развития рынка труда и экономики региона. Для успешной реализации этой стратегии необходимо опираться на человеческий ка-

¹ Министерство социальных отношений Челябинской области. URL: <http://minsoc74.ru/pasporta-regionalnyh-proektov> (дата обращения: 12.05.2021).

питал — специалистов и работодателей, их потребности и возможности. Ключевая задача — не просто формально оказать ту или иную услугу, а решить проблему, с которой обращаются в центры занятости граждане, в том числе с использованием цифровых технологий¹. Такая постановка вопроса особенно важна для ОКУ ЦЗН моногородов. В центрах занятости будет аккумулироваться вся информация о региональном рынке труда на цифровых платформах, которая позволит делать прогнозы по кадровому потенциалу, заранее инициировать программы профессиональной ориентации и переподготовки. Такой подход может стать надежной основой для развития экономики региона.

С кадрами Центров занятости населения в процессе цифровой трансформации важна методическая работа по цифровой грамотности: информационной, коммуникативной грамотности, созданию цифрового контента, цифровой безопасности, навыками решения проблем в цифровой среде. С помощью применения цифровых технологий в работе сотрудники ЦЗН смогут стать консультантами и помочь решить вопросы, сформулированные относительно жизненных ситуаций граждан и бизнес-ситуаций работодателей. Применение цифровых технологий позволит расширить и видоизменить пакеты услуг по принципу Лего, добавляя из арсенала служб занятости новые элементы. Благодаря этому возможности оказания помощи значительно расширяются.

В цифровой трансформации рынка труда и занятости моногорода изменяются взаимоотношения служб занятости с работодателями, которым будет уделено больше внимания. Учреждения нового образца используя цифровые платформы возьмут на себя часть работы по поиску сотрудников. Например, первичное интервью, определение потребностей работодателей цифровых платформ в квалификациях и навыках под конкретные вакансии. За ключевыми работодателями будут закреплены персональные менеджеры.

Пандемия Covid-19 ускорила процессы цифровой трансформации ЦЗН моногородов. Из-за остановки некоторых предпри-

¹ Национальные проекты. Эксперт: в центр занятости должны приходиться за реальной помощью, а не от безысходности. URL: [ятий и новых правил начисления пособий потерявшим работу число обращений возросло кратно. Услуги по некоторым жизненным ситуациям граждан и бизнес-ситуациям работодателей были несколько сокращены, но оказывались в удаленном формате. Активная работа по цифровизации служб занятости населения позволила оказывать помощь соискателям во время локдауна.](https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/ekspert-v-tsentr-zanyatosti-dolzhen-prikhodit-zarealnoy-pomoshchyu-a-ne-ot-bezyskhodnosti?utm_source=Yandex_Net&utm_medium=CPC&utm_content=All18-55&utm_campaign=demografiya&yclid=2569574584576410608d&fbclid=IwAR16pKL8jlebIDN3kkOCfcdCak7EsBT0NDjdCVnGB8nFTM87WDB5ofVqxEw (дата обращения: 12.05.2021).</p>
</div>
<div data-bbox=)

Процесс цифровой трансформации ЦЗН начинается с подробного мониторинга деятельности, анкетирования клиентов, которые уже получали услуги, — и соискателей, и работодателей. Проводится внешний, и внутренний аудит. На этом этапе можно определить, где цифровые технологии обеспечат высокую эффективность работы. На основе аудита формируется план цифровой трансформации с конкретными мероприятиями по каждому ЦЗН моногорода.

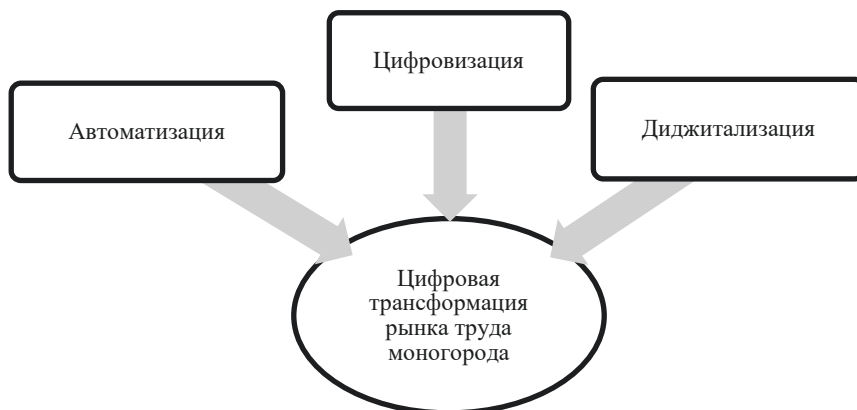
Все центры независимо от своего статуса и степени трансформации должны работать в соответствии с новыми едиными требованиями. Они относятся к регламенту работы с использованием цифровых технологий (услуги должны оказываться быстро и в удобном формате), к программному обеспечению, к роботизированным системам взаимодействия между ведомствами и другими организациями, например, образовательными.

Для оказания помощи гражданам в поиске работы, сотрудники центров должны владеть цифровыми навыками, умением работать с цифровыми платформами.

Обсуждение

Драйвером цифровой трансформации рынка труда моногорода, становится эффективное удовлетворение спроса и предложения на рынке труда с помощью цифровых технологий и нестандартных форм занятости. Ключевыми объектами становятся цифровые платформы, способные гибко и адаптивно реагировать и удовлетворять запросы потенциальных работодателей и работников, отслеживать цифровой след, весь жизненный цикл субъектов, а также способны к обработке больших данных касающихся участников рынка труда: ЦЗН, негосударственных структур содействия занятости, кадровых служб предприятий, учреждений, общественных организаций, фондов и др., обеспечивающих наиболее эффективное взаимодействие между спросом и предложением на рынке труда.

Процесс цифровой трансформации рынка труда моногорода представляет собой взаимодействие трех элементов (см. рисунок).

Цифровая трансформация рынка труда моногорода

Разработано авторами.

1. Цифровизация представляет собой процесс внедрения информационно-коммуникационных технологий в модели и формы занятости, что дает возможность осуществлять трудовую деятельность экономически активному населению моногорода вне работы на градообразующем предприятии, на цифровых платформах гиг-работодателей. Цифровизация инфраструктуры рынка труда, внедрение цифровых технологий в коммуникации между субъектами.

2. Диджитализация рынка труда — процесс перевода информации с физических носителей на цифровые в единую информационную среду. Дает возможность быстрого доступа к информационному пространству и системам, мобильным приложениям, цифровым платформам труда, к платформам рекрутинговых агентств, ЦЗН, для обеспечения коммуникаций со специалистами, получения данных об отзывах работников о работодателях, взаимодействия с потенциальными работодателями и работниками и многое другое. Подразумевает применение искусственного интеллекта, роботизацию, сбор данных о гиг-работниках, гиг-работодателях и использование на их основе инструментов поведенческой экономики, применение гаджетов и мобильных устройств (для кастомизации спроса и предложения на рынке труда, удовлетворение потребности в поиске работника и работодателя, цены на рабочую силу).

3. Автоматизация рынка труда — процесс перевода существующих информационных аналоговых баз в базу облачных вычислений, электронного хранения, обмена данными и др., что дает возможность осуществить

сквозную автоматизацию информационных технологий — инфраструктуры рынка труда, межведомственного взаимодействия.

Таким образом, цифровая трансформация рынка труда моногорода представляет собой процессы цифровизации, диджитализации, автоматизации, что предоставляет экономически активному населению возможность альтернативной занятости, позволит снизить уровень безработицы и сохранить численность постоянно проживающего населения.

Под воздействием использования цифровых технологий происходят изменения и преобразования традиционного рынка труда моногорода в рынок труда Индустрии 4.0. Сравнительные характеристики традиционного рынка труда и рынка труда с применением цифровых технологий приведены в табл. 5.

Для совершенствования региональной политики занятости в условиях цифровой трансформации рынка труда моногорода можно предложить следующие рекомендации региональным и местным органам власти и управления, государственным службам занятости, бизнесу и населению, связанным с работой субъектов и инфраструктуры:

1. Региональным органам власти и управления продолжить поддержку градообразующих предприятий, особенно находящихся в состоянии конкурсного управления на стадии банкротства по нахождению путей альтернативной занятости населения, адаптации предприятий к цифровой трансформации рынка труда.

2. Региональным органам власти и управления совместно с градообразующими предприятиями и организациями

Таблица 5

Сравнительная характеристика традиционного рынка труда и рынка труда Индустрии 4.0 моногорода

Элемент рынка труда	Характеристика традиционного рынка труда	Характеристика рынка труда Индустрии 4.0
1. Субъекты рынка труда	Отсутствие межсубъектного, межведомственного интеграционного взаимодействия в процессах цифровизации, диджитализации, автоматизации. Отсутствие институционально оформленной среды взаимодействия в цифровой трансформации рынка труда: единые нормы, правила, регламенты работы, информационные связи и т. п. Отсутствие цифровой культуры и слабая защита от киберугроз	Использование в межсубъектном, межведомственном интеграционном взаимодействии процессы цифровизации, диджитализации, автоматизации. Разработка институциональной среды взаимодействия в цифровой трансформации рынка труда. Формирование цифровой культуры и кибербезопасности.
2. Правовые аспекты, регулирующие рынок труда	Недостаточное законодательное регулирование занятости в нестандартных формах, в процессах цифровизации, диджитализации, автоматизации инфраструктуры рынка труда	Разработка законодательства по регулированию рынка труда в процессах цифровизации, диджитализации, автоматизации. Внесение изменений в ФЗ «О занятости» о создании единой для всей страны цифровой платформы в сфере занятости и социально-трудовых отношениях. Дистанционный формат поиска работы будет использоваться наравне с очным приемом в центрах занятости. Обязать работодателей предоставлять на платформу информацию обо всех имеющихся рабочих местах, во всех формах занятости, что позволит увеличить базу вакансий.
3. Конъюнктура рынка труда	Слабое регулирование спроса, предложения, конкуренции, цены рабочей силы	Регулирование конъюнктуры рынка труда в процессах цифровизации, диджитализации, автоматизации в нестандартных формах занятости
4. Инфраструктура рынка труда	Взаимодействие между субъектами происходит преимущественно в традиционном очном формате, длительное ожидание оформления документов, электронный документооборот относится только к некоторым документам социально-трудовых отношений	Появляются возможности получать услуги в электронном формате в любой точке страны, электронный документооборот относится ко всем документам социально-трудовых отношений, мобильная информационная система, работа мобильных приложений, использование роботизированных систем и искусственного интеллекта

Разработано авторами.

разработать единую цифровую платформу рынка труда и занятости, которая позволит упростить быстрый поиск работников для работодателей, а работникам поиск работодателей, повысит качество работы центров занятости, сократит время на оформление документов, так как весь документооборот будет осуществляться в рамках межведомственного взаимодействия по запросам.

3. К рекомендациям, которые связаны с цифровой трансформацией рынка труда в рамках возникновения новых форм занятости, новых субъектов и объектов рынка

труда моногорода можно отнести: разработку правовых основ регулирования нестандартных форм занятости и соответствующую государственную политику, которая должна быть направлена на разработку определенных минимальных мер защиты трудовых прав гиг-работников и улучшение качества их трудовой жизни. Она может включать правила, регулирующие рейтинги, деактивацию профиля, комиссии, изменения условий использования, переносимость рейтингов и опыта между платформами. Нормативные акты могут также включать

в себя руководящие принципы по установлению справедливых ставок сдельной оплаты, что будет особенно актуально для низкоквалифицированных работ и для случаев, когда клиенты и работники недооценивают время, необходимое для выполнения задач. Важно отметить, что любая такая политика должна разрабатываться совместно с гиг-работниками, клиентами и владельцами платформ (местными владельцами или страновыми представителями международных платформ). Политика регулирования платформенной занятости должна быть неотъемлемой частью общей политики занятости, тесно связанной со стратегией страны, региона, моногорода в области навыков, социальной защиты и сокращения бедности [5; 18].

4. Разработка законодательства по регулированию ОКУ ЦЗН моногородов с применением цифровых платформ мониторинга занятости, анализа вакансий, резюме, быстрый поиск и анализ данных потребностей граждан и работодателей и их удовлетворение. Разработка информационной системы для населения и работодателей по возможностям использования нестандартных форм занятости, адаптации работы в этих формах.

5. В центрах занятости населения необходимо организовать работу по обучению граждан цифровой грамотности на рынке труда, навыкам поиска работы, трудоустройства и защиты своих прав в цифровой среде. Возможно, с этой целью, необходимо будет организовать советующий ресурс или страницу на официальном сайте.

6. Для работодателей необходимо организовать и подготовить справочники по нормативно-правовому обеспечению трудового процесса в условиях цифровой экономики, организовать работу по разъяснению трудовых прав работников и ответственности за их нарушение. Службам занятости населения необходимо проводить работу в части разработки и реализации цифровых платформ по поиску сотрудников, где можно осуществлять первичное интервью, определение потребностей работодателей цифровых платформ в квалификациих и навыках под конкретные вакансии и т. д.

7. Работодателям организаций моногородов, градообразующим предприятиям совместно с органами власти и управления организовать подготовку программ по обучению цифровой грамотности, информировать население о появлении вакантных рабочих мест нестандартной формы занятости.

По мнению авторов, предложенные рекомендации в перспективе позволят

снизить уровень безработицы, отток трудоспособного населения из моногородов, сохранение высококвалифицированной рабочей силы, создание рабочих мест на цифровых платформах актуальных для женщин и молодежи, рост доходов, сокращение бедности.

Заключение

В проведенном исследовании рассмотрены различные аспекты, касающиеся вопроса цифровой трансформации рынка труда и занятости моногорода. Полученные в ходе исследования результаты несут теоретическую и практическую значимость, что позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Новизна исследуемой проблематики, а именно, процессов цифровой трансформации рынка труда и занятости, обуславливает недостаточную проработку их теоретических основ, в том числе в увязке с тенденцией цифровизации экономики моногорода. В связи с чем, для проведения дальнейших исследований авторами в рамках изучения сущности, содержания и роли цифровой трансформации рынка труда было сформулировано определение понятия «цифровая трансформация рынка труда моногорода», под которым предложено понимать процессы цифровизации, диджитализации и автоматизации позволяющие формировать новые социально-экономические модели взаимодействия субъектов на рынке труда и занятости, которые наиболее полно удовлетворяют их потребности и интересы.

Уникальность авторского подхода в формулировке определения заключается в уточнении и разграничении ключевых категорий, используемых в исследовании посредством выделения соответствующих процессов цифровой трансформации рынка труда и раскрытия их содержания, а именно: цифровизация, диджитализация, автоматизация.

Дано авторское определение понятия «цифровая платформа рынка труда» — это виртуальное пространство встречи работодателей, работников, государства, с использованием цифровых технологий, для организации занятости на основе трудовых отношений с неограниченным количеством участников, что позволяет снизить издержки от двухсторонних сетевых эффектов. В настоящее время, непрерывно эволюционирующее понятие, в части раскрытия его сущности как пространства полного преобразования формата функционирования и конкретизации содержания, которое

заключается в комплексном, системном и целенаправленном применении методик, инструментов и технологий из разных областей знаний на принципах технологической интеграции, что позволяет очертить четкие границы данного явления, для проведения дальнейших научных изысканий.

2. На скорость и ход процессов цифровой трансформации рынка труда и занятости моногорода преобладающее влияние оказывают условия, в которых эти процессы реализуются и элементы структуры, в которых будут происходить изменения. В связи с чем, авторами были определены элементы структуры рынка труда, в которых будут происходить изменения связанные с условиями цифровой трансформацией рынка труда.

3. В ходе исследования наряду с традиционными субъектами и объектами рынка труда были определены новые объекты и субъекты цифровой трансформации рынка труда и занятости.

4. В ходе цифровой трансформации рынка труда произойдут существенные изменения во всех элементах структуры рынка труда моногорода, что отражено в сравнительной характеристике традиционного рынка труда моногорода и рынка труда в Индустрии 4.0.

5. Для сбалансированного хода процессов цифровой трансформации рынка труда и занятости моногорода авторами были разработаны практические рекомендации по цифровой трансформации рынка труда моногорода для совершенствования региональной политики занятости.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» (2021).

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2021—2023 гг.

1. Бобков В. Н., Одегов Ю. Г., Гарнов А. П. Регулирование неустойчивой занятости в моногородах // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 2. С. 522—534. DOI: <http://doi.org/10.17059/2020-2-14>.

2. Бобков В. Н., Бобков Н. В. Неформальная занятость: идентификация и векторы преобразования. Дискурс на 14-й ежегодной Международной конференции Европейской сети мониторинга регионального и местного рынка труда (EN RLMM) (г. Москва, 3—4 октября 2019 г.) // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 4 (214). С. 9—20. DOI: [10.24411/1999-9836-2019-10078](https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10078).

3. Бобков В. Н., Одинцова Е. В. Методологические основы выявления и оценивания неустойчивости нестандартной занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2 (212). С. 43—51.

4. Бухтиярова Т. И., Федоров В. В. Проблемы социально-экономического развития моногородов Челябинской области // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 24 (207). С. 2—17.

5. Гарнов А. П., Одегов Ю. Г. Эффективность мер государственного регулирования занятости населения в моногородах // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2018. Т. 7, № 4. С. 31—39.

6. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Том 11, № 6. С. 22—36. DOI: [10.18721/JE.11602](https://doi.org/10.18721/JE.11602).

7. Грибанов Ю. И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции : дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2019. 355 с.

8. Гундарев В. В. Моногорода Челябинской области: актуальные проблемы, потенциал и перспективы развития // Вестник ЮУрГУ. Серия «Строительство и архитектура». 2013. Т. 13, № 1. С. 87—89.

9. Дикунов С. А. Трансформация занятости населения современного моногорода : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2012. С. 24.

10. Колмакова И. Д. Социально-трудовые отношения как составляющая часть социально-трудовой сферы и их регулирование // Вестник ЧелГУ. 2006. № 4. С. 92—98.

11. Лапидус Л. В., Полякова Ю. М. Гигномика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 6. С. 73—89.

12. Лапидус Л. В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: монография. М. : ИНФРА-М, 2018. С. 353.

13. Лапидус Л. В. Краудсорсинг и краудфандинг. Маркетинговое продвижение проектов, продукции и услуг // Вестник Финансового университета. 2016. № 4 (94). С. 32—41.

14. Раевич И. А. Малый бизнес как фактор обеспечения конкурентоспособности моногородов России // Современная конкуренция. 2019. Т. 13, № 4 (76). С. 129—135. DOI: [10.24411/1993-7598-2019-10409](https://doi.org/10.24411/1993-7598-2019-10409).

15. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс : АЙРИС / IRIS Foundation, 2014. 167 с.

16. Томашевский К. Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. С. 398—413. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.210>.

17. Чесалина О. В. От нестандартных форм занятости до работы на основе интернет-платформ // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 22—25.

18. Черных Е. А. Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы,

практики регулирования, вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 3. С. 82—97. DOI: 10.19181/Ispr.2020.16.3.7.

19. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение : докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9—12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. С. 82.

20. Chesalina O. V. Labour law guarantees for platform workers // Bulletin of the Euro-Asian Law Congress. 2020. Iss. 1. P. 108—117. DOI: 10.34076/2619-0672-2020-4-1-108-117.

21. Codagnone C., Karatzogianni A. Matthews J. Platform Economics: Rhetoric and Reality in the «Sharing Economy». Emerald Publishing Limited, 2018. P. 169—199. DOI: <https://doi.org/10.1108/978-1-78743-809-520181009>.

22. Edward W. The Uberisation of work: the challenge of regulating platform capitalism: a commentary // International Review of Applied Economics. 2020. No. 34(4). P. 512—521. DOI: <https://doi.org/10.1080/02692171.2020.1773647>.

23. Farhoud M., Shahc S., Stenholma P., Kiblerd E., Renkoe M., Terjesenfg S. Social enterprise crowdfunding in an acute crisis // Journal of Business Venturing Insights. 2021. Vol. 15. June. e00211. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2020.e00211>.

24. Pesole A. et al. Platform Workers in Europe. Evidence from the COLLEEM Survey // JRC Science for Policy Report. 2018. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/eur-scientificand-technical-research-reports/platform-workers-europe-evidence-colleem-survey>.

25. Schoukens P., Barrio A. The changing concept of work: When does typical work become atypical? // European Labour Law Journal. 2017. no. 8 (4). Pp. 306—332. DOI: <https://doi.org/10.1177/2031952517743871>.

References

1. Bobkov V. N., Odegov YU. G., Garnov A. P. (2020) *Ekonomika regiona*, vol. 16, iss. 2, pp. 522—534. DOI: <http://doi.org/10.17059/2020-2-14> [in Rus].

2. Bobkov V. N., Bobkov N.V. (2019) *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 4 (214), pp. 9—20. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10078 [in Rus].

3. Bobkov V.N., Odintsova Ye.V. (2019) *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 2 (212), pp. 43—51 [in Rus].

4. Bukhtiyarova T.I., Fedorov V.V. (2011) *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 24 (207), pp. 2—17 [in Rus].

5. Garnov A.P., Odegov YU.G. (2018) *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika firmy*, vol. 7, no. 4, pp. 31—39 [in Rus].

6. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. (2018) *Nauchno-tehnicheskkiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskkiye nauki*, vol. 11, no. 6, pp. 22—36. DOI: 10.18721/JE.11602 [in Rus].

7. Gribanov Yu.I. (2019) *Tsifrovaya transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem na osnove razvitiya instituta servisnoi integratsii*. Thesis. St. Petersburg, p. 355 [in Rus].

8. Gundarev V.V. (2013) *Vestnik YUUrGU. Seriya «Stroitel'stvo i arkhitektura»*, vol. 13, no. 1, pp. 87—89 [in Rus].

9. Dikunov S.A. (2012) *Transformatsiya zanyatosti naseleniya sovremennogo monogoroda. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk*. Saratov, p. 24 [in Rus].

10. Kolmakova I.D. (2006) *Vestnik ChelGU*, no. 4, pp. 92—98 [in Rus].

11. Lapidus L.V., Polyakova Yu.M. (2018) *Vestnik IE RAN*, no. № 6, pp. 73—89 [in Rus].

12. Lapidus L.V. (2018) *Tsifrovaya ekonomika: upravleniye elektronnyim biznesom i elektronnoy kommertsiyey*. Moscow, INFRA-M, p. 353 [in Rus].

13. Lapidus L.V. (2016) *Vestnik Finansovogo universiteta*, no. 4 (94) [in Rus].

14. Raevich I.A. (2019) *Modern competition*, vol. 13, no. 4 (76), pp. 129—135. DOI: 10.24411/1993-7598-2019-10409 [in Rus].

15. Stending G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass*. Moscow, Ad Marginem Press, AYRIS / IRIS Foundation, p. 167 [in Rus].

16. Tomashevskiy K. L. (2020) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, no. 2, pp. 398—413. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.210> [in Rus].

17. Chesalina O.V. (2018) *Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom*, no. 1, pp. 22—25 [in Rus].

18. Chernykh Ye.A. (2020) *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 16, no. 3, pp. 82—97. DOI: 10.19181/Ispr.2020.16.3.7 [in Rus].

19. Abdrakhmanova G.I., Vishnevskiy K.O., Gokhberg L.M. et al. (2019) *Chto takoye tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmereniya*. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshey shkoly ekonomiki, p. 82 [in Rus].

20. Chesalina O. V. (2020) *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, iss. 1, pp. 108—117. DOI: 10.34076/2619-0672-2020-4-1-108-117 [in Eng].

21. Codagnone C., Karatzogianni A., Matthews J. (2018) *Platform Economics: Rhetoric and Reality in the «Sharing Economy»*. Emerald Publishing Limited, pp. 169—199. DOI: <https://doi.org/10.1108/978-1-78743-809-520181009> [in Eng].

22. Edward W. (2020) *International Review of Applied Economics*, no. 34 (4), pp. 512-521. DOI: <https://doi.org/10.1080/02692171.2020.1773647> [in Eng].

23. Farhoud M., Shahc S., Stenholma P., Kiblerd E., Renkoe M., Terjesenfg S. (2021) *Journal of Business Venturing Insights*, vol. 15, June. DOI: e00211. <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2020.e00211> [in Eng].

24. Pesole A. et al. (2018) *JRC Science for Policy Report*. Available at: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/eur-scientificand-technical-research-reports/platform-workers-europe-evidence-colleem-survey> [in Eng].

25. Schoukens P., Barrio A. (2017) *European Labour Law Journal*, no. 8 (4), pp. 306—332. DOI: <https://doi.org/10.1177/2031952517743871> [in Eng].

For citing: Antonova O.A., Kolesnik E.A., Maslennikova E.V. Theoretical foundations of the labor market and employment digital transformation of in a single-industry town // *Socium i vlast'*. 2021. № 3 (89). P. 25—45. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-3-25-45.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-25-45

UDC 331.5

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE LABOR MARKET AND EMPLOYMENT DIGITAL TRANSFORMATION OF IN A SINGLE-INDUSTRY TOWN

Olga A. Antonova,

Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department Chair
of State and Municipal Government;
Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454001,
Chelyabinsk, ulitsa Bratyev Kashirinykh, 129
E-mail: antonova.aa@uiec.ru

Elena A. Kolesnik,

Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department Chair of
State and Municipal Government,
Cand. Sc. (Economics), Associate professor.
The Russian Federation, 454001, Chelyabinsk, ulitsa
Bratyev Kashirinykh, 129
E-mail: elena.kolesnik.007@yandex.ru

Elena V. Maslennikova,

Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department Chair
of State and Municipal Government,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454001,
Chelyabinsk, ulitsa Bratyev Kashirinykh, 129
E-mail: evm26@mail.ru

Abstract

Introduction. On the territory of the Chelyabinsk region there are 16 single-industry towns, the labor market and employment of which depend on the socio-economic situation of the single-industry enterprise. This state of matters results in the growth of unemployment, decrease in the level of human capital, the population's life quality, and the loss

of scientific and production potential. According to the authors, developing the theoretical foundations of the labor market and employment digital transformation in a single-industry town will make it possible to find alternative ways of employing the population in order to improve regional policy on the labor and employment market.

The purpose of the study is to develop the theoretical foundations of the labor market and employment digital transformation in a monotown.

Methods. The authors use the following scientific methods: system analysis, comparison, description, generalization, systematization, formalization, analysis of sources, etc.

The scientific novelty of the research consists in defining the concepts «digital transformation of the labor market of a monotown», «digital platform of the labor market»; in determining changes in the elements of a monotown labor market structure in the processes of digital transformation; in determining the subjects, objects of the labor market digital transformation; in developing a comparative characteristic of the traditional labor market and the labor market of Industry 4.0 monocity; in developing recommendations for the digital transformation of the labor market of a monotown in order to improve the regional employment policy.

Results and conclusions. As a result of analyzing the structure of the population's employment in single-industry towns of the Chelyabinsk region, the authors determine quantitative transformations in the number of the residing population, the average number of employees towards its reduction; the authors characterize the average monthly salary of workers in organizations of single-industry towns as unstable. The analysis of unemployment shows that there is a tendency for the number of youth among the unemployed to grow, at the same time, hidden unemployment is decreasing; in general, the unemployment rate in single-industry towns is higher than in the Chelyabinsk region for the entire study period. The analysis shows that it is necessary to search for alternative ways of employing the population, of decreasing the unemployment rate, which made it possible to develop theoretical foundations for transforming the labor market and employment of a single-industry town.

Key words:

single-industry town,
labor market,
employment,
digital transformation.

Для цитирования: Захаров С. И.
Оценка эффективности управленческого
потенциала руководящих работников
на предприятиях угольной промышленности //
Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 46—54.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-46-54.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-46-54

УДК 331.5.024.54

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Захаров Святослав Игоревич,
Научно-исследовательский институт
эффективности и безопасности
горного производства (НИИОГР),
заведующий лабораторией
организации и оплаты труда,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация, 454048,
г. Челябинск, ул. Энтузиастов, 30.
E-mail: svzakharov@bk.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы статьи обусловлена, с одной стороны, необходимостью оценки эффективности использования управленческого потенциала руководящих работников предприятий угольной отрасли России, с другой — отсутствием научно-методической базы для решения этой задачи. Такой разрыв не позволит российским угольным компаниям освоить траекторию устойчивого экономического развития уже в ближайшем будущем.

Цель статьи состоит в разработке методического подхода к оценке эффективности использования управленческого потенциала руководящих работников угольной промышленности.

Методы. В работе использованы методы системного, семантического и ретроспективного анализа, а также бенчмаркинг.

Научная новизна исследования. Предложен методический подход к оценке и прогнозированию эффективности использования управленческого потенциала руководящих работников, отличительной особенностью которого является определение конгруэнтности внутренней конкурентной среды угледобывающего предприятия его внешней среде.

Результаты. Изложенный подход к оценке эффективности использования управленческого потенциала руководящих работников позволяет прогнозировать и планировать траекторию его развития с учетом конгруэнтности внутренней конкурентной среды предприятия внешней среде — инновационной рыночной экономике.

Выводы. На основе полученных количественных результатов оценки эффективности использования управленческого потенциала руководящих работников сделан вывод о наличии существенных возможностей повышения уровня конкурентоспособности руководителей и устойчивости функционирования предприятий угольной отрасли России, реализация которых достигается сбалансированным развитием управленческого потенциала и усилением конгруэнтности внутренней конкурентной среды предприятия.

Ключевые понятия:

управленческий потенциал
руководящего работника,
гибкие навыки,
жесткие навыки,
эффективность труда,
конгруэнтность внутренней
конкурентной среды,
угольная промышленность.

Введение

По прогнозам ООН, к 2050 г. численность населения мира будет превышать 9 млрд человек, в городах будет проживать более 6 млрд человек. Это гарантирует повышение спроса на электроэнергию и, как следствие, сохранение спроса на продукцию угольной промышленности даже в условиях отказа ряда стран от угольной генерации [1, с. 13]. При этом конкуренция среди производителей энергии будет усиливаться — предполагается, что к этому времени значительно снизятся цены на производство электроэнергии альтернативными «чистыми» способами.

По некоторым расчетам, численность работников угольной отрасли по всему миру более 1,5 млн человек, следовательно, руководящих — около 500 тысяч человек. Каждое рабочее место в угольной промышленности — это 5—7 рабочих мест в смежных отраслях (энергетика, химия, металлургия, машиностроение, логистика и т. д.).

В Российской Федерации угольная промышленность представлена в 20 регионах страны, расположенных преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке (Сахалинская обл., Приморский край, Хабаровский край, Магаданская обл., Чукотский АО, Амурская обл., республика Саха, Забайкальский край, республика Бурятия, Иркутская обл., республики Тыва и Хакасия, Красноярский край, Кемеровская обл., Новосибирская обл.) её вклад в ВРП некоторых из этих регионов достигает 30 %. Численность работников, непосредственно занятых в угольной промышленности, около 150 тыс. человек [2, с. 62], численность их семей — более полумиллиона человек. Численность населения угледобывающих регионов более 10 млн человек и стагнация отрасли приведет к снижению качества жизни населения в этих регионах.

Важно отметить, что российские предприятия угольной промышленности являются участниками мировой экономики — более 50 % их продукции отгружается на экспорт [3, с. 10].

Для обеспечения конкурентоспособности отрасли Правительством разработана Программа развития угольной промышленности РФ до 2035 года. Программа, в частности, предполагает повышение производительности труда среднесписочного работника до уровня ведущих угледобывающих стран (т. е. в 3—4 раза) и снижении общей численности работающих в угольной отрасли России в 2,5—3 раза [4, с. 9]. При

этом специалистами Института энергетических исследований РАН выявлено, что угольная промышленность России находится в точке «не возврата» и дальнейшее повышение эффективности производства за счёт роста объёмов производственных фондов и инвестиций уже не принесет ощутимых результатов [5; 6, с. 29].

В результате анализа наиболее успешных компаний и предприятий в условиях современной глобальной инновационной экономики установлено, что конкуренцию выигрывают те, которые лучше наращивают и используют «нематериальные и неосязаемые активы». Источником этих активов являются работники предприятий, в первую очередь руководящие, ответственные за постановку целей деятельности и реализацию способов их достижения.

Научно-технический и социальный прогресс закономерно приводят к появлению новых более механизированных и автоматизированных технологий добычи полезных ископаемых, а также цифровых технологий обработки, хранения и передачи информации — сведений для принятия управленческих решений.

Но как новые технологии отражаются на развитии и эффективном использовании управленческого потенциала руководящих работников?

В результате проведенных автором исследований структуры рабочего дня руководителей производственных единиц горнодобывающих объединений и их сопоставления с данными прошлых исследований на тех же объектах, было выявлено, что время на решение рутинных текущих производственных задач выросло у руководителей за 40 лет в 1,7—2,1 раза, а на решение творческих задач развития по формированию и использованию «нематериальных и неосязаемых активов» в деятельности — снизилось в 4,7 раза [7, с. 4].

Такая ситуация является типичной для многих предприятий угольной промышленности и закономерно выступает в качестве одного из ведущих ограничений, не позволяющего устранить разрыв между существующим управленческим потенциалом руководящих работников и фактическим уровнем его использования в современных экономических условиях. Следствие этого ситуации — нарастание разрыва между фактическими и требуемыми для обеспечения конкурентоспособности результатами труда руководящих работников.

Следовательно, требуется развитие существующей научно-методологической

базы повышения эффективности использования управленческого потенциала работников при реализации стратегий инновационного развития предприятий угольной промышленности России, что имеет важное значение на современном этапе её развития.

Методы и материалы

Развитие ресурсной парадигмы в области экономики труда и управления персоналом обуславливает актуальность исследования управленческой деятельности руководящего персонала, её структуры и важных характеристик, показателей оценки результативности и эффективности [8; 9, с. 84].

На основе проведенного автором семантического и ретроспективного анализа исследований в области деловой психологии, акмеологии, менеджмента, экономики труда в российских и зарубежных источниках выявлено, что развитие социально-экономических отношений приводит к изменению требуемых результатов управленческой деятельности. Вектор изменений проявляется в переходе от одномерных моделей «верных действий и поведения» к моделям многообразного гибкого управления для достижения сбалансированных социо-компетентностно-экономических результатов [10—16].

В рамках развития ресурсной парадигмы в области экономики труда и управления персоналом на современном этапе наибольшее развитие получили концепции человеческих ресурсов, человеческого капитала и человеческого потенциала как последовательные этапы гуманизации управления организацией.

В современных социально-экономических исследованиях человеческий капитал — это совокупность свойств и характеристик, имманентных конкретному человеку, которые общество готово не только признавать как ценность, но и использовать в процессе общественного воспроизводства [17, с. 36]. При этом обладатель ценности получает взамен определенные блага.

Понятие «потенциал», в отличие от понятия «капитал», относится к разряду естественнонаучных понятий. Его интеграция в область гуманитарных наук стала следствием потребности исследователей в описании сложных динамичных явлений, не имеющих прямой референции в материальной реальности. Человеческий потенциал — это имманентное свойство человека, выражающееся в способности к самовоспроизводству

своих свойств и качеств, их адаптации, развитию и использованию как ресурса деятельности в широком ее понимании [17, с. 37].

В исследованиях, посвященных человеческому капиталу в угольной промышленности, отмечается, что вовлечение управленческого потенциала в процесс развития угольной компании является стратегическим шагом на современном этапе ее развития. Невовлечение потенциала человека в процесс улучшений его жизни, в том числе — управленческого потенциала работника в процесс улучшений производства, приводит не только к потере значительного ресурса развития, но и ведет к деградации личности, вызывает её сопротивление такому образу трудовой жизни [18, с. 28].

С учетом имеющейся теоретико-методологической базы и в соответствии с целями проводимого исследования автором статьи предложено под управленческим потенциалом руководящего работника понимать совокупность имеющихся у работника способностей, которые могут быть использованы для обеспечения воспроизводства, адаптации и развития объекта управления с определенным уровнем социо-компетентностно-экономической эффективности и приемлемым уровнем безопасности.

Исходя из анализа литературных источников способность — особенность, определяющая пригодность данной личности к деятельности, в том числе и с позиции конкуренции на рынке труда.

В основе оценки управленческого потенциала руководящего работника лежит определение его гибких (softskills), жестких (hardskills) и организаторских способностей относительно целей развития предприятия и выполняемых руководящим работником функций.

Рассмотрение достаточного количества публикаций на тему гибких и жестких способностей позволяет утверждать, что их единой классификации на данный момент не существует. Использование для оценки управленческого потенциала руководящих работников выбранного подхода предполагает авторскую систематизацию и описание уровней развития указанных способностей:

- гибких — с точки зрения метанавыков, отражающих наличие определенных целей и ясной жизненной стратегии руководителя, его ответственности за реализацию жизненной стратегии, установки на улучшение качества жизни своей и коллектива;
- организаторских, проявляющихся в стиле управления коллективом воз-

возможности и эффективности организации работы других сотрудников;

- жестких, с точки зрения глубины понимания и эффективности использования социально-экономических законов развития предприятия.

Результаты

Автором выделены три уровня развития управленческого потенциала, отражающие развитие способностей руководящего работника (табл. 1).

Эффективность использования управленческого потенциала руководящего работника в значительной мере определяется внутренней конкурентной средой предприятия.

Внутренняя конкурентная среда предприятия — совокупность институциональных условий и взаимоотношений, обеспечивающих функционирование и развитие механизмов конкуренции в трудовых отношениях на предприятии.

Конгруэнтность внутренней конкурентной среды внешней среде угледобывающего предприятия означает их взаимное соответствие.

В основе оценки конгруэнтности внутренней конкурентной среды угледобывающего предприятия внешней конкурентной среде лежит определение существующих модели деятельности субъектов на внутреннем рынке труда, уровня концентрации

и энтропии этого рынка и характера трудовых отношений — их эластичности. Целесообразно выделять три состояния конкурентной среды угледобывающего предприятия в соответствии с характеристиками, представленными в табл. 2.

Основными ограничениями применения предложенного методического подхода являются: в содержательном плане — невозможность описать все возможные характеристики управленческого потенциала и, как следствие, упрощение предложенной модели его оценки; в практическом плане — необходимость формирования соответствующей системы управленческого учета.

Закономерное взаимовлияние уровня использования управленческого потенциала, конгруэнтности внутренней конкурентной среды внешней, социокomпетентностно-экономических результатов деятельности руководящего работника представлено на рис. 1.

Выбранная траектория повышения эффективности использования управленческого потенциала обуславливает выбор методов и инструментов работы с руководящими кадрами и организационный механизм их применения на предприятии.

Для иллюстрации практики оценки конкурентоспособности руководящих работников воспользуемся фактическими показателями деятельности шести начальников проходческих участков, работавших в 2017—2019 гг. на шахте «Северная»

Таблица 1

Уровни развития управленческого потенциала руководящего работника

Уровень	Способности		
	Гибкие	Организаторские / стиль управления	Жесткие
Высокий	Наличие определенных целей и ясной жизненной стратегии, полная ответственность за её реализацию, установка на постоянное совершенствование качества жизни — 3 балла	Предпринимательский на основе увлечения персонала в процесс непрерывного инновационного развития и инвестирования ресурсов в рост социально-экономических результатов — 3 балла	Освоил закономерности функционирования объекта управления и его трансформации как части мировой социально-экономической системы; преобразования ресурсов в продукт — 3 балла
Средний	Наличие жизненных ориентиров и стратегии, высокий уровень ответственности за её реализацию, установка на поддержание качества жизни — 2 балла	Менеджерский на основе вовлечения персонала в процесс технологического развития и рационального распоряжения ресурсами — 2 балла	Освоил зависимости функционирования и трансформации объекта управления; преобразования ресурсов в продукт — 2 балла
Низкий	Отсутствие жизненной стратегии, вмененная ответственность, установка на сохранение жизненного уровня — 1 балл	Административный на основе привлечения персонала в процесс расширенного воспроизводства и лимитирования расхода ресурсов — 1 балл	Ориентируется в факторах функционирования и трансформации объекта управления; преобразования ресурсов в продукт — 1 балл

Таблица 2

Характеристика состояний конкурентной среды угледобывающего предприятия

Состояние среды	Составляющие конкурентной среды		
	Модель деятельности	Тип системы трудовых отношений	Характер отношений
Конгруэнтная	Все работники как экономические агенты — 3 балла	Предпринимательский с высоким уровнем концентрации и низким уровнем энтропии конкурентов — 3 балла	Высокоэластичные, используются только рыночные критерии оценки: деньги и время — 3 балла
Частично конгруэнтная	Все руководящие работники предприятия как распорядители бюджета — 2 балла	Смешанный со средним уровнем концентрации и энтропии конкурентов — 2 балла	Пластичные, используются рыночные и административные критерии оценки, которые отличаются по уровням управления предприятием — 2 балла
Не конгруэнтная	Отдельные руководящие работники предприятия как материально-ответственные лица — 1 балл	Бюджетный с низким уровнем концентрации и высоким уровнем энтропии конкурентов — 1 балл	Неэластичные, используются только административные критерии оценки — выполнение плана (задания), затраты, трудозатраты — 1 балл

Рис. 1. Матрица закономерностей эффективности использования управленческого потенциала руководящих работников предприятия

АО «Ургалуголь» (Хабаровский край). Для каждого начальника участка, участвующего в исследовании, были обобщены данные об использовании своего управленческого потенциала (в соответствии с табл. 1), уровне конгруэнтности внутренней конкурентной среды (в соответствии с табл. 2), результатах его работы и удельных затратах на проведение горных выработок, что представлено в табл. 3.

При этом результаты и затраты были пересчитаны из абсолютных значений в относительные, при которых наименьшие

принимались за 1,0, а остальные — рассчитывались как отношение к наименьшим.

Последующая статистическая обработка полученных данных выявила следующие результаты:

- эффективность деятельности руководящих работников, обладающих высоким уровнем управленческого потенциала и находящихся в частично конгруэнтной среде в 4,4 раза выше, чем у работников, обладающих низким уровнем развития потенциала и в 1,37—1,65 раза выше, чем

Таблица 3

Оценка эффективности использования управленческого потенциала начальников проходческих участков (шахта «Северная», 2017–2019 гг.)

Порядковый номер начальника участка	Показатели				
	Уровень развития управленческого потенциала, балл	Состояние внутренней конкурентной среды, балл	Результаты, отн. ед.	Затраты, отн. ед.	Эффективность (результаты / затраты), отн. ед.
1	3	4	1,00	2,16	0,46
2	4	4	1,83	1,17	1,57
3	7	5	2,02	1,00	2,02
4	4	4	1,45	1,65	0,88
5	6	5	2,37	1,34	1,76
6	6	5	2,01	1,71	1,17

Состояние внутренней среды, балл

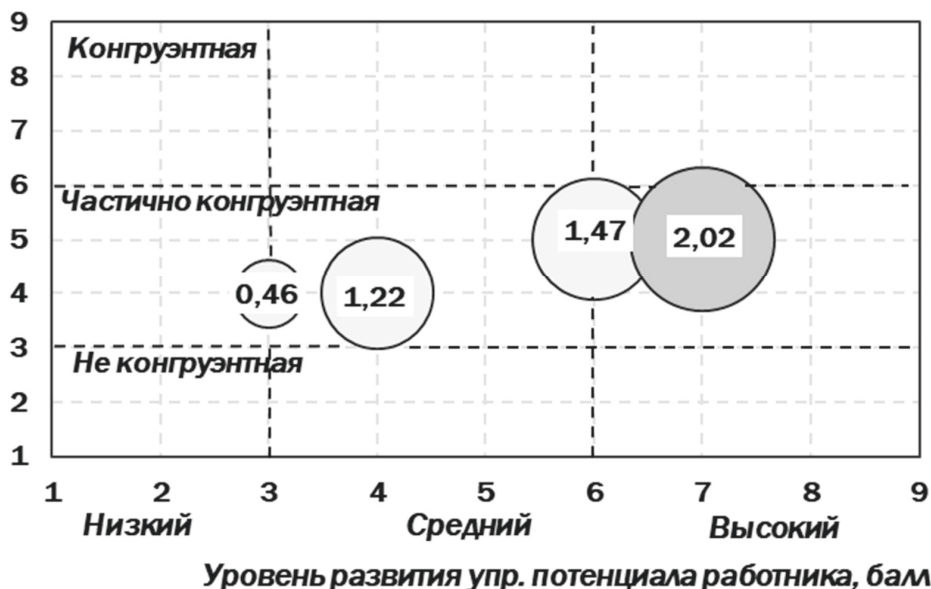

Рис. 2. Зависимость эффективности использования управленческого потенциала от уровня его развития и конгруэнтности внутренней конкурентной среды предприятия на примере начальников проходческих участков (шахта «Северная» АО «Ургалуголь», 2017–2019 гг.)

у работников, обладающих средним уровнем развития потенциала;

- конгруэнтность внутренней конкурентной среды даже в границах одного предприятия отличается и усиливается по мере развития управленческого потенциала руководителя (рис. 2).

Ретроспективный анализ показал, что исследуемые руководящие работники с минимальной эффективностью труда (№ 1, 4) оказались переведены на более низкие

должности, а работники с максимальной эффективностью (№ 3, 5) покинули занимаемую должность в целях реализации своего потенциала.

Обсуждение

В результате проведенного исследования был сделан вывод, что на шахте требуется развитие системы работы с руководящим персоналом путем обеспечения сбалансированного освоения методов

развития управленческого потенциала, таких как имитационное моделирование возможных ситуаций, аналитические семинары, профессиональные тренинги, проработка специальной литературы, изучение иностранных языков, развитие моделей деятельности на основе посещения культурных и спортивных мероприятий, а также методов формирования внутренней среды, конгруэнтной внешней среде предприятия, включая: бенчмаркинг соответствия деятельности руководителя мировым стандартам, бюджетирование деятельности работника, социально-компетентностно-экономической оценки управленческих решений, визуализированного учета и рейтинга руководителей.

Заключение

Таким образом, представление управленческого потенциала как совокупности имеющихся у работника гибких, жестких и организаторских способностей, которые могут быть использованы для обеспечения воспроизводства, адаптации и развития объекта управления с определенным уровнем социо-компетентностно-экономической эффективности и приемлемым уровнем безопасности позволило разработать, опробовать методический подход к оценке эффективности его использования на предприятии угольной промышленности и подтвердить его жизнеспособность.

Предложенный методический подход отличается от существующих определением конгруэнтности внутренней конкурентной среды угледобывающего предприятия его внешней среде, чем создает дополнительные возможности для оценки и прогнозирования эффективности использования управленческого потенциала руководящих работников в средне- и долгосрочной перспективе их деятельности.

Проведенная эмпирическая оценка показала наличие существенных резервов повышения эффективности использования управленческого потенциала руководящих работников, реализация которых достигается сбалансированным развитием управленческого потенциала и усилением конгруэнтности внутренней конкурентной среды предприятия.

Выделение в качестве одного из основных факторов повышения эффективности использования управленческого потенциала конгруэнтности внутренней конкурентной среды создает возможности для дифференциации методов работы с руко-

водящими кадрами предприятия и более качественного обоснования мер и инструментов развития персонала как источника устойчивого функционирования предприятий угольной промышленности в долгосрочной перспективе.

1. Яновский А. Б. Уголь: битва за будущее // Уголь. 2020. № 8. С. 9—14. DOI: 10.18796/0041-5790-2020-8-9-14.

2. Таразанов И. Г., Губанов Д. А. Итоги работы угольной промышленности России за январь — декабрь 2019 года // Уголь. 2020. № 3. С. 54—69. DOI: 10.18796/0041-5790-2020-3-54-69.

3. Кондратьев В. Б. Глобальный рынок угля: состояние и перспективы / В. Б. Кондратьев, В. В. Попов, Г. В. Кедрова // Горная промышленность. 2019. № 2 (144). С. 6—12. DOI: 10.30686/1609-9192-2019-2-144-6-12.

4. Яновский А. Б. Результаты структурной перестройки и технологического перевооружения угольной промышленности России и задачи по перспективному развитию // Уголь. 2019. № 8 (1121). С. 8—16. DOI: 10.18796/0041-5790-2019-8-8-16.

5. Плакиткина Л. С., Плакиткин Ю. А., Дьяченко К. И. Мировые тенденции развития угольной отрасли // Горная промышленность. 2019. № 1 (143). С. 24—29. DOI: /10.30686/1609-9192-2019-1-143-24-29.

6. Угледобывающее предприятие: руководитель и руководство: отдельная статья горного информационно-аналитического бюллетеня (научно-технического журнала) / В. Б. Артемьев, А. Б. Килин, В. А. Галкин, А. М. Макаров. М.: Горная книга, 2016. 47 с. (Сер. «Б-ка горного инженера-руководителя». Вып. 31).

7. Преобразование организационной структуры угольного разреза как главный фактор повышения его технико-экономической эффективности / В. В. Агафонов, А. В. Ошаров, С. И. Захаров // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). № 6 (специальный вып. 34). М.: Горная книга, 2018. 28 с.

8. Синягин Ю. В. Новые подходы к оценке управленческого потенциала руководителей // Акмеология. 2009. № 4. С. 63—70.

9. Управленческий потенциал как конкурентное преимущество организации / Н. Г. Трегулов // Научное обозрение. 2010. № 4. С. 83—86.

10. Better together: Trait competitiveness and competitive psychological climate as antecedents of salesperson organizational commitment and sales performance / W. A. Schrock et al. // Marketing Letters. 2016. Vol. 27, no. 2. P. 351—360.

11. Horak M., Matoskova J., Danko L. Development of a Cluster Manager's Competencies // Towards Competitiveness. Journal of Competitiveness. 2020. № 12 (1). P. 57—73. URL: <https://doi.org/10.7441/joc.2020.01.04>

12. Managers' corporate entrepreneurial actions: Examining perception and position / J. S. Hornsby et al. // Journal of business venturing. 2009. Vol. 24, no. 3. P. 236—247

13. Prospective hospitality managers competence as integral part of competitiveness / S. Iriste et al. // *Rural Environment. Education. Personality (REEP) : Proceedings of the 8th International Scientific Conference*. 2015. Vol. 8. P. 15—16.

14. Karodia A. M., Soni D., Cassim N. Organizational development to increase an organizations effectiveness and competitiveness to improve employee satisfaction, productivity in order to strengthen the human process // *Singaporean Journal of Business, Economics and Management Studies*. 2014. Vol. 51. № 1122. P. 1—9.

15. Paprika Z. Z. The competitiveness of the Hungarian managers // *Decision Support in Organizational Transformation*. Springer, Boston, MA, 1997. P. 223—241.

16. Адизес И. Идеальный руководитель. Почему им нельзя стать и что из этого следует : пер. с англ. 50-е изд. М. : Альпина Паблшер, 2013.

17. Кудрявцева Е. И. Управленческий потенциал персонала: функции против институций. СПб. : Социально-гуманитарное знание, 2015. 196 с.

18. Формирование действенного кадрового резерва — стратегический ход СУЭК на современном этапе развития компании / В. Б. Артемьев, С. А. Волков, В. А. Галкин, А. М. Макаров // *Подземная угледобыча XXI век — 1 : горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал) : в 2 т. 2018. № 11 (спец. вып. 48)*. С. 23—29.

References

1. Yanovskiy A.B. (2020) *Ugol'*, no. 8, pp. 9—14 [in Rus].

2. Tarazanov, I.G., Gubanov, D.A. (2020) *Ugol'*, no. 3, pp. 54—69 [in Rus].

3. Kondrat'ev, V.B. (2019) *Gornaya promyshlennost'*, no. 2 (144), pp. 6—12 [in Rus].

4. Yanovskiy A.B. (2019) *Ugol'*, no. 8 (1121), pp. 8-16 [in Rus].

5. Plakitkina L. S., Plakitkin Yu. A., D'yachenko K. I. (2019) *Gornaya promyshlennost'*, no. 1 (143), pp. 24—29 [in Rus].

6. Artem'ev V.B. (2016) «*Gornaya kniga*», Ser. «*B-ka gornogo inzhenera-rukovoditelya*», iss. 31, 47 p. [in Rus].

7. Agafonov, V.V. (2018) *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' (nauchno-tekhniicheskiy zhurnal)*, no. 6 (iss. 34), 28 p. [in Rus].

8. Sinyagin Yu.V. (2009) *Akmeologiya*, no. 4, pp. 63—70 [in Rus].

9. Tregulova N.G. (2010) *Nauchnoe obozrenie*, no. 4, pp. 83—86 [in Rus].

10. Schrock W.A. et al. (2016) *Marketing Letters*, vol. 27, no. 2, pp. 351—360 [in Eng].

11. Horak M., Matoskova J., Danko L. (2020) *Journal of Competitiveness*, 2020, no. 12 (1), pp. 57—73 [in Eng].

12. Hornsby J. S. et al. (2009) *Journal of business venturing*, vol. 24, no. 3, pp. 236—247 [in Eng].

13. Iriste S. et al. (2015) *Rural Environment. Education. Personality. (REEP). Proceedings of the 8th International Scientific Conference*, vol. 8, pp. 15—16 [in Eng].

14. Karodia A.M., Soni D., Cassim N. (2014) *Singaporean Journal of Business, Economics and Management Studies*, vol. 51, no. 1122, pp. 1—9 [in Eng].

15. Paprika Z.Z. (1997) *Decision Support in Organizational Transformation*. Springer, Boston, MA, pp. 223—241 [in Eng].

16. Adizes I (2013) *Ideal'nyi rukovoditel'. Pochemu im nel'zya stat' i chto iz etogo sleduetю* Vyщысщцб Al'pina Pablsher, 261 p.

17. Kudryavtseva E.I. (2015) *Upravlencheskii potentsial personala: funktsii protiv institutsii*. St. Petersburg, 196 p. ISBN 978-5-9904243-7-1 [in Rus].

18. Artem'ev, V.B. (2018) *Podzemnaya ugledobycha XXI vek — 1: Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' (nauchno-tekhniicheskiy zhurnal)*, no. 11 (iss. 48), pp. 23—29 [in Rus].

For citing: Zakharov S.I.
Evaluating the effectiveness of using
the managerial potential of key employees
at the coal industry enterprises //
Socium i vlast'. 2021. № 3 (89). P. 46—54.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-3-46-54.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-46-54

UDC 331.5.024.54

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF USING THE MANAGERIAL POTENTIAL OF KEY EMPLOYEES AT THE COAL INDUSTRY ENTERPRISES

Svyatoslav I. Zakharov,

Scientific and Research Institute
for the Efficiency and Safety of Mining,
Head of the Laboratory of Labor Organizing
and Remunerating,
Cand. Sc. (Economics).
The Russian Federation, 454048,
Chelyabinsk, ulitsa Enthusiastov, 30.
E-mail: svzakharov@bk.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the topic of the article is conditioned, on the one hand, by the necessity to assess the effectiveness of using the managerial potential of the key employees at the coal industry enterprises in Russia, on the other hand, by the lack of a scientific and methodological basis for solving the problem. The gap will not allow Russian coal companies to master the trajectory of sustainable economic development in the near future. The purpose of the article is to develop a methodological approach to assessing the effectiveness of using the managerial potential of key employees in the coal industry.

Methods. The author uses the methods of systemic, semantic and retrospective analysis, as well as benchmarking.

Scientific novelty of the research. The author proposes a methodological approach to assessing and forecasting the effectiveness of using the managerial potential of key employees, a distinctive feature of which is determining the congruence of the internal competitive environment of a coal mining enterprise to its external environment.

Results. The outlined approach to assessing the effectiveness of using the managerial potential of key employees makes it possible to predict and plan the trajectory of its development, taking into account the congruence of the internal competitive environment of an enterprise to the external environment, an innovative market economy.

Conclusions. On the basis of the obtained quantitative results of assessing the effectiveness of using the managerial potential of key employees, the author concludes that there are significant opportunities to increase the level of managers' competitiveness and the sustainable operation of coal industry enterprises in Russia, the implementation of which is achieved by the balanced development of managerial potential and strengthening the congruence of the internal competitive environment of an enterprise.

Key words:

managerial potential of a key employee,
flexible skills,
tough skills,
labor efficiency,
congruence of the internal competitive environment,
coal industry.

Для цитирования: Конфедерат О. В., Дядык Н. Г. Философско-антропологические аспекты телесериала XXI века. «Рассказы из Петли» (2019) как опыт философской рефлексии // Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 55—66. DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-55-66.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-55-66

УДК 7.01

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕЛЕСЕРИАЛА XXI ВЕКА. «РАССКАЗЫ ИЗ ПЕТЛИ» (2019) КАК ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Конфедерат Ольга Владимировна, Челябинский государственный университет, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, кандидат культурологии, доцент. Российская Федерация, 454129, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129. E-mail: olga.confederat@yandex.ru

Дядык Наталья Геннадьевна, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, доцент кафедры философии и культурологи, кандидат философских наук. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 69. E-mail: djadykng@cspu.ru

Аннотация

Введение. Анализ популярности телесериалов в XXI веке дает возможность сделать заключение, что этот формат видеопроодукции сравнительно со второй половиной XX века существенно изменился: fascinирующая (обольщающая, чарующая) функция в нем доминирует над нарративно-развлекательной. При этом инструментом fascinиации становится не только отдельный исполнитель, но вся специально созданная визуальная среда сериала. Такое положение позволяет исследователю, с одной стороны, выявить наиболее значимые эмоционально-психологические потребности современного социума и тем самым прояснить некоторые философско-антропологические аспекты сегодняшней культуры. С другой стороны, это позволяет классифицировать сериальную продукцию на основании гедонистических ценностей, то есть выявить базовые модели, по которым создаются

fascinирующие среды популярных сериалов. Предметом специального внимания в статье становится одна из таких моделей — экзистенциальная.

Цель: на основании анализа визуальных знаков телесериала 2020-х годов («Рассказы из Петли». Amazon Studio, Fox 21 Television Studios, США, 2020) представить экзистенциальную модель как одну из пяти порождающих моделей экранного зрелища; рассмотреть «Рассказы из Петли» как экранную модель, дающую зрителю опыт философско-антропологической рефлексии.

Методы: В ходе исследования применялись общенаучные методы анализа и синтеза; метод феноменологической редукции, позволяющий фиксировать чувственно воспринимаемые качества предметно-пространственных экранных образов; герменевтический метод, позволяющий на основании видимых знаковых структур выявить глубинные интенции визуального образа.

Научная новизна заключается в том, что мы подходим к телесериалу как антропологическому феномену, не только отражающему интересы, устремления и ценности социума, но и моделирующему социум посредством глубокого суггестивного (fascinирующего) воздействия. Создается типология таких сред, соответствующая базовым гедонистическим потребностям и отражающая степень востребованности тех или иных состояний наслаждения в современном социуме. Специально выясняется способ создания визуальной среды, вовлекающей зрителя в состояние философской рефлексии, которая в данном случае трактуется как способ достижения «исполненности бытия» (Аристипп).

Результаты. В ходе анализа нами была применена к телевизионной продукции гедонистически-онтологическая типология визуального образа, включающая пять порождающих моделей; был проведен целенаправленный анализ популярности наиболее влиятельных телесериалов 2000—2020-х годов, учитывающих уровень и причины зрительской fascinиации; на примере телевизионного сериала «Рассказы из Петли» и в ходе анализа его визуальных составляющих выясняется, каким способом современный сериал достигает вовлечения зрителя в состояние философской рефлексии.

Выводы. Философско-антропологический анализ современного телесериала показывает, что развлекательно-нарративные функции, актуальные для XX века, сменились функцией fascinиации, глубокого воздействия на зрителя на суггестивном уровне. При этом целью fascinиации является вовлечение зрителя не только в гедонистические состояния наслаждения, но и в состояния веры или философской рефлексии.

Ключевые понятия:

телесериал, fascinирующая визуальная среда, порождающие модели кино, экзистенциальная проблематика, философская антропология.

Введение

Интерес современных гуманитарных наук к телевизионным сериалам обусловлен тем, что этот формат медийной продукции занимает значительное место в нашей познавательной и развлекательной сфере. Более того: влияние телесериала настолько существенно, что его можно расценивать как энергетически напряженное поле культурных и антропологических идентификаций. Это несложно увидеть, обращаясь хотя бы к такой текстуально определенной сфере зрительских реакций как фандомы сериалов и сериальных фильмов. Мы понимаем термины «фандом» и «фанфикшн» в соответствии с их принятыми определениями [11; 17], как дислоцированное на специальных сайтах Интернета сообщество поклонников определенного произведения или персонажа популярной культуры (фандом) и творчество поклонников, варьирующих исходный образ этой культуры (фанфикшн).

Фандомы телесериалов лидируют среди наиболее популярных сообществ, насчитывая тысячи и десятки тысяч текстов, варьирующих зрительскую заинтересованность вымышленным сериальным миром: «Гарри Поттер» (Harry Potter, WarnerBros. 2001—2011) — 62 482 текста, «Сверхъестественное» (Supernatural, The CW, 2005—2020) — 41 667 текстов, «Шерлок» (Sherlock, BBC, 2010—2017) — 33 495 текстов, «Волчонок» (Teen Wolf, MTV, 2011—2017) — 30 472 текста, Доктор Кто (Doctor Who, BBC, 1963—1989, возобновлен в 2005) — 14 980 текстов, «Сумерки. Сага» (Twilight Saga, Summit Entertainment, 2008—2012) — 6880 текстов, «Благие знамения» (Good Omens, Amazon, BBC, 2019) — 6156 текстов и т. д. Мы приводим рейтинг только российских фандомов¹. В англоязычной культуре показатели отдельных фандомов возрастают более, чем вдвое: Supernatural (126 тыс.), Sherlock (60,2 тыс.), Doctor Who (76,3 тыс.)². Другие заметно ниже, чем в России (Good Omens — 1,2 тыс.), а некоторые сериалы и вовсе не получают фандомов. Так «Рассказы из Петли» (2020) имеют на российском сайте фанфикшн свое скромное место (3 текста), но не удостоились пока никакого внимания на fanfiction.net.

Попытка использовать подобные данные в анализе процессов антропологической и культурной идентификации человека современной глобализированной культуры встречается с методическим затруднением:

в каком качестве мы можем принимать телесериал, чтобы извлечь из его содержания и сферы влияния, моделированной зрительскими реакциями, аргументы, необходимые для философско-антропологического исследования.

Структурно-лингвистическая и феноменологическая концепции телесериала. Сериал как виртуальная фасцинирующая среда

Структурно-лингвистический подход к современному телесериалу полагает его поликодовым или креолизованным текстом, чей смысл сложным образом сплетается из вербальных и невербальных элементов [2; 5]. В таком случае анализ визуального целого сводится к разделению вербальных и невербальных знаковых комплексов, к различению денотативных и коннотативных значений, классификации способов их корреляции. Целью такого подхода является по возможности объективная картина социального функционирования креолизованного текста (в нашем случае — фильма или телесериала), объективный порядок его прочтения и осмысления.

Однако этот подход немного может объяснить в фасцинации телесериального образа, то есть его способности вызывать у зрителя состояния аффективной очарованности. Коллективная эмоционально-аффективная реакция на тот или иной сериал, индивидуальная эмоционально-психологическая зависимость от сериала (не случайно термин, обозначающий современное потребление сериалов звучит как binge-viewing («запойный просмотр» [10]) питаются не нарративно-лингвистическими структурами, но, напротив, «слабыми знаками», суггестиями, не поддающимися семиотическому анализу, но заключающими скрытые намерения авторов. Практика освоения этих «слабых знаков» зрителем сводится не к их прочтению, но к переживанию их комплекса как чувственно-эмоционального целого. Тексты фанфикшн, роящиеся вокруг популярных сериалов, собственно, и представляют собой интенсификацию «слабых знаков», их повторение, переписывание, модификацию с целью усиления определенных, наиболее фасцинирующих элементов, выведения протознаков в текстовые структуры. В самом же сериале эти элементы рассеяны как слабые пластические намеки, скорее ощущения и настроения, чем фигуры и действия, скорее «места», чем «тро-

¹ URL: https://fanfics.me/fandoms_rating.

² URL: <https://www.fanfiction.net/tv>.

пы», по выражению О. Аронсона. Аронсон относит его к кадру как элементу фильма М. Антониони («Он — уже не часть фильма, а именно «элемент» в его латинском звучании (*elementum*), или — «стихия», бессубъектная сила, действующая независимо от нас и превышающая наши способности ее контроля» [1, с. 24]). Между телесериалом XXI века и фильмами М. Антониони сейчас мы находим одно существенное сходство: приоритет неопределенной визуальности в ущерб нарративности. Такой тип коммуникации М. Маклюэн называет «холодным», устанавливающим со зрителем отношения не убеждения, но вовлечения и фасцинации. «С появлением телевидения сам зритель становится экраном. Он подвергается бомбардировке световыми импульсами <...>, и эта бомбардировка нашпиговывает оболочку его души душещипательно-подсознательными осторожными намеками. Телевизионный образ, с точки зрения заложенных в нем данных, имеет низкую визуальную определенность. Телевизионный образ не стоп-кадр. И это ни в каком смысле не фотография; это непрестанно формирующийся контур вещей, рисуемый сканирующим лучом. Складывающийся в результате пластичный контур образуется просвечиванием, а не освещением, и сформированный таким способом образ имеет качества скульптуры и иконы, но никак не картины» [9, с. 357—358].

Игровой телесериал XX века, наследующий серийным короткометражкам немого кино со сквозным персонажем, серийным газетно-журнальным фельетоном или выпускам дешевых приключенческих книжек, существует главным образом как нарративная структура, как история в нескольких главах (горизонтальная модель) или серия анекдотов, объединенных не только сквозным персонажем, но, что важнее, общим локусом происходящего (вертикальная модель) [13]. Примером первого могут быть знаменитые советские сериалы 1970-х годов «Семнадцать мгновений весны», «Место встречи изменить нельзя» или «Тени исчезают в полдень». Примером второго — множество популярных зарубежных сериалов: «Доктор Хаус», «Скорая помощь», «Бeverли Хиллс, 90210», а также российские сериалы, созданные по этой модели в XXI веке: «Кухня», «Интерны» и т. д. Говорить о фасцинации зрителя в этом случае сложно, разве что в отношении некоторых, особенно харизматичных исполнителей: Вячеслава Тихонова, например, или Хью Лори. Гораздо больше увлекают зрителя сюжетно-фабульные повороты.

Сегодня стратегия сериала состоит не в том, чтобы рассказать историю с продолжением, но в том, чтобы создать среду, в которой зрителю захочется быть. Среда, возбуждающую желание. Иначе говоря, телесериал, отказываясь на протяжении последних десятилетий от кинематографических моделей нарратива, достигает, наконец, оптимального уровня коммуникативной «холодности», которую М. Маклюэн считает базовым качеством телевидения [9]. В сравнении с «горячим» кинофильмом (во всяком случае, в его классической репертуарной ипостаси) сериал обладает несравнимо большей силой вовлечения зрителя как раз тогда, когда нарративная основа сериала ослаблена. Прогноз Маклюэна («усовершенствованное телевидение будет уже не телевидением») не сбывается: медийные технологии не только достигают нового уровня «холодности», но и вовлекают в свою орбиту классические «горячие» средства информации: кино, музейную экспозицию, рекламу.

Говоря об успехе британского телесериала «Шерлок», Е. В. Петровская замечает, что здесь привлекает не столько персонаж (Холмс) или исполнитель (Б. Камбербетч) и даже не детективные построения, но сама фасцинирующая среда: «Нетрудно прийти к заключению о том, что не только сериал «Шерлок», но и кино в целом создает для зрителя среду, частью которой, понимая это или нет, он сам давно уже является. Собственно, Холмс и выражает эту фасцинацию, эту завороченность зрителя уже не объектом, а той средой, в которой зритель полностью теряет автономию» [12, с. 86]. Шерлок — «это всего лишь тот промежуток, через который проносятся разряды» [12, с. 86]. Е. В. Петровская выделяет Шерлока Холмса (актер Б. Камбербетч), полагая его не фигурой, но «промежутком» для зрительского импульса. Однако ничто не мешает нам точно так же рассматривать сцены, отдельные серии и даже сезоны сериала как «промежутки» большего или меньшего масштаба. Создание фасцинирующих эмоционально-чувственных сред, пронизанных импульсами различной силы и частоты, является сегодня наиболее актуальной задачей масс-медиа, индустрии игр, зрелищных искусств, музеев и других институций, опирающихся на визуальные технологии. Фильм, сериал или музейная инсталляция больше не соответствуют монокаузальной однонаправленной схеме «форма/содержание», а превращаются в открытые ландшафты антропологических путешествий [20].

Сериал XXI века и гедонистическая онтология кино: порождающие модели.

Восприятие зрителем визуальной продукции сегодня описывается в терминах партиципации [3] и перформации [16]. Последняя порой трактуется в смысле деградации культурного сознания и культурной памяти зрителя: «<...> не способное к рефлексии сознание оказывается идеальным объектом манипулирования» [16, с. 36]. Риск такой зависимости, «новой животности», как определяет ее Г. В. Тульчинский, ссылаясь на Д. Агамбена [16, с. 36], разумеется есть, но эффект современного телесериала намного сложнее, чем эффект простой манипуляции посредством рекламы или сетевой ленты новостей. Тем не менее партиципация и аффектированное эмоциональное «перформативное» зритель в случае современного телесериала, безусловно, превосходят по своей интенсивности осмысление и познавательную рефлексивность.

Понимая теперь телесериал как особую fasciniрующую среду, мы можем составить характеристики и типологию таких сред в зависимости от намерений авторов, а эти намерения свести для начала к небольшому числу задач, определенных современным состоянием культуры и отвечающих наиболее массовым гедонистическим потребностям. Пользуясь методом, ранее принятым в нашей статье «Гедонистическая онтология фильма: порождающие модели», мы можем классифицировать телесериалы как среды, сформированные по определенной модели, отвечающей следующим гедонистическим потребностям:

- а) потребности перцептивного (тактильно-предметного, оптического, алиментарного, сексуального и т. д.) наслаждения,
- б) потребности моторного наслаждения свободным движением и мускульным усилием,
- в) потребности психологического комфорта в момент снятия тревоги и страдания (покоя, победы, достижения цели),
- г) потребности познавательного удовольствия (снятия гносеологической неопределенности, удовлетворение любопытства, развлечение новизной информации),
- д) потребности бытийной полноты.

Или как модели (в нашей терминологии) алиментарные, паркурные, аркадные, детективные, экзистенциальные соответственно [7].

Можно с большой долей уверенности предположить, что современная практика общения зрителя с телесериалом сводится не к поиску увлекательных историй, но к поиску состояний, индуцированных fasciniрующей визуальной средой. Наиболее востребованы чувственно-эмоциональные среды первых четырех моделей, в особенности алиментарной, что демонстрирует высокий рейтинг таких сериалов как «Ход королевы», «Аббатство Даунтон» или того же «Шерлока», искусно сочетающего алиментарную модель с паркурной. Значительно меньшая популярность пятой, экзистенциальной модели объясняется, во-первых, редкостью ее появления. Во-вторых, тем, что зритель, безотчетно ориентированный на поиски очевидных удовольствий, склонен искать их и там, где они не предполагаются: в разреженных или, напротив, сложно устроенных средах религиозного и философского опыта. А обманываясь в ожиданиях, отвергает фильм или сериал. В оценке популярности моделей мы ориентируемся на статистику фандомов, поскольку она дает наиболее чистые, беспримесные результаты зрительской fasciniации. Например, рейтинг сериала «Черное зеркало» по шкале IMDb, учитывающей фестивальную успех, отзывы критиков и зрителей, — 91 %, а рейтинг «Аббатства Даунтон» — 73 %. Но если говорить о зрительской fasciniации, картина существенно меняется: 8,7 тысяч откликов в фандоме «Аббатства Даунтон» и только 42 — в фандоме «Черного зеркала»¹.

Сериал «Черное зеркало», по нашей схеме, представляет модель пятого порядка. Для французского социолога В. Суска он является примером религиозной fasciniации, смоделированной современным высокотехнологичным стриминговым телевидением. Согласно наблюдениям автора, «Черное зеркало» ориентировано по сакральным осям западной культуры и должно привести зрителя к переживанию трансцендентальной благодати, не допускающей ни изъянов, ни теней, ни двусмысленностей [20]. Во всяком случае, эпизоды «San Junipero» (Black Mirror, 2016), «Black Museum» (Black Mirror, 2017), «Bandersnatch» (Black Mirror, 2018), проанализированные В. Суска, подтверждают его выводы.

Нас, однако, занимает иной вариант пятой модели, включающий зрителя в среду философской «призаданности» (М. Мармашвили) о переходных моментах идентификации, об утрате и нахождении своей самости, об опыте одиночества, свободы,

¹ URL: <https://www.fanfiction.net/tv>.

страха смерти. Такую модель мы находим в сериале «Рассказы из Петли» (Amazon Studio, Fox 21 Television Studios, США, 2020).

**«Рассказы из Петли»:
экзистенциальная проблематика
и ее визуальное воплощение
в сериале**

Сериал «Рассказы из Петли» был создан по мотивам книги шведского художника Симона Столенхага [18], созданной в технике цифровой живописи и в жанре, сложно определимом как ретро-футуризм и одновременно антиутопия. Действие происходит в пригородах Швеции, где встречаются и пробуют установить контакты обитатели европейской провинции 1980-х годов и разрозненные части отдаленного техногенного будущего, своего рода останки антимира, обладавшего собственными пространственно-временными параметрами и населенного биоморфными механическими объектами. «Рассказы из Петли», в основном, трактуются киноведами и социологами как научно-фантастический сериал [4; 22] с отдельными антропологическими тезисами [4; 20] и критикой технократии [18; 19]. По нашему мнению, это не совсем точная интерпретация данного феномена. Мы полагаем, что, с одной стороны, «Рассказы из Петли» вписываются в частный контекст американского кинематографа 2005—2020 годов, так или иначе озадаченного адаптацией национального сознания к травме 11 сентября 2001 года. Речь сейчас не о фильмах, сюжетно основанных на реальных событиях, но о фильмах, где герой справляется с болью, страхом, утратой. Самые значительные результаты адаптации к травме заметны в фильмах 2017—2019 годов: в «Человеке на Луне» (2018), в «Бегущем по лезвию 2049» (2017), в фильмах, иронически переписывающих травматические эпизоды американской истории («Однажды в Голливуде», 2019), и даже в фильмах, спекулирующих на травме («Джокер», 2019, «Доктор Сон», 2019). Фабулы этих лент не касаются исходного травматического акта 11 сентября 2001 года. Но нас занимает сейчас не фабульное соответствие, а телесная схема как психическая форма внутреннего представления тела, очевидно изменившаяся в американском кино после террористического акта, и продолжающаяся меняться. Было бы упрощением сказать, что фильмы, муссирующие посттравматический синдром, имеют терапевтическое значение, помогая американцам перейти от печали к возме-

здию. Скорее всего, травма 11 сентября обнаружила латентные процессы и состояния, которые и без нее привели бы рано или поздно к ревизии национального тела. Так же, как события 1990-х в России лишь ускорили процесс распада культурного тела, начавшийся уже в середине 1970-х. Поэтому рефлексии 2005—2020-х годов имеют более глубокий характер, нежели простая реакция на болезненный удар противника.

С другой стороны, «Рассказы из Петли» вписываются в широкий контекст глобальной культуры XXI века, утратившей географические дистанции, экономические и политические доминанты, классические определения и разграничения, связанные с нацией, гендером, социобиологическим и социокультурным статусом. В таком аспекте «Рассказы из Петли» представляются развернутой философско-антропологической рефлексией, имеющей значение не только для американской нации, но и для всякого мыслящего европейца или россиянина.

По жанру сериал «Рассказы из Петли» представляет собой антиутопию: действие происходит в фантастической реальности, в некоем городке, жители которого живут рядом с центром экспериментальной физики, именуемым Кольцом или Петлей. В недрах центра находится фантастический объект гравитон, воздействующий на окружающее и провоцирующий события сериала: пространство и время искривляются, замыкаются в кольцо, становятся возможными путешествия во времени и т. д. На фоне футуристического ландшафта героев фильма продолжают мучить вечные вопросы: кто я; в чем смысл моей жизни; как преодолеть чувство одиночества, страха, отчаяния; как сохранить мужество и веру перед лицом смерти.

С философско-антропологической точки зрения, «Рассказы из Петли» представляют серию философских штудий об отношениях «я» с собственными онтическими обстоятельствами. Фантастическое допущение технологии, генерирующей пространственно-временные искривления, петли и замыкания линий идентификации, служит всего лишь пластическим материалом, делающим ход размышлений метафорически-наглядным.

Восемь эпизодов «Рассказов из Петли» моделируют восемь лиминальных состояний, которые можно назвать состояниями онтологической левитации:

- состояние потерянности («Петля» / «Loop», р. Марк Романек.),
- дискомфорт в чужой среде («Перемещение» / «Transpose», р. Ким Со Ён),

- дистрофия внутреннего социализирующего контроля («Стазис» / «Stasis», р. Дебра Уолш),
- состояние перехода в смерть («Эхосфера» / «EchoSphere», р. Э. Стэнтон),
- забота, выходящая за пределы допустимой рефлексии («Контроль» / «Control», р. Т. Меланц),
- конфликт «я»-идентичности с «я»-тождественностью («Параллели» / «Parallel», р. Ч. Макдауэлл),
- комплексное состояние страха, ужаса, физического страдания, травмы, психологической фиксации в травмирующих обстоятельствах («Враги» / «Enemies», р. Т. Уэст),
- рефлексия собственного тела как Другого («Дом» / «Home», р. Д. Фостер).

Наиболее интересными в контексте нашей задачи являются три эпизода: «Стазис» / «Stasis» (р. Д. Уолш), «Параллели» / «Parallel» (р. Ч. Макдауэлл), «Враги» / «Enemies» (р. Т. Уэст). Они важны для нас как иллюстрации общих теоретических положений о «слабых знаках», моделирующих «холодные» визуально-информационные среды, которые побуждают зрителя к переходу в состояние наслаждения («Шерлок»), веры («Черное зеркало») или философского состояния мысли. Последнее и является задачей «Рассказов из Петли».

1. «Стазис»

Фантастическое допущение «Стазиса» — это существование аппарата, устанавливающего искусственную паузу во всех физиологических и механических процессах в необозримом пространстве на неопределенное время. Вне стазиса находится лишь пользователь аппарата, защищенный энергетическим полем специального браслета. Такой аппарат попадает в руки героине эпизода (Николь Ло), и у нее находятся причины привести его в действие, то есть на время остановить ход вещей и разомкнуть не удовлетворяющие ее социальные связи.

Сюжет мог бы развернуться как мелодрама с тремя любовными линиями: героиня — ее жених, героиня — юноша-инвалид, которого она встречает на берегу озера, мать героини — ее любовник, механик из Петли. Но устройство эпизода не позволяет ограничиться этой конструкцией. Есть целый ряд слабых визуальных знаков, «мест» (О. Аронсон), отсылающих скорее к фильмам М. Антониони, чем к научной фантастике. В диалогах и закадровых монологах «Стазиса» задается риторический вопрос о сча-

тье и его кратковременности. «Остановись мгновение, ты прекрасно» или, напротив, «некоторые вещи прекрасны, потому что они не вечны», — такие афоризмы звучат в речах персонажей, но само пространство «Стазиса» неопределенно, пустынно и невыразительно. Оно размечено футуристическими объектами, функцию и назначение которых угадать невозможно. И поскольку ни природа, ни технология не экспрессивны, а погружены как бы в аутическое состояние, ландшафт «Стазиса» представляет ряд ничейных зон, зон отчуждения, зависающих между городом и пустыней, миром социальным и природным. Опорные фигуры и знаки сюжета в этом разреженном пространстве расположены таким образом, что требуют от зрителя значительного усилия удержать полученный сигнал в ожидании следующего, который может сцепиться с уже имеющимся и укрепить цепочку смысла. Так три далеко отстоящих сигнала: звук, которым мать бросает сережку на туалетный столик, вернувшись с семейного торжества; застывающее лицо героини в тот момент, когда ее обнимает официально признанный жених; пальцы, купающиеся в потоке встречного воздуха и закрывающиеся как раковина, когда отец окликает героиню, должны при таком усилии очертить, в конце концов, область смыслов, связанных с несовпадением реальности и внутреннего субъективного представления о счастье. При этом слабые знаки не разрабатываются в сюжете, а остаются намеками. Драматургически несвобода героини недостаточно оправдана поступками окружающих. Ее недовольство вызвано скорее отвлеченной мыслью о возможности полной свободы, чем действительной зависимостью от родителей или жениха.

Фантастический аппарат позволяет проверить гипотезу абсолютной свободы как счастья, отключив весь остальной мир и введя его в состояние стазиса. В эксперимент по тотальному снятию социального контроля героиня берет спутника. Это может быть выражением симпатии, жалости или эгоистического страха в зависимости от того, как решится зритель воспринять флюиды дуэта Николь Ло и Дэниэла Кана. На самом деле эти флюиды неразличимы уже в первой сцене, когда героиня просит юношу показать ей искаленную ступню. Этой сцене недостает ни заботы, ни жестокого любопытства, чтобы быть прочитанной однозначно. Но можно ее воспринять и как проверку документов на переходе в другой режим бытия. Причин несвободы героини мы не знаем, но можем догадываться или

просто принять их как данность. Причины несвободы юноши физически очевидны. Несложно допустить, что в ряду других причин намерение взять с собой в эксперимент такое же несвободное существо может быть определяющим. Предпочтительней быть вместе с кем-то, чтобы избежать проблемы диалога со своим «я». Состояние героини в сценах лирического сближения далеко от влечения, хотя и не лишено эротической заинтересованности. В большей степени оно выдает заинтересованность другим несвободным существом. Так что проблема «Стазиса» все отчетливей определяется как проблема свободы, а вовсе не счастья.

Действия, которые совершают персонажи в среде стазиса (точнее, действия, к которым принуждает героиня своего спутника) — это ряд табуированных или противозаконных актов: фривольные шутки над прохожими, грабеж магазина, захват чужого дома, непристойные действия среди бела дня на людной улице. То, что прохожие, водители, велосипедисты замерли в незаконченной фазе движения, не устраняет их присутствия вокруг персонажей, предающихся любви посреди мостовой. Напротив, как раз это неучастливое присутствие и невидящее наблюдение больше всего возбуждает героиню, как будто одной внешней свободы от социума недостаточно, и необходимо, преступая закон, проверять себя самого на абсолютность этой свободы. И это же положение смущает зрителя телесериала, поскольку теперь он не может принять только одну ситуацию: либо интимную, либо социальную. То, что могло стать для него более-менее чувственным удовольствием, становится предметом рефлексии, не теряя своей феноменологической полноты. А то, что могло быть тезисом этики, осуществляется в висцеральном переживании. Этот акт философствования, взятый в его открытости, незавершенности, повторяется еще более экспрессивно в кульминации «Стазиса». Согласно фабуле героиня в поисках элемента питания для своего фантастического аппарата попадает в дом Механика и застаёт там свою мать. Хотя «застаёт» — не совсем точное слово. Стазис накрывает этот дом, и спальню, и любовников в момент их полного уединения и свободы. Под холодным оскорбленным взглядом дочери мать пребывает в застывшем мгновении счастья. С точки зрения социума, это счастье называется супружеской изменой. Но здесь и сейчас, в закрытом пространстве спальни, двое как будто свободны от мира и могут назвать это просто счастьем. Зрелище дает героине

возможность отчуждения своей собственной ситуации. Это не иллюстрация к положению Канта о моральном законе. Это проверка положения. Смешанное ощущение испытывает героиня, наблюдающая пару, словно нарочно застывшую в экстазе. Это дискомфортное чувство узнавания и шока, сочувствия и неловкости передается зрителю, вынужденному балансировать между житейской оправданностью и моральной ущербностью актов «свободы», совершенных персонажами. Это не этическая оценка происходящего, но длящийся процесс понимания, что отсутствие социального контроля не отменяет категорический императив личности. По мысли И. Канта, «это еще не подлинная моральная максима нашего поведения, подобающая нашему положению как людей среди разумных существ, если мы позволяем себе, словно какие-то волонтеры, с гордым высокомерием отстранять все мысли о долге и независимо от веления только ради собственного удовольствия делать то, для чего нам не нужно было бы никакого веления» [6, с. 191].

2. «Параллель»

П. Рикер в книге «Я-сам как другой» пишет: «Самость самого себя подразумевает инаковость в столь глубинной степени, что одну невозможно помыслить без другой, что одна, скорее, переходит в другую, если говорить на языке Гегеля. С «как» нам бы хотелось связать сильное значение, не только сравнения — самого себя, подобного другому, — но еще и импликацию: самого себя в качестве... другого» [13, с. 18].

Это философское положение «Параллель» представляет не в форме тезиса, но в модусе состояния. В этом состоянии пребывает персонаж по имени Гаддис, и в это же состояние вовлекается зритель, даже не читавший Рикера и не помышлявший о философской герменевтике. Фантастическое допущение эпизода — это наличие транспорта, переносящего Гаддиса в параллельный мир, где существует он же, но в реализации собственных представлений об идеальной жизни. Здесь есть просторный дом, огромная коллекция пластинок, круг друзей и, главное, тот самый спутник жизни, о котором он только мечтал в своей тусклой обыденности.

Проблема различения «idem» (тождественность) и «ipse» (самость) принимает в эпизоде качество сложности различения двух исполнителей Ато Эссандо (Гаддис 1) и Кевина Харриса (Гаддис 2). Режиссерское

решение заключается в том, чтобы, не пользуясь цифровыми способами мультипликации одного актера, взять на роль Гаддиса ipse и Гаддиса-idem исполнителей, очень схожих между собой, но все же разных. Прием мультипликации хорошо знаком зрителю и не составляет трудностей восприятия. В первых, надежное ощущение «неизменного ядра персональности» исполнителя двух разных ролей снимает проблему их различия. Раздвоение самости принимается при этом как временное условие игры. Во вторых, различая две версии исполнителя, авторы обычно наделяют их ярко-отличительными атрибутами, еще более упрощая задачу для зрителя. Кастинговое решение «Параллели» задерживает зрительское восприятие сюжета в точке необходимого, но сложного, не завершающегося сравнения двух ипостасей персонажа. Ощущение различия фундируется знанием о различии физическом (два разных исполнителя). Сравнение усложняется, неполным физиогномическим подобием актеров. Знание о различии требует подтверждения, это подтверждение требует пристального внимания к неявным отклонениям в физическом подобии вроде чуть иной линии нижней губы или чуть иному рельефу подбородка, и это делает процесс восприятия эпизода напряженным, мобиливающим зрителя.

Кроме того, выбор на эту двойную роль актеров-афроамериканцев в данном случае играет важную роль. Опыт американского и европейского кинематографа, исторически имевшего дело главным образом с актерами европейской расы и с лицом европейского типа, позволяет зрителю читать такое лицо как открытую книгу, с первого взгляда опознавая структуру, содержание и смысл «текста», улавливая мельчайшие нюансы пластических знаков. Но восприятие не-европейского лица затруднено: сам цвет кожи уже является препятствием к прочтению черт и их мимической игры. Это текст на другом телесном языке, и необходимо совершить усилие адекватного «перевода». Вероятно поэтому персонажи иной расы (китайцы, японцы, индусы, африканцы) до сих пор в евро-американском кино, как правило, остаются в статусе «маски», экспрессивного и обобщенного типа, условного знака. Это еще одна трудность восприятия сходства и различия в персонажах «Параллели». Зрителю все время приходится делать различие, но лица актеров таковы, что сделать его сложно: пластические и мимические отличия на порядок слабее, чем очевидное сходство по базовым характеристикам расового типа.

Выбор гендерной ориентации персонажа обусловлен той же самой задачей усложнить различие ipse /idem. Будь на месте объекта любви Гаддиса темнокожая или белая женщина, дескриптивные характеристики упростили бы эту задачу до полной очевидности. Но принятое условие способно вызвать у зрителя либо внутреннее отторжение, либо сложную работу по отчуждению мелодраматического сюжета и перевода гендерных характеристик на глубину их истока, где они окажутся онтическим выражением несовпадения «я» и «я-другой». Во всяком случае, восприятие этого сюжетного условия представляет трудность для большинства зрителей, поскольку само условие, как и в случае с расовым условием, не упрощено до толерантной или, напротив, вызывающей схемы. Но оно же представляет трудность и для персонажа, хотя для него это не гендерная проблема, а проблема странной гомогенности идеального и реального.

Различение ipse и idem персонажа в конце концов сводится к различению в его «я» двух ипостасей: идеальной (самое само, по выражению А. Лосева) и реальной, адаптированной к «другому» (внешнему миру, социуму). Проблема заключается в их одновременном существовании и в непреклонности требования, обращенного к «моей» личности: быть собой и быть со всеми, сохранять свою сердцевину и принимать условия социального компромисса. Идеальному «я» больно существовать в мире, где нет ему столь же идеального соответствия. Эту драму «Параллель» моделирует достаточно определенно, но дает ей не мелодраматическое, а философское разрешение. Сюжет начинается в акте отторжения «другого» как угрозы «самости» персонажа, проходит через перипетии распознавания «я» как «другого» и разрешается в приятии «другого» как части диалектического единства.

Есть ли возможность иного, не философского, а мелодраматического или научно-фантастического восприятия эпизода? Да, есть. Но в таком случае это восприятие будет либо избирательным, отбрасывающим слишком многие режиссерские решения и тем самым разрушающим структуру и смысл «Параллели», либо оно вообще не состоится, так как сведется к вполне возможному отторжению эпизода, резко не совпадающего с гендерными и расовыми идентификациями зрителя. И то, и другое не входит в планы авторов, следовательно, «Параллель» рассчитана на иное, а именно философское восприятие.

3. «Враги»

Эпизод «Враги» концентрирует знакомые каждому человеку экзистенциальные состояния тревоги, отверженности, одиночества. Сюжет эпизода построен симметрично, хотя эта симметрия обнаруживается не сразу. Первая конструкция — это история подростка, предательски брошенного на необитаемом острове, пережившего страх, голод, травму, болезненное состояние после укуса змеи, зрелище собственного деградирующего беспомощного тела, затем, после спасения, ампутацию и комплекс инвалидности. История завершается взрослением персонажа, его адаптацией к травме, удачным замещением отсутствующей руки высокотехнологичным протезом, психологической, моральной и социальной компенсацией в виде престижной работы, любящей жены, сыновей, крепкой семьи, комфортного дома.

Вторая конструкция имеет фантастическое фабульное допущение: носителем травмы является неудачная модель андроида, выбракованная и отправленная в изгнание на необитаемый остров. Андроид-инвалид пытается выживать в ситуации полного одиночества, крайнего бытового дискомфорта, крайнего социального отторжения. Для всех, кто осведомлен о его существовании, он — монстр, ужасное и отвратительное существо. Для всех, кроме его создателя, который одновременно является отцом главного героя.

Сюжетная симметрия обнаруживается во второй «взрослой» части истории и некоторое время воспринимается как параллель или доказательство от причины: травма, нанесенная сыну, есть следствие «греха» отца, нанесшего травму естественному порядку вещей; наше сострадание и готовность идентифицировать себя с другими существами этого мира — залог мировой гармонии и т. д. Но место и ситуация, где эта симметрия принимает пластический вид, сводит линии к точке сюжетно-психологического пересечения, и формула ответа на вопрос об адаптации к травме складывается с болезненной, но необходимой прямоотой. Это встреча двух калек — частично роботизированного человека и частично очеловеченного робота — на острове, там же, где они впервые встретились тридцать лет назад. Ничего не происходит в кадре кроме долгого пристального взгляда героев в свое отражение напротив. Пауза так пластически объемна и выразительна, что ответ на вопрос об адаптации к травме начинает проясняться для зрителя сам собой, складываясь из наведенных ви-

зуальным образом ощущений тьмы, потерянности, незащищенности, едва согревающего огня, родства с собственной травмой, мужества принять ее как неотменимый факт. Адаптироваться к травме — значит научиться с ней жить. Фигурально говоря, оставаться в глубине души все на том же острове, в той ночи, где был так страшно потерян и разрушен. И непрестанно, каждый день и час, находить в себе силы возвращаться. Такова философская рефлексия травмы, столь актуальная для XXI века, радикально отличная от социокультурной идеи реабилитации или возмездия, которая была панaceей от любых травм еще в 1980—1990-е годы.

Заключение

Проведенный нами анализ взаимодействий визуального (телесериального) образа со зрителем в первые десятилетия XXI века показал, что сравнительно со второй половиной XX века функции телесериала существенно изменились: вместо развлекательно-нарративных задач решаются задачи императивного наведения определенного эмоционального-психологического состояния на суггестивном уровне, то есть целенаправленное фасцинирование зрителя. Диапазон таких наведенных состояний широк, но сводится к пяти основным гедонистическим моделям разной сложности, среди которых имеет место экзистенциальная модель, вводящая зрителя в состояние философской рефлексии.

Орудием фасциации при этом служит не отдельно взятый элемент сериала (фабульная конструкция, работа актера, детали сценографии и т. д.), но смоделированная техническими и художественными средствами визуальная среда, обладающая собственными качественными характеристиками. Среди других знаковых сериалов XXI века «Рассказы из Петли» занимают особое место, поскольку, соответствуя экзистенциальной модели, создают для зрителя специфическую среду философской рефлексии. Инструментом создания такой среды являются так называемые «слабые знаки» (О. Аронсон). Материализованные как неопределенные или двойственные характеристики среды, персонажей, мотивов их поведения, «слабые знаки» вынуждают зрителя к рефлексии, а поскольку сюжеты сериала основаны на экзистенциальных ситуациях потерянности, свободы, одиночества, поисков своего «я», тревоги, травмы, перехода в смерть и т. д., эту рефлексию вполне можно назвать философской.

«Рассказы из Петли», обращенные к суггестивному чувственному опыту зрителя, демонстрируют экзистенциальный кризис современного человека, неустойчивость дескриптивных идентичностей (раса, пол, социальный статус), чувство неопределенности и страха перед будущим, чувство отторжения и потерянности, и вместе с тем, побуждая зрителя к философской рефлексии, способствуют преодолению этого страха и этой потерянности.

1. Аронсон О. В. Кино и философия: от текста к образу. М.: ИФ РАН, 2018. 109 с.

2. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: кинотекст // Политическая лингвистика. 2007. № 22. С. 106—110.

3. Деникин А. А. К определению термина «партиципация» в контексте современных художественных практик // Наука телевидения. 2018. № 14. С. 58—79.

4. Долин А. Роботы как залог бессмертия // Искусство кино. 2020. № 5/6. URL: <https://kinoart.ru/reviews/roboty-kak-zalog-bessmertiya-anton-dolin-razbiraet-serial-rasskazy-iz-petli> (дата обращения: 14.03.2021).

5. Зарецкая А. Н. Картина мира телесериала через призму когнитивной лингвистики // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 88—90.

6. Кант И. Метафизика нравов. М.: Родина, 2019. 271 с.

7. Конфедерат О. В., Дядык Н. Г. Гедонистическая онтология фильма: порождающие модели // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 74—84.

8. Корчагин С. С., Кравченко А. К. Транслатологическая специфика локализации экранного текста в телесериале «Шерлок» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. тр. науч.-практ. конф. 2016. № 1 (56). С. 164—170.

9. Маклюан Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц.: Кучково поле, 2003. 464 с.

10. Мэтт Х. «Черное зеркало», имплицитная религия и сакрализация «запойных просмотров» научной фантастики // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 37 (3). С. 102—123. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-3-102—123.

11. Пейгина Л. В. Идентичность субъекта фандомной культуры как автопроект в условиях общества постмодерна: диалектика вызова и безопасности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30 С. 102—110. DOI: 10.17223/22220836/30/11

12. Петровская Е. В. «Brainy is new sexu»: Шерлок Холмс, абдукция и нейросети // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 1. С. 74—89. DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-1-74-89.

13. Прохоров А. В. Веб-сериалы: специфика и ключевые особенности формата // Художественная культура. 2019. Т. 2, № 3. С. 394—413.

14. Рикёр П. Я-сам как другой: пер. с фр. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2008. 416 с.

15. Строева О. В. Судьба антиутопий и неolibеральные ценности в современной сериальной продукции // Наука телевидения. 2020. № 16 (4). С. 11—29.

16. Тульчинский Г. Л. Экран и фактор скорости: от нарративов к перформативам // Наука телевидения. 2019. № 15 (2). С. 29—40.

17. Четина Е. М., Клейкова Е. А. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3 (31). С. 95—104.

18. Hall C.L. Simon Stålenhag's evocative art has been rendered as something ponderous and opaque // Polygon. Vox Media. 2020. Apr. 3. URL: <https://www.polygon.com/reviews/2020/4/3/21205927/tales-from-the-loop-review-amazon-prime-streaming-simon-stalenhag> (дата обращения: 14.03.2021).

19. Goldberg L. 'Tales From the Loop' TV Series Set at Amazon // Hollywood reporter. 2018. July 17. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/live-feed/tales-loop-tv-series-set-at-amazon-1127706> (дата обращения: 14.03.2021).

20. Rivera J. Tales from the Loop turns small-town America into a sci-fi feelings machine // The Verge. Vox Media. 2020. Apr. 6. URL: <https://www.theverge.com/2020/4/6/21207571/tales-from-the-loop-review-amazon-sci-fi-robots> (дата обращения: 14.03.2021).

21. Susca V. Le game s'est fait vie. Sociologie de Black Mirror et post-sérialité télévisuelle // Funes // Journal of Narratives and Social Sciences. 2019. Vol. 3. P. 26—38. URL: <http://www.serena.unina.it/index.php/funes/article/view/6570> DOI: <https://doi.org/10.6093/2532-6732/6570> (дата обращения: 14.03.2021).

22. Thomas J. 'Tales from the Loop' is superb sci-fi // Michigan Daily. 2020. April 5. URL: <https://www.michigandaily.com/section/arts/%E2%80%98tales-loop%E2%80%99-superb-sci-fi> (дата обращения: 14.03.2021).

References

1. Aronson O.V. (2018) Kino i filosofija: ot teksta k obrazu. Moscow, IF RAN, 109 p. [in Rus].

2. Voroshilova M.B. (2007) *Politicheskaja lingvistika*, no. 22, pp. 106—110 [in Rus].

3. Denikin A.A. (2018) *Nauka televidenija*, no. 14.1, pp. 58—79 [in Rus].

4. Dolin A. (2020) *Iskusstvo kino*, no. 5/6. Available at: <https://kinoart.ru/reviews/roboty-kak-zalog-bessmertiya-anton-dolin-razbiraet-serial-rasskazy-iz-petli>, accessed 14.03.2021. [in Rus].

5. Zareckaja A. N. (2013) *Vestnik ChelGU*, no. 24 (315), pp. 88—90 [in Rus].

6. Kant I. (2019) *Metafizika nravov*. Moscow, Rodina, 271 p. [in Rus].

7. Konfederat O.V., Djadyk N.G. (2020) *Socium i vlast'*, no. 3 (83), pp. 74—84. [in Rus].

8. Korchagin S.S., Kravchenko A.K. (2016) *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii*, no. 1 (56), pp. 164—170 [in Rus].

9. Makljuan G.M. (2003) *Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija*. Moscow, Zhukovskij, KANON-press-C, Kuchkovo pole, 464 p. [in Rus].
10. Mjett H. (2020) *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i zarubezhom*, no. 37 (3), pp. 102—123 [in Rus].
11. Pejgina L.V. (2018) *Vestnik TGU. Kul'turologija i iskusstvedenie*, no. 30, pp. 102—110 [in Rus].
12. Petrovskaja E.V. (2019) *Filosofskij zhurnal*, no. 1, pp. 74—89 [in Rus].
13. Prohorov A.V. (2019) *Hudozhestvennaja kul'tura*, no. 3, pp. 394—413 [in Rus].
14. Rikjor P. (2008) *Ja-sam kak drugoj*. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 416 p. [in Rus].
15. Stroeveva O.V. (2020) *Nauka televidenija*, no. 16.4, pp. 11—29 [in Rus].
16. Tul'chinskij G.L. (2019) *Nauka televidenija*, no. 15.2, pp. 29—40 [in Rus].
17. Chetina E.M., Kljukova E.A. (2015) *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija*, no. 3 (31), pp. 95—104 [in Rus].
18. Hall C. L. (2020) Stålenhag's evocative art has been rendered as something ponderous and opaque. Polygon // Vox Media. Available at: <https://www.polygon.com/reviews/2020/4/3/21205927/tales-from-the-loop-review-amazon-prime-streaming-simon-stalenhag> (accessed 14.03.2021) [in Eng].
19. Goldberg L. (2018) 'Tales From the Loop' TV Series Set at Amazon // Hollywood reporter. Available at: <https://www.hollywoodreporter.com/live-feed/tales-loop-tv-series-set-at-amazon-1127706>, accessed 14.03.2021 [in Eng].
20. Rivera J. (2020) Tales from the Loop turns small-town America into a sci-fi feelings machine // The Verge. Available at: <https://www.theverge.com/2020/4/6/21207571/tales-from-the-loop-review-amazon-sci-fi-robots>, accessed 14.03.2021 [in Eng].
21. Susca V. (2019) Le game s'est fait vie. Sociologie de Black Mirror et post-sérialité télévisuelle // Funes. Journal of Narratives and Social Sciences, pp. 26—38 [in Eng].
22. Thomas J. (2020) 'Tales from the Loop' is superb sci-fi // Michigan Daily. Available at: <https://www.michigandaily.com/section/arts/%E2%80%99tales-loop%E2%80%99-superb-sci-fi>, accessed 14.03.2021 [in Eng].

For citing: Konfederat O.V., Dyadyk N.G. Philosophical and anthropological aspects of the XXI century television series «Tales from the Loop» (2019) as an experience of philosophical reflection // *Socium i vlast'*. 2021. № 3 (89). P. 55—66. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-3-55-66.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-55-66

UDC 7.01

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF THE XXI CENTURY TELEVISION SERIES «TALES FROM THE LOOP» (2019) AS AN EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL REFLECTION

Olga V. Konfederat,

Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department Chair
of Russia's and Foreign Countries' History,
Cand.Sc. (Cultural Studies), Associate Professor.
The Russian Federation, 454129,
Chelyabinsk, ulitsa Bratyev Kashirinykh, 129.
E-mail: olga.confederat@yandex.ru

Natalia G. Dyadyk,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: djadykng@cspu.ru

Abstract

Introduction. Analyzing the popularity of television series in the XXI century makes it possible to conclude that this format of video production has changed significantly in comparison with the second half of the XX century: the fascinating (seductive, enchanting) function in it dominates over the narrative-entertaining one. At the same time, not only the individual performer becomes the instrument of fascination, but the entire specially created visual environment of the series. This situation makes it possible for a researcher, on the one hand, to identify the most significant emotional and psychological needs of modern society and thereby clarify some of the philosophical and anthropological aspects of today's culture. On the other hand, it makes it possible to classify serial production on the basis of hedonistic values, that is, to identify the basic models by which the fascinating environments of popular serials are created. One of such models, the existential one, becomes the subject of special attention in the article.

The purpose of the study is to present the existential model as one of five generative models of the screen spectacle on the basis of analyzing visual cues from the 2020 television series (Tales from the Loop. Amazon Studio, Fox 21 Television Studios, USA, 2020); to consider «Tales from the Loop» as a screen model that gives a viewer the experience of philosophical and anthropological reflection.

Methods: In the course of the study, the authors use general scientific methods of analysis and synthesis; the method of phenomenological reduction, which makes it possible to record the sensually perceived qualities of object-spatial screen images; a hermeneutic method that makes it possible, on the basis of visible sign structures, to reveal the deep intentions of a visual image.

The scientific novelty lies in the fact that we consider the television series as an anthropological phenomenon, not only reflecting the interests, aspirations and values of the society, but also modeling the society through a deep suggestive (fascinating) influence. A typology of such environments is created, corresponding to basic hedonistic needs and reflecting the degree of demand for certain states of pleasure in modern society. The method of creating a visual environment that draws a viewer into a state of philosophical reflection, which in this case is interpreted as a way to achieve «the fulfillment of being» (Aristippus), is specially clarified.

Results. In the course of the analysis, the authors applied to television production a hedonistic-ontological typology of a visual image, which includes five generative models; a targeted analysis of the popularity of the most influential television series of the 2000s – 2020s was carried out, taking into account the level and causes of spectator fascination; as exemplified by the television series «Stories from the Loop» and in the course of the analysis of its visual components, it becomes clear how the modern series succeeds in involving a viewer in a state of philosophical reflection.

Conclusions. The philosophical and anthropological analysis of the modern television series shows that the entertainment and narrative functions that are relevant for the twentieth century have been replaced by the function of fascination, a deep influence on a viewer at a suggestive level. In this case, the purpose of fascination is to involve a viewer not only in hedonistic states of pleasure, but also in states of faith or philosophical reflection.

Key words:

TV series,
fascinating visual environment,
generating movie models,
existential issues,
philosophical anthropology.

Для цитирования: Баранец С. Н.
Местная власть в России: новый способ
онструирования объясняющей модели /
Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 67—77.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-67-77.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-67-77

УДК 323.329

МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ: НОВЫЙ СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБЪЯСНЯЮЩЕЙ МОДЕЛИ¹

Баранец Сергей Николаевич,

Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС,
доцент кафедры государственного и
муниципального управления,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 199178,
Санкт-Петербург, Средний пр., д. 57/43
E-mail: brnts@mail.ru

Аннотация

Статья исходит из концепции понимания местной власти в России как проекции потестарной (догосударственной) организации общественной жизни, трансформирующейся в условиях господства способов государственной организации общественной жизни, но сохраняющей свое влияние в качестве сущностного ядра политико-социального взаимодействия между людьми. Сложившийся комплексный «государственно-муниципальный» механизм осуществления власти на местах во многом определяет собой формы и характер взаимодействия политических субъектов на региональном уровне. Органам государственной власти, ориентированным на тотальность собственных управленческих воздействий, не удалось до сих пор полностью интегрировать местное самоуправление в общее публичное пространство ответственности за полномочия, поскольку местная власть изначально и естественно выстраивается на принципах автогенеза, автохтонности и автономности. Современная ситуация способствует архаизации части общественных отношений. Для работы в многомерной реальности социума власть с некоторых пор

начинает нуждаться в аналитических моделях для понимания происходящего. В качестве объясняющего теоретического основания разработанных и описанных автором модусов существования местной власти в условиях современного этапа развития российской государственности используется модальная методология, дополненная результатами построения модельно-ориентированных (имитационных) политических онтологий, которые отображают совокупности реально и деятельно присутствующих в российской социуме слоев и акторов муниципальной сферы социально-политической реальности на уровне регионов. Автора интересует поиск закономерностей, которые действуют в среде, созданной и культивируемой организационно-деятельностными усилиями государственных структур на фоне присущих регионам социокультурных и иных характеристик. Вытекающие из предложенных автором модусов возможные рабочие модели для нужд государственного управления еще находятся в стадии разработки, поскольку предложенная руководством страны реформа конституционных норм ставит вопрос о новых формах организации континуума сосуществования и взаимодействия местной и государственной власти в России. В статье намечены основные исследовательские линии, которые обозначают ряд особенностей и опорных точек авторского подхода в понимании отношений местной власти и муниципального управления, что может послужить поводом для нового круга дискуссий специалистов, интересующихся перспективами развития политических потенциалов в российской муниципальной среде.

Ключевые понятия:

местная власть,
управление,
местное самоуправление,
государственность,
современность,
объяснение,
рабочие модели.

¹ Работа выполнена в 2020 году при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00862.

Государственное управление в России в своей истории последних трехсот лет проделало эволюцию, которая нарушалась революционными потрясениями, но в целом соответствовала общей тенденции — укрепиться в своем доминирующем положении среди других форм властвования и управления. Менее всего государственному чиновнику, как и всякому служилому человеку, потребны объясняющие модели, рефлексивные преткновения и прочие измышления досужего ума. Обслуживающая власть в России когорты интеллектуалов, идеологов и идеократов никогда не была склонной к утверждениям научных подходов и результатов теоретических изысканий в качестве основы управленческих практик, да и сами эти практики рассматривались, по преимуществу как административно-командные и субъективно-бюрократические. Власть черпала свою силу в команде-приказе как вербализация царствования, самодержавности и самовластья, игнорируя потребности времени, — то отставая от доминантных мировых трендов, то отклоняясь от них в силу избыточной консервативности, то, наоборот, вырываясь в авангардную позицию, которая оценивалась другими как покушение на устои миропорядка. У нее, у российской власти государственного склада, во все времена были свои собственные ориентиры и приоритеты, в основном охранительные, мало зависимые от народной воли, но с некоторых пор позволяющие вполне успешно предотвращать вызревающие в массах тенденции к народной расправе над угнетателями и паразитами. Нынешняя система государственного и муниципального управления в России является прямой наследницей трех основных тенденций и трех основных волн в истории российской государственности, которые в итоге породили сложившуюся основу «долгого государства Путина». Последнее осознает себя в отношении «глубинного государства» российского образца, сущностью которого по-прежнему выступает, как представляется, потестарность, поместность, сословность и, так сказать, политикообразная местновласть начальования, что на современном языке означает, по моему мнению, превалирование черт патриархального стиля влияния и управления. Плюсы и минусы такого положения дел еще предстоит обдумать, однако мое убеждение в том, что осмысление с точки зрения науки возможно сделать более продуктивным, если постоянно иметь в виду явного контрагента государственной политической воли в лице потенциально

властительных, влиятельных и вполне реально управляющих делами и ситуациями местных сил и авторитетов, учитывать их политические потенциалы в рамках ситуативно складывающихся и вместе с тем ритмически распадающихся сообществ муниципальной природы. Этой актуальной, с моей точки зрения, теме посвящены некоторые мои предыдущие публикации, на которые я рискну обратить внимание читателя данной статьи [см.: 1].

* * *

Местная власть¹ в России, как и в любой стране, гораздо старше государственности. Будучи способом самоорганизации местных групп и сообществ, она изначально имеет свою специфику, и тот набор особых качеств и свойств, который она, как носитель потенциалов политической субъектности, демонстрирует во взаимоотношениях с другими участниками политических процессов, отображает не только сущностные черты страны, в которой эта власть проявляется и реализует себя в совокупности политико-социальных и социокультурных особенностей экономического воспроизводства этой сущности, но и ее собственную, далеко не простую для понимания природу. Она, на мой взгляд, заключена в особой разновидности властных отношений, которая действует в локальных, ограниченных «коротким временем» и «быстрым ритмом» пространствах воспроизводства социальности, гуманности и достигнутых людьми степеней свободы. По известной марксовской логике «обратной исторической перспективы», более продвинутые общественные формы, как правило, являются ключом для понимания форм более простых, не обязательно примитивных, но предшествующих в эволюции формам актуального содержания. Одно из измерений общественного прогресса — степень реальной независимости субъекта

¹ Местная власть не есть власть муниципальная, хотя в правосознании существует стереотип о тождестве понятий «местный» и «муниципальный». Для культуры важны различия, а не только сходства, ибо раздвоение единого на противоположности и познание противоречивых частей его есть ядро современного научного познания. Именно в связи с таким подходом исходным основанием моих рассуждений о проблемах разворачивающейся реформы муниципального управления выступает именно различие местной власти как власти авторитета и муниципального управления как функциональной системы: второе не обязательно опирается на первую, а первая не всегда формально встроена в муниципальные управленческие структуры.

истории от прошлого опыта и ошибок: пережитки мертвых могут довлеть над умами живых, но, по счастью, никогда не смогут быть единственной опорой для расширенного воспроизводства социального порядка. Реальная диалектика традиций и новаторства проявляется в противоречивом, но всегда практически разрешаемом в деятельности поступке (каждого конкретного носителя субъектных качеств) своеобразного сочетания и сочлениии изобретенных образов будущего с незабываемыми, однако уже ставшими прошлым идеалами и ценностями. Следы такого «меморированного» прошлого не могут быть элиминированы из исторической памяти действующих социальных субъектов, и, значит, так или иначе влияют на их поведение, мотивы и актуальные способы организации жизни.

Сами общественные структуры, как известно, деятельно изменяются людьми под давлением обстоятельств непреодолимой силы, объективных в той мере, в какой они являются продуктом уже состоявшегося коллективного взаимодействия и, одновременно, создают предпосылки для событий, решений и поступков сегодняшнего дня. Однако «здесь и сейчас» закладывает основания для «там и тогда», для будущих мест и времен, которые тоже непременно обречены стать прошлым, и в этом отношении быть объясняемыми и понятными из новых, еще не состоявшихся, проективных и интенциональных, будущих «сейчас и здесь». Подобные временные проекции дополняются пространственным (территориальным, привязанным к месту, локализованным в ограниченном местовременении) распределением человеческих сообществ и способов их воспроизводственного осуществления себя. Это распределение всегда неравномерно, изменчиво, но при всем том зачастую весьма инертно в отношении, к примеру, властно-управленческих воздействий со стороны носителей соответствующих прерогатив (к примеру, государственных органов власти и государственных деятелей). По этим причинам, как и в связи со вновь и вновь возникающими проблемными обстоятельствами непредвиденной природы, которые действуют при неповторимой совокупности условий существования объектов воздействия, управленческая наука всё известное время своего существования пытается обнаруживать в деятельности людей повторяемости, цикличность и алгоритмы. На базе обобщения этих эмпирических открытий выстраиваются законосообразные, практически ориентированные и даже порой на-

учно-теоретически обоснованные модели процессов, явлений и вещей человеческой природы, — с тем, чтобы с их помощью выработать, обосновывать и апробировать эффективные способы разумного и умелого реагирования на общественно-значимые события, действенного контроля за ситуациями и созидания потребных для обуздания всего этого мира человеческих дел властных (и, значит, организационно-правовых) полномочий.

Всякая модель чего-нибудь стоит, коль скоро она не только описывает реальность или эксплицирует её важные черты, но и когда на этой основе могут быть выстроены действенные, результативные и меняющие реальность управленческие движения и подвижки, критически важные для целей соответствующего субъекта, но не настолько мощные, чтобы привести в заданных конкретных обстоятельствах к необратимым и фатальным для объекта управления нарушениям условий его существования. Иными словами, модели управленческой ориентации и предназначения, как таковые, могут быть источником проективных знаний о том, где и когда, по чьему велению и вопреки какому-то хотению, в результате организованного управленческого воздействия и с учетом возникающих рисков складываются (конструируются) условия и ситуации, делающие изменения и новации возможными (и отчасти необходимыми), но при этом в меру разумные и соразмерные, то есть не препятствующие дальнейшему существованию и развитию всех остальных проявлений, сторон, аспектов участвующих в данном взаимодействии субъективно ценных объектов и объективирующих свои замыслы субъектов (в том числе разумеется, и самих участников управленческого взаимодействия). Принятое в науке разделение на теоретические модели разной степени предметности, конкретности, общности и глубины, на мой взгляд, непременно должно дополняться представлением о моделях рабочих, про-активных, то есть, по сути практических, для которых главным является не только соответствие образам, нормам и идеалам научного познания, парадигматическим установками и мировоззренческим ориентирам (хотя это и принципиально важно), а соотносённость с теми сторонами действительности, которые поддаются деятельному воздействию человека, проникаемы для него и потенциально изменяемы в связи с вариативно-технологически организуемой структурой самого процесса воздействия.

Та часть российской социальной реальности, которая может быть для целей нашего исследования в достаточной мере условно определена как «муниципальная», формируется в повседневной коммуникативной практике субъектов деятельности, производительности потребляющих имеющиеся в их распоряжении общественно значимые продукты (получаемые для этих целей главным образом посредством индивидуальной или коллективной, но всегда «маломасштабной» деятельности). Однако в этом процессе повседневного воспроизводства жизнедеятельности указанные субъекты вынуждены восполнять их собственную ограниченность услугами разнообразных «сторонних» поставщиков, внешних, не своих, «не местных» для совокупности признанных государством в качестве законных территориальных сообществ. Эта зависимость муниципальной части социума от той ее части, которая ассоциирована и аффилирована с государством, отнюдь не является односторонней и непреодолимой: сообщества, у которых локально организованные на принципах соседства социальные связи оказываются для их участников важнее, нежели те, что складываются в рамках принятых за пределами локусов общих (и принятых для данного государства как вполне легитимные) правил господства и подчинения.

Сложившиеся черты местных сообществ и местной власти в современной России, на наш взгляд, позволяют рассматривать последнюю как сложную континуальную проекцию в актуальность современности существенных свойств потестарной (догосударственной) организации общества. Сохранившихся привычек использования «архетипических» и/или «рудиментарных» социальных свойств, пусть и заметно трансформированных в условиях устоявшегося с давних пор господства государственных инструментов и механизмов организации общественной жизни, хватает для сохранения базисных социальных констант в моменты переходов от одной исторической эпохи к другой в новой и новейшей истории России¹. Сохраняющий свое влияние в качестве существенно важного механизма политического взаимодействия между людьми в практике повседневного деятельно-трудового (социально-воспроизводственного) общения этот повсеместно распределенный и достаточно устойчивый слой культурно-об-

щественных связностей работает на уровне «grass roots»², но способен проявлять себя и как относительно самобытная и суверенная часть самосознания в комплексе по преимуществу этатистских устремлений большинства граждан. На мой взгляд, постоянно действующий и неэлиминируемый из социальных связей и различий потестарный (традиционный) компонент в рамках современных политико-правовых механизмов во многом как раз и определяет собой конкретные проявления и характер взаимодействия власти и общества именно на уровне малых территориальных общностей и локальных (а ныне — муниципальных) сообществ. Этот компонент дает возможность в кризисных условиях сделать «откат» к архаичным механизмам сохранения социальной устойчивости, но в то же время сохраняет потенциал развития, совместимый с модернизацией и инновативными исканиями общественных форм³.

Суть предлагаемого мною подхода к пониманию муниципальной части социальной реальности заключается в том, чтобы интерпретировать всякую местную власть⁴, помимо прочего, как совокупность особых приемов управляющего (организующего) воздействия таких носителей субъектных качеств, которые признаются авторитетами не в силу их формально закрепленной публичной позиции или статусных характеристик, а в силу присутствия в их поступках, жизненных ценностях и моделях общения с другими носителями особого набора атрибутивных качеств, реально-практически

² Это выражение, буквально означающее «корни травы» (англ.) с давних пор используется западными исследователями местных сообществ и их места в социальной структуре общества.

³ Необходимо отметить, что такой подход к современному этапу развития муниципальной реальности российского образца, конечно, требует развернутого пояснения, поскольку в силу ряда обстоятельств указанная связь между современными формами самоорганизации локальных сообществ и того, что вполне может трактоваться как пережитки, родимые пятна и остаточные явления преодоленных, казалось бы, общественных порядков, всегда выглядит как, по крайней мере, сомнительная: ведь если, то, что было, казалось бы, прошло, то как возможно его присутствие в том, что еще не состоялось, что соответствует явлению себя в актуальностях сегодняшнего дня, и как происходит распространение, казалось бы, вполне преодоленного и необратимо переделанного на то, что создается другими людьми, в других местах и в другие времена? Вопрос о специфике форм преемственности в историческом развитии по-прежнему актуален.

⁴ «Local Authorities», в трактовке Европейской Хартии местного самоуправления.

восполняющих социальную, политическую и иную некомпетентность (бессилие) тех, кто этими качествами, по неким причинам, на данный момент еще (или уже) не обладает. Это, во-первых, знание, как следует поступать в тех или иных ситуациях, чтобы эти поступки были оправданны и выглядели как правильные. Во-вторых, это умение видеть варианты решения возникающих вопросов и проблем сообразно интересам тех, для кого они становятся препятствием. Это, наконец, в-третьих, навыки поведения в лидирующем, увлекающем и подвигающем других к действию стиле, то есть самостоятельное (самовластное) право на поступок, самостоятельное утверждение в обнаруженном праве и сила в преодолении трудностей и препятствий внешнего/внутреннего характера. Деятельный, умственный или эмоциональный окрас такой позиции части общества порождает у других носителей социальных компетенций, выступающих в виде актуальных или потенциальных участников означенного взаимодействия ощущение её всеислия, отблеск которого дает надежду на благополучный исход задуманного и в то же время востребует деятельного соучастия в предпринятых авторитетами местного масштаба усилиях управленческого свойства. Местная власть является в данном отношении «складом забытых вещей» и набором утрачиваемых (или, напротив, воспоминутых и актуализированных) «до- и негосударственных» регулятивных механизмов и управленческих компетенций, отличаюсь в этом отношении от органов муниципального управления, работающих в соответствии с действующим законодательством об общих принципах организации и особенных формах воплощения идеи местного самоуправления в российских условиях¹.

Потестарное, как и вообще архаическое (и это давно и неоднократно показано специалистами), не есть пасторальное и бесконфликтное: порядок, утверждаемый не на основе силы права, а на основе права сильного, не может не быть хотя бы отчасти (а реально — по большей части) искажен произволом. Поэтому такой порядок не может не порождать внутреннего сопротивления

¹ Указанное различие кажется мне существенным, хотя конституционные уложения и российское законодательство фактически отождествляет местную власть, местное самоуправление и управление муниципальное. В целях своего научного исследовательского проекта я предпочитаю начинать с терминологического и понятийного различения местного и муниципального, а также концептуальной спецификации власти и управления.

и сомнений относительно основательности и обоснованности претензий современно-го, но традиционалистски ориентированного субъекта управления, который берет на себя ответственность за властные (авторитарные, по сути) решения и поступки, однажды созидающие событийные правила и модели поведения, которые могут начать с того или иного момента истории служить образцом (правилом) для остальных. А поскольку голод, болезни и опасности среды бытования есть то, что всегда составляло и составляет сегодня предмет заботы любого человеческого существа, глубинный страх от ощущения невозможности избыть эти жизненные ограничения приводит, помимо прочего, к возникновению антропных, то есть социальных, культурных, а также и политарных связей, отношений и способов общения ради обретения заимствованных у сильных умения и навыков, а также толки бесстрашия. Те же, кто способен так или иначе проявить силу воли и тем более реально снизить степень зависимостей людей от внешних и внутренних обстоятельств их несвободного бытия, воспринимаются большинством обычных человеческих существ как наделенные неоспоримыми властными качествами и возможностями (потенциалом), в чем бы последний реально не выразился — в умении принимать решения со знанием дела или способностью говорить слова, убедительные для других.

В сущностном отношении онтологии человеческого присутствия в мире вместе с другими всегда социетарны (ибо по своей природе порождают зависимости совместной деятельности по выживанию в неблагоустроенной среде), и вместе с тем социальны (поскольку генерируют возможности привыкания к ранее трудно осознаваемому в качестве данности совместному существованию и, значит, постоянной притирке, перманентному поиску совместимостей и прав на взаимопользование разделенными ролями, прежде всего гендерными, а потом и производственными). Можно сегодня считать теоретически доказанным тезис классического марксизма, что естественное разделение труда было предпосылкой производственного распределения ролей и операций в первобытном домашнем хозяйстве. Но вряд будет правильно безапелляционно утверждать, что историческое развитие способов производства материальных благ изначально включало в себя в качестве атрибута четкое разделение мужских и женских властных ролей, взаимопроникновение и дополнительность которых, по нашему

мнению, было первичным источником примитивных форм протогосударственности. Как ни соблазнительна в идейно-теоретическом плане такая объясняющая конструкция, она, на наш взгляд, носит пока гипотетический характер, и значит, не может на данный момент служить достаточным основанием для построения объясняющих природу местной (локализованной в политико-социальном плане) власти моделей и используемых ею управленческим образом ориентированных модусов поведения и действований.

Таким образом, разрабатываемая автором и примененная в ходе реализации практически ориентированного исследовательского проекта портретирования социокультурного содержания региональной организации социально-политической жизни рабочая модель¹ для нужд объяснения и понимания событийно-ориентированного, но притом фундированного историей российской государственности развития муниципального измерения социальной реальности современной России в его эволюционном аспекте представляет собой в сущностном выражении преобразованную для целей данного исследования модальную категориальную схему связей основных компонентов всякого, в том числе и управленческого взаимодействия², глубинным основанием которой является понятие **нераскрытого политического потенциала местной власти**. Внутренняя структура и возможности последней, как представляется, задается сложившимся состоянием дела и ожиданиями социально-политического характера со стороны носителей местного интереса(сов). При этом сама понятийная структура «политической потенциальности» применима, как представляется, для теоретического описания и объяснения того набора реальных, формальных и абстрактных возможностей активной части деятелей

¹ То есть модель, пригодная в том числе для политико-управленческого использования. О рабочих, работающих и нежизнеспособных моделях много и интересно рассказано в давней (классической, по сути) книжке Маркса Вартофского [5]. Современные российские подходы к моделированию регионов частично описаны в [1, 8 и 11].

² Честь открытия данного подхода, который представляет собой своеобразное развитие научно-материалистической диалектики, принадлежит Д. Б. Зильберману. Не вдаваясь в детали, можно отметить, что для модальной методологии Зильбермана характерен дискурс «...о способах понимания, которыми генерируется само человеческое существование/, мир человека как таковой» [10, с. 5]

местной общности (а в российских условиях, порою, по-прежнему, скорее общины), которые рассматриваются населением в аспекте ожидаемого проявления их лидерских качеств и способностей к организационно-управленческому поддержанию устойчивого повседневного воспроизводства коммунальной, коммуитарной и коммуникативной составляющих местной жизни. В действии, бездействии и противодействии местных авторитетов (которые не обязательно втянуты в орбиту влияния муниципальных органов власти и управления) инвективам государства в его региональном воплощении проявляются реальные способности отстаивать местный групповой интерес, реализовывать относительную самодостаточность и самостоятельность местного сообщества в формировании своей будущности, стратегическое видение которой формируется и адаптируется с учетом состояния дел и наличных обстоятельств местного значения, но нередко также с поправкой на властно-политические позиции каждого из уровней российской системы государственной власти.

В самой краткой формулировке предлагаемая модель выглядит так.

1. Российский управленческий стиль в связи с особенностями исторического развития страны носит регионально ориентированный характер, он фундирован центростремительными федерационными тенденциями стягивания пространства страны в управляемое состояние посредством формирования организационных структур разного уровня для генерации региональных политик (территориально распределенной власти), региональных экономик (территориально распределенного богатства) и, наконец, региональной гражданственности (территориально распределенных коммуникаций).

2. Эти определенным образом соподчиненные сферы и соответствующие организационные структуры выступают как концентраторы управляющей власти и властного управления, а их соподчиненность и соразмерность (при реальной зависимости и «проникающей» включенности в проблемы друг друга) задают достаточно сложную систему их взаимодействий в отношении реально располагаемых ресурсов региона, - ресурсов, которые могут быть условно подразделены на природные, культурные и организационные [4; 9].

3. Освоенность региональных ресурсов и/или раскрытость их для освоения со стороны региональных сообществ (которые фактически складываются из связей входящих

в состав региона сообществ муниципальных) почти всегда находятся в зависимости от федерального центра, формирующего общую для страны стратегию и повестку дня, но притом способного понимать необходимость управлять такой страной, как Россия, посредством разумного (соответствующего моменту) распределения властных, экономических и гражданских полномочий — конечно, с учетом тех правил и ограничений (порядка управления), который складывается социально-исторически заданным, но в то же время индивидуализированным для каждого региона (части страны) образом.

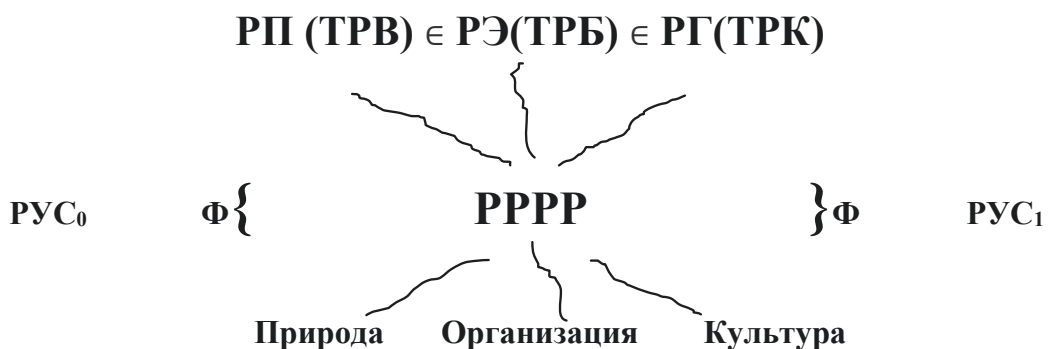
На рисунке сделана попытка наглядно воспроизвести логические связи между указанными компонентами российского управленческого стиля (РУС) на данный момент в рамках нового этапа российской государственности и реформирования федеративной (Ф) системы государственного (муниципального) управления. Система реально располагаемых ресурсов региона страны (РРРР), сочетающая в себе природно-экологические, культурно-исторические и организационно-правовые (управленческие) запасы и резервы, является объектом внимания и предметом освоения тесно связанных друг с другом региональной политики (РП), или территориально распределенного властвования (ТРВ), региональной экономики (РЭ), или территориально распределенного богатства (ТРБ) и способов его преумножения / проедания / промотания, так же, как и региональной гражданственности (РГ), или территориально распределенных коммуникаций (ТРК). Логический символ \in , означающий «принадлежность к множеству», используется здесь для демонстрации связности и взаимовлияния трех сфер регионального развития.

Поддержание указанных системных (и одновременно упорядочивающих) связей

для всей территории государства как целого и, вместе с тем, для каждой из входящих в его состав частей — основная задача стратегической составляющей государственной политики региональной *организации* единства нашей страны, заданной ее федеративным устройством на основе действующей Конституции. Этот приоритет остается неизменным, тогда как основы государственной политики регионального *развития* меняются не только в связи с особенностями конкретного региона, но и в зависимости от этапа, переживаемого страной на данный момент, а также от мировой рыночной конъюнктуры, стечения глобальных политико-социальных обстоятельств и способов выстраивания отношений между основными миросистемами. На наших глазах складывается обновленная государственная политика, вытекающая из стратегических оценок и установок руководства страны, но в целом подкрепленная как идеологически, так и законодательно¹.

Представляется очевидным, что сущностью предлагаемой в рамках предложенного подхода и требующей понимания рабочей модели выступает возможность теоретического описания причин и факторов для объяснения системного противоречия местной жизни на разных территориях страны как способа повседневного, за пределами исполнения производственных функций и ролей, соприсутствия граждан страны и властных структур на территории

¹ Стоит упомянуть известный № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» и Указ Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 «Об основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», дополненные в 2018 году Стратегией пространственного развития России. Искомая с 2008 года «национализация будущего» страны, на мой взгляд, теперь получила вполне определенные ориентиры.

Логические связи между указанными компонентами российского управленческого стиля

своего основного места проживания и пребывания («место обетования» и «дом» как сравнительно безопасная, но пространственным и временным образом ограниченная среда обитания). Не так-то просто оказывается создать с использованием исключительно «низовых» властно-управленческих механизмов благоприятные условия обустройства нормального бытия людей, в которых основные показатели и факторы должны быть выведены на уровень мировых социальных стандартов качества жизни для каждой, сколь угодно мелкой составной части нашей «страны регионов». Локальные обстоятельства для организации повседневности — предмет заботы местных властей, местных авторитетов/лидеров и органов муниципальной власти. Последние, заметим, далеко не всегда состоят из тех, кто способен грамотно и ответственно отражать, выражать и защищать потребности отдельных граждан, интересы их местных сообществ и первичных коллективов. Предназначение местного самоуправления — быть руководящей (управляющей) силой «человеко-мест обитания» для достойного качества жизни населения, а значит, реализовывать свой политический, экономико-социальный и гражданский потенциал в «вечном споре» с властью государственной, претендующей на то, чтобы патронировать деятельность «братьев по управленческому разуму», не давая им впадать в опасные самомнение, самодеятельность и самоуправство. Местная власть, сумевшая организовать себя муниципальным образом, деятельно сосуществует с властью региональной и федеральной, однако изначально подчинена им, подзаконна и ограничена и в претензиях, и в возможностях (средствах). Являясь организационно самостоятельным уровнем власти и политическим субъектом в процессе становления, местная власть может быть связана с властью федеральной и региональной в шести основных модусах. Их понимание дает своего рода аналитическую матрицу для прояснения особенностей региональных политических режимов и структур, которые по-прежнему играют в нашей стране основную государствообразующую роль, приобретая, отстаивая и защищая свои субъектные права. Однако и доминирование федерального центра как совокупного интегратора властных прерогатив для высшего уровня полномочий и ответственности (по крайней мере, в России) является важным условием задачи сохранения единства страны, разнообразия её частей и их соразмерного развития.

Шесть основных модусов взаимоотношений федеральной власти (ФВ), региональных властных сил (РВ) и власти местной (МВ) на основе применяемой нами модальной методологии выглядят следующим образом:

1. МВ (РВ) 2. МВ (ФВ) 3. РВ (МВ) 4. ФВ (МВ) 5. РВ (ФВ) 6. ФВ (РВ)
 ФВ РВ ФВ РВ МВ МВ

В первом из представленных варианте местная власть имеет в качестве основного контрагента властные структуры регионального уровня, тогда как федеральная власть принимается во внимание мало или не принимается вообще. Во второй позиции местные власти находят возможность напрямую строить общение с федеральными властями, а региональные власти их интересуют в гораздо меньшей степени. В позициях 3 и 4 региональные и федеральные власти выступают постановщиком целей и задач для властей местно-муниципальных, и управляют их деятельностью на основе собственных правил. Пятая и шестая позиции наименее выгодны местной власти, поскольку её интересы не входят в круг проблем, решаемых между собой федералами и регионалами, однако в этих условиях существования местной власти ей приходится пребывать большую часть новейшей российской истории. В то же время уровень внимания к местным делам и проблемам из этих позиций снижен, а потому они, представленные сами себе, могут заниматься осознанием своих проблем и интересов, развивать свою самостоятельность, действительно самоуправляться и самовластвовать. При таком раскладе местным властям и муниципальным органам, если они осознают свою долю ответственности за происходящее на территории муниципальных образований, приходится поневоле наращивать социальный капитал местных сообществ и иметь возможность приобрести политический авторитет в глазах «своего» (местного) населения.

Разумеется, в предложенной аналитической матрице есть элемент схематизма, однако ее плюсом, на мой взгляд, является то, что она позволяет учесть не только взаимодействие субъекта и объекта управления (то, что расположено в «числителе» этой «дробь»), но и обозначить обстоятельства, в которых оказывается еще один потенциальный участник управленческого взаимодействия. Однако необходимо отметить, что все шесть перечисленных способов взаимодействия являются взаимно дополняющими аспектами региональной политики, которая,

собственно, и складывается как поле взаимодействий трех основных носителей относительно самостоятельных компетенция, влияния и ответственности. Понятно, что актуальные результаты этих взаимодействий индивидуально присущи каждому из субъектов, образующих Российскую Федерацию, которые, меняясь в своем темпе, выстраивают собственную региональную политику и тем самым задают не только конфигурацию региональных политических действий федеральных властей в отношении страны в целом и каждого из входящих в нее субъектов, но и допустимый уровень региональных политических амбиций (и их ограничений) для местных властей и органов муниципального управления территориальными общностями в подвластных локациях муниципально-событийного континуума.

Как может работать описываемая модель в практике аналитического исследования актуальных проблем российского федерализма и определения векторов развития для нужд регионального управления? Для того, чтобы продемонстрировать преимущества и ограничения предложенного подхода, для начала можно представить и рассмотреть особенности стилистики управления процессами политико-экономического, социального и коммуникационного развития на территории «усредненного» или «типичного» субъекта Российской Федерации, изучаемого в типичных для него обстоятельствах общественного бытия и общественного сознания. Для его политической системы характерно, как правило, во-первых, более-менее гармоничное (хотя и парадоксальное, с точки зрения теории) совмещение авторитарно-демократического режима политических связей основных акторов в процессе принятия и реализации государственных решений; во-вторых, мало и редко кем оспариваемого единовластия высшего должностного лица, и, в-третьих, пониженной активности законодательного (представительного) органа в деятельности по реализации и защите собственных интересов перед лицом «игр доброй воли» в отношении располагаемых региональных ресурсов. Такова, на мой взгляд, Ленинградская область, социокультурное портретирование которой по разработанным специалистами Института философии РАН методикам осуществлено в 2017—2019 гг. в рамках указанного в начале статьи проекта, поддержанного грантом РФФИ. Для этого региона России характерна работа с местной властью, местными лидерами как носителями властного авторитета и муниципальными органами главным образом из приоритетных позиций 3) и 1) (см. выше), и соответствующий набор практик во многом определяет собой политическое лицо рабочего режима действующей губернаторской команды. Характерно, что в Санкт-Петербурге разворачиваются иные процессы: здесь местная власть пытается обратить на себя внимание власти региональной (позиция 1)), тогда как для последней более выгодно поддерживать устойчивые связи с властными структурами федерального центра (позиции 5) и 6))¹.

Следующим шагом, как мне кажется, было бы вполне логично рассмотреть данный субъект РФ с точки зрения аналитического портретирования его политико-социальных черт, свойств и характеристик². Понятно, что в данном случае объяснительный потенциал предложенного подхода только усилится, если пойти по логике сравнительной политологии регионов России, способной, как это доказывают труды Р. Ф. Туровского [11], различать неразличимое для обыденного политического сознания и отличать друг от друга детали тонкой нюансировки самореализации действующих в России региональных политических режимов. Здесь, как представляется, был бы кстати незаслуженно игнорируемый частью современного научного сообщества социологов тот методологический и социально-философский задел, которые достался нам в наследство от советской обществоведческой школы. На мой взгляд, приходит время актуализации идей социально-практической диалектики, без которой постнеклассическая фаза научного изучения социума вряд ли сумеет предложить методы управления человеческим миром, способные сохранить достигнутое и вывести его на новые рубежи развития.

Способы применения предложенной выше теоретической модели к реальным связям и структурам, складывающимся на территории и в пределах властной конфигурации сил конкретного региона (субъекта)

Способы применения предложенной выше теоретической модели к реальным связям и структурам, складывающимся на территории и в пределах властной конфигурации сил конкретного региона (субъекта)

¹ Понятно, что отсюда открывается перспектива сравнительного политологического исследования особенностей существования и эволюции местной власти в городе-мегаполисе федерального значения, начатое инициативными трудами питерских авторов (см. [6 и 7]).

² Необходимо отметить существенный объем предварительной работы, проведенной по другому поводу, но фактически в данном направлении авторами двухтомного труда «Социально-экономические аспекты инновационного развития Ленинградской области», вышедшего в 2017 году [2; 3]

федеративной России с целью объяснения и возможного предсказания траектории его регионального развития — отдельная политико-социологическая задача. Для ее решения может потребоваться создание специального инструментария, причем он вряд ли ограничится исключительно количественным и качественным анализом и потребует использования элементов «понимающей политической социологии», для которой, насколько мне известно, изобретено не так уж много методов и методик. Ясно, однако, уже сейчас, что эти инструменты должны «улавливать» особенности существования и функционирования муниципальных пластов реальности внутри регионального континуума, его элементной базы и структурных взаимодействий. Функционирование органов государственной власти образующих своего рода «осевой стержень» любых региональных политических, экономический и социальных конструкций, невозможно недооценивать, однако нет никакого резона избыточно переоценить: всякая государственная воля оканчивается на рубеже неявного или открытого сопротивления инициативам сверху, которые обычно рассчитываются на основе усредненных моделей, но вряд ли позволяют учесть индивидуальные флуктуации поведения акторов и особенности их типичных и атипичных субъектных позиций.

Конечно, было бы неразумно избегать попыток построить универсальные объясняющие формулы, логико-познавательные схемы и матрицы, которые, пусть даже и исключительно в целях фундирования аналитики в интересах власти, но ухватывают некие повторяемости, закономерности и законосообразности. Но стоит иметь в виду, что по общему правилу сама эта аналитика упирается, в конечном счете, в образы будущего, вырабатывать которые вне научного дискурса и учета экспертных позиций ни одной ветви власти и ни на одном из уровней властной вертикали просто неприлично.

1. Баранец С. Н. Методологические основания и проблемы исследования политического потенциала местной власти в России: предпосылки и обстоятельства для формулирования базовой теоретической модели: в 2 ч. // Управленческое консультирование. 2018. № 6 (114), № 7 (115). Ч. 1: С. 41—52; ч. 2: С. 32—42.

2. Боркова Е. А. Социально-экономические аспекты инновационного развития Ленинградской области : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. 257 с.

3. Боркова Е. А. Социально-экономические аспекты инновационного развития Ленинградской области : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. 183 с.

4. Вагин В. Д. Экономический потенциал территории Российской Федерации : учеб. пособие. СПб. : Интермедиа, 2014. 264 с.

5. Вартофски М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М. : Прогресс, 1988. 507 с.

6. Васецкий А. А., Шубина Н. В. Проблемы развития местного самоуправления в Санкт-Петербурге. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008. 314 с.

7. Вульфович Р. М., Лобко В. Н. Муниципалитет-трансформер: принципы и механизмы функционирования : монография. СПб. : Изд-во СЗИ РАНХиГС, 2012. 300 с.

8. Герасимов А. В. Развитие инновационного потенциала экономики регионов Российской Федерации (методология, механизмы и инструменты) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012. 45 с.

9. Голосов А. В. Моделирование региональной системы: актуализация подходов // Вестник финансового университета. 2012. № 2. С. 114—120.

10. Гурко Е. Модальная методология Давида Зильбермана. Минск : Экономпресс, 2007. 456 с.

11. Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. 2-е изд. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. 400 с.

References

1. Baranets S.N. (2018) *Upravlencheskoje konsultirovanie*, no. 6 (114), pp. 41—52 [in Rus].

2. Borkova E.A. (2017) *Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty innovatsionnogo razvitiya Leningradskoy oblasti: v 2 ch. Ch. 1*. St. Petersburg, Publishing house of SPbGEU, 257 p. [in Rus].

3. Borkova E.A. (2017) *Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty innovatsionnogo razvitiya Leningradskoy oblasti: v 2 ch. Ch. 2*. St. Petersburg, Publishing house of SPbGEU, 183 p. [in Rus].

4. Vagin V.D. (2014) *Ekonomicheskij potentsial territorii Rossiyskoy Federatsii*. St. Petersburg, Intermedia, 264 p. [in Rus].

5. Wartofsky, M. (1988) *Modeli. Rerezentatsiya i nauchnoye ponimaniye*. Moscow, Progress, 507 p. [in Rus].

6. Vasetsky A.V., Shubina N.V. (2008) *Problemy razvitiya mestnogo samoupravleniya v Sankt-Peterburge*. St. Petersburg, SZAGS Publ., 314 p. [in Rus].

7. Vulfovich R.M., Lobko V.N. (2012) *Munitsipalitet-transformer: printsipy i mekhanizmy funkcionirovaniya*. St. Petersburg, Publishing House of the SZI RANEPa, 300 p. [in Rus].

8. Gerasimov A.V. (2012) *Razvitiye innovatsionnogo potentsiala ekonomiki regionov Rossiyskoy Federatsii (metodologiya, mekhanizmy i instrumenty)*. Moscow, 45 p. [in Rus].

9. Gurko H. (2007) *Modal'naya metodologiya Davida Zil'bermana*. Minsk, Econompres, 456 p. [in Rus].

10. Golosov A.V. (2012) *Vestnik finansovogo universiteta*, no 2, pp. 114—120. [in Rus].

11. Turovskij R.F. (2007) *Tsentri i regiony: problmy politicheskikh otnoshenij*. Moscow, Izdatel'stvo GU VShE, 400 p. [in Rus].

For citing: Baranets S. N. Local government in Russia: new ways of constructing explanatory models for the needs of public administration // *Socium i vlast'*. 2021. № 3 (89). P. 67—77. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-3-67-77.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-67-77

UDK 323.329

LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIA: NEW WAYS OF CONSTRUCTING EXPLANATORY MODELS FOR THE NEEDS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Sergei N. Baranets,

North-West institute of Management,
Branch of RANEPА,
Associate Professor of the Department Chair
of State and Municipal Management
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 199178,
St. Petersburg, V.O., Sredny prospect V.O., 57/43
E-mail: brnts@mail.ru

Abstract

The article proceeds from the concept of understanding local government in Russia as a projection of the potestary (pre-state) organization of public life, which transforms under the dominance of methods of state organization of public life, but retains its influence as the essential core of political and social interaction between people. The existing complex «state-municipal» mechanism for exercising power at the local level largely determines the forms and nature of political actors' interaction at the regional level. State authorities, which are focused on the totality of their own administrative influences, have not yet succeeded in fully integrating local self-government into the general public space of responsibility for powers, since local power is unbuilt initially on the principles of autogenesis, autochthony and autonomy. The current situation contributes to the archaicism of a part of social

relations. For some time now, to work in the multi-dimensional reality of society, the authorities have begun to need analytical models to understand what is happening. As an explanatory theoretical basis for the modes of existence of local authorities developed and described by the author in the current stage of development of Russian statehood, a modal methodology is used, supplemented by the results of constructing model-oriented political ontologies, which reflect the aggregates of the layers and actors of the municipal sphere of sociopolitical reality at the regional level that are actually and actively present in the Russian society. The author is interested in searching the patterns that operate in the environment created and cultivated by the organizational and activity efforts of state structures against the background of sociocultural and other characteristics inherent in the regions. Possible working models for the needs of public administration arising from the modes offered by the author are still under development, since the reform of constitutional rules proposed by the country's leadership raises the question of new forms of organizing the continuum of coexistence and interaction of local and state authorities in Russia. The article outlines the main research lines that indicate a number of features and reference points of the author's approach in understanding the relationship between local government and municipal government, which may serve as an occasion for a new circle of discussions of specialists interested in the prospects for the development of political potential in the Russian municipal environment.

Key words:

local power,
management,
local self-government,
statehood,
modernity,
explanation,
working models.

Для цитирования: Ginzburg Lydia.
Looking at three years of ICPP // Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 78—82.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-78-82.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-78-82

UDC 101.9

LOOKING AT THREE YEARS OF ICPP

Ginzburg Lydia,

Hebrew University of Jerusalem,
Ph.D candidate in Anthropology,
Mt. Scopus 9190501 Jerusalem, Israel
E-mail: lydia.ginzburg@gmail.com

Abstract

The article is an analytical and critical review of the main ideas of philosophical practice. The review was prepared on the basis of the author's personal participation in the work of international conferences on philosophical practice over the past three years. The comparison of the three last conferences reveals how tensions around definitions and goals of the practice have been reduced in ways that reflect an openness and appreciation of multiplicity. The anguish surrounding the boundaries of the field have decreased as well, and it seems that philosophical practice is ready to reflect on itself through the research, publication, networking and mapping.

Key words:

philosophical practice,
philosophical counselling,
international conferences on philosophical practice,
philosophical associations.

The coronavirus and its emerging mutations have brought dramatic changes to how we live and work. Our freedom of movement and social contact has become more restricted, and in ways that demand careful calculation. The pandemic has also affected International Conference of Philosophical Practice. While the tradition of conferences has indeed been reconfigured over the past two years (due to the coronavirus and the consequences it has brought) — the pandemic is certainly not the only cause of change. The conferences evolve over the years, and in this short paper I would like to propose several directions of that evolution. I will suggest that the conferences reflect major trends of philosophical practice around the world.

I study philosophical practice as an anthropologist, which means trying to understand how philosophical practitioners articulate their knowledge and praxis during ICCP gatherings. In this regard, my research is not very different from the more “traditional” form of anthropological research that has observed social gatherings and rituals of groups like the Iatmul of Papua New Guinea or Achuar in Amazonas. In many ways, international conferences are a kind of ritualistic gathering of philosophical practitioners from different parts of the world. Despite their cultural and social differences, participants share a common passion for philosophy and strive to practice it in a way available for wider population.

My interest in conducting fieldwork at ICCP conferences began in 2018, at the UNAM campus (National Autonomous University of Mexico) in Mexico City. The 15th ICCP was organized by David Sumiacher and his colleagues. The conference panel discussions, lectures and numerous workshops and daily courses were complemented by many opportunities for participants to communicate informally during breaks, evening events, and a tour to the Teotihuacán pyramids that took place at the end of the conference. The warm atmosphere and collegiality of these conversations and events reflected at some workshops and lectures as well. But it contrasted with the rivalry and antagonism that arose during heated panel discussions and some lectures. At times, it seemed that no agreement could be reached on fundamental issues, such as defining what philosophical practice is and what its aims are, who is the founding figure or source of inspiration, and what the criteria for practice are¹. While participants were able to contain

¹ A more detailed discussion on the topic of disagreement during 15th ICCP in Mexico-city can be found at <https://philopractice.org/web/blog/an-anthropologist-at-the-icpp-in-mexico>.

multiple differences between their approaches to philosophical practice, at other times some were accused of “not being philosophical (enough)”, on applying psychological or religious approach or received questions such as “how is this philosophy”?

Perhaps this level of *agon* were due to the fact that for the first time in many years almost all of the “founding figures” of the movement were present, including Gerd Achenbach, Leon de-Haas, Ran Lahav and Lou Marinoff as well as many veterans and prominent figures of the movement such as Lydia Amir, Maria Tillmanns, Vaughana Feary, Ora Gruengard, Anders Lindseth, Peter Raabe and Oscar Brenifier (among others). Every one of these practitioners has developed her/his own particular approach and stressed its uniqueness, while, at times, criticizing the understandings and performances of philosophical practice that others have put forward.

The volume of disagreement was particularly salient compared to the subsequent 16-th ICPP held online in two parts in 2020 and 2021 and hosted by Sergei Borisov and his Russian colleagues.¹

With coronavirus entering our lives, sending many social activities to operate online the atmosphere of the conference had changed drastically. At the 2020 conference the ambience was not just collegial — many participants expressed a thirst for social contact during their presentations. The conference held in 2020 was unusually large. It started with 396 registered participants from 44 countries, and finished with 500 participants from 52 countries spanning 5 continents. It was the largest conference by far, especially if we consider how the first ICPP held in 1994 included 92 participants, the 15-th in Mexico City included about 150 participants (most of whom from South and North America), and the 2021 online ICPP, which included 275 participants from 45 countries.

Not only did the atmosphere change during the 2020 conference, but it diminished rivalries. The conferences became larger and much more multi-national, and there were some substantial additional changes as well.

Firstly, it seems that in two parts of 16-th ICPP the question often asked during 15-th ICPP “how is this philosophy” was abandoned. During first panel discussion held in 2020, Leon de Haas has summed up his view by

saying: “Philosophy is multiplicity, as a global community we are very loose, and I am ok with this.” Later, in his presentation he suggested in a similar vein that “everyone should create his or her own Socrates”. In 2021, many other practitioners including Lydia Amir repeatedly argued that philosophy presupposes a plurality of views — this way ruling out attempts of delegitimizing attitude. But along with inclusiveness of approaches questions were raised, especially during 2020 conference, considering criteria of inclusion of practitioners into international movement. The suggested criterion of inclusion was personal dedication or compatibility as presented by Gerd Achenbach in his 2018 presentation, and by Lydia Amir and Alexandar Fatic during 2020 panel discussion, and not a formal qualification such as education.

The open and plural attitude was not the only novelty in the 16th ICPP, I noticed that the exclusion of psychology had diminished. At panel discussion in 2020 participants raised suggestions to rethink relations between the two disciplines. Alexandar Fatic noted that psychology has its roots in philosophy and proposed to deal with transference and countertransference in a counselling relationship that is common to psychotherapy and philosophical counselling. Pia Houni asked “What is therapeutic in philosophical practice?” and Jörn Kroll sought to combine psychological and philosophical ideas and methods in his presentation, “The diamond approach: a psychodynamic epistemology of knowing.” Offering another example of how the two disciplines not only intersect but can influence each other, Young Ki Kim’s comparison of “Hip-hop philosophy” (drawing on Nietzsche’s philosophy) was based on psychological “Rap therapy” by Don Elligan.

It seemed that psychology ceased being a taboo among philosophical practitioners, who started to ask questions about the differences and similarities between philosophical practice and psychotherapy. While some accepted the possibilities for interdisciplinary exchanges between philosophy and psychology, others problematized them. For example, Maria Tillmanns argued, “I am not against psychology, I am against psychologizing philosophy”. Similarly, Leon de Haas argued for a difference between the roles of “counsellor” and “philosopher” in philosophical counselling.

During the opening lecture of the 2021 ICPP, Gerd Achenbach drew a line between philosophical practice on one hand and psychotherapy and academic philosophy on the other. Achenbach compared these two

¹ You can get acquainted with the program of conferences, abstracts of speeches, as well as watch video recordings of lectures, seminars and panel discussions on the conference website: <https://www.icpp2020.ru/en/program-and-events>.

approaches to different floors of a house, using the following epigraph: "Psychoanalysts seclude themselves to the basement, transcendental philosophers lose themselves in the clouds, while a philosophy practitioner receives her guests in the mezzanine." Following the lecture, Neri Pollastri's presentation delineated the differences between his and Achenbach's approach by calling to "recognize the plurality of practices" and to cultivate and promote collaboration between practitioners applying different approaches.

Although this call to overcome differences had been raised previously, for example, by Jose Barrientos-Rastrojo's (2018 ICPP), during the both online parts of 16-th ICPP it was much more implemented in practice rather than sound in as a wish to be fulfilled during 15th ICPP.

The need for a sharp distinction between philosophical practice and academic philosophy put forward by Achenbach was challenged by Leon de Haas and Lydia Amir in their lectures in 2020, who made the case for connecting philosophical practice with academic philosophy by linking the ideas and distinguishing the methods of both. The distinction has also dissolved de-facto during presentations of some Russian practitioners (for example Vladimir Klementyev in 2020 and Gulnara Shalagina in 2021).

By comparing the online format of the 16th ICPP with the 15th "in-person" conference, it seems that the international movement of philosophical practitioners has begun to overcome its "formation state anxiety" and feels less threatened by close fields (namely psychology and academic philosophy). This flexible and perhaps more "mature" approach paved way to questioning the interrelation between philosophical practice and these fields (especially psychology) instead of attempts to isolate the practice from their impact.

Moreover, in both 2020 and 2021 parts of the conference Jose Barrientos-Rastrojo called for cooperation between philosophical practitioners and academic institutions. In 2020, he said: "Now we have more university professors who are philosophical practitioners, we have more power, and it's our time to use it, to make research, to reform our lectures and classrooms." And in 2021 he argued: "We have to do research inside the academy, to be professors and associate professors. Today we don't have professors who can authorize a PhD on philosophical practice. Please be professors and do research in philosophical practice".

Since 2017, Jose Barrientos-Rastrojo and his associates have engaged in a project

called BOECIO (BOETHIUS), which examines philosophical practice and research in prisons across Mexico, Argentina, Brazil, Colombia, Italy and Spain. The emphasis on research appeared in 2021 conference, where Michael Noah Weiss had organized a panel on philosophical practice and research, inviting Barrientos-Rastrojo, Anders Lindseth, Donata Romizi and Guro Hansen-Helskog (all of whom engage in research in different fields, such as education, counselling and methodology of ancient philosophy).

The research of the practice by practitioners themselves is not widespread, and this panel suggested that a conference can provide a basis for reflection on the practice as well as sharing the findings and experience of research. Yet, the research can have its' own impediments, as Donata Romizi had noticed at the panel discussion. There is a tension between philosophical practice and research methods, especially as scientific research demands clear criteria for the success of practice. To quote Romizi directly, "...if our aim is to have an open dialogue, how shall we study that"? The same problem can be posed by qualitative methods of research (like those applied in the BOECIO project) that can affect the practice itself. She suggested the main distinction to be the "disinterested interest" of research in philosophical practice that would not depend on utilitarian goals, although this disinterest may add difficulties for fund raising for the research.

The evolving nature of philosophical practice conferences did not start in 2018, and can be traced as far back as the first conference in 1994. Yet some important changes regarding the networks between the practitioners have happened over the last twenty years. In 2009, Jose Barrientos-Rastrojo initiated *Haser*, an academic journal in English and Spanish, in order to create a space for practitioners and aspiring students in philosophical practice to publish their work. The academic standing of the journal has raised in recent years, offering an additional incentive to practitioners to use the journal as a platform for their networking. The journal was presented on every conference since¹. Similarly, as the 2020 ICPP drew to a close, Lydia Amir announced that Lexington Press approached her with a proposal to publish series of books on philosophical practice. She stressed it's important to present all

¹ Since 2016 Russian academic journal "Society and Power" publishes articles on theoretical and methodological aspects in philosophical practice written by the most prominent members of the movement (in English and Russian). The journal includes overviews of ICPP-s since 2016 as well.

the existing thoughts and approaches as a chance to leave some legacy of the pioneers for younger generation of philosophical practitioners.

The Internet has afforded practitioners with unlimited opportunities for networking and exchange. Although many local organizations have their own Internet sites, the need for an international site became apparent. In 2014, Ran Lahav and Carmen Zavala created The *Philosophical Practice Agora* site as a way to provide “a space for pluralistic dialogue among philosophical practitioners from around the world, as well as the general public”.¹

The site remains active to create dialogue between practitioners and ignite initial curiosity and interest in philosophical practice on behalf of general public. The scope of the site, however, was insufficient for a group of younger philosophical practitioners who participated in a vibrant workshop in the 2020 ICPP, called “Creating an international network for sharing of experience and cooperation on philosophical practice” organized by André de Almeida. The workshop focused on networking among practitioners from a business perspective, like Jorge Jose Dias proposed, “We have to learn how to make money from philosophy.” The organizer suggested to discuss: “How to establish and run a successful practice”, practice promotion and “positioning strategy that will add real value for the clients.” He advised workshop participants to take a pragmatic approach by looking for “state of the art techniques” in different fields (like group counselling or philosophy with/for children) or to develop new approaches.

The ideas put forward in the workshop gave birth to the *Philosophical Practice Hub Project*, which was launched at the 2021 ICPP. The hub (a website) aims to provide information for practitioners as well as clients on different fields of philosophical practice including the bibliography. The site is under construction yet and it takes a very different route than *Philosophical Practice Agora* through its pragmatic approach, wider scope, its stress on connecting practitioners with clients and its division of philosophical practice into fields.

Two additional initiatives were announced at the 2021 conference, including a book *Filosofia en Movimiento* that will map diverse approaches and groups of philosophical practitioners functioning around the world along with the critiques that practitioners encounter. This project is led by Jose Barrientos-Rastrojo, who's joined by Paulina Ramirez and Tania Ortiz. One of the criticisms the project reveals

¹ You can get acquainted with the materials of the site here: <https://philpractice.org/web>.

was a tendency to distance philosophical practice from political and social issues, an issue I have also observed. During the 15th ICPP, political and social issues (such as living conditions of indigenous and rural communities as well as low-income urban neighborhoods, education level in these areas, prison inmates' conditions and education, awareness to social and political injustice) were widely raised by Walter Kohan, Eugenio Echeverría, Félix García Moriyón, Victoria Carasco, Vaughana Feary, Leon de Haas and Jose Barrientos-Rastrojo in a range of panels, lectures and workshops. It should be noted that political issues were consensual rather than controversial during the conference. Their number has dropped sharply during the 16th conference, where only Barrientos-Rastrojo, Ora Gruengard, Carmen Zavala and Pia Houni (in 2020) raised broader (like role of politics in philosophical practice) or more specific social and political issues (inmates condition and education and questions of ethics). Perhaps future conferences will make it clear whether this drop was due to a general impact of the pandemic or an emerging trend of de-politicizing philosophical practice.

The last initiative presented at the closing of 16th ICPP in 2021 was the site icpp.com, launched by Lou Marinoff and David Sumiacher, which preserves the history of international conferences since 1994 and collates programs, descriptions and pictures.

ICPP has definitely changed and evolved during the last 27 years. The comparison of the three last conferences, which I have offered, reveals how tensions around definitions and goals of the practice have been reduced in ways that reflect an openness and appreciation of multiplicity. The anguish surrounding the boundaries of the field have decreased as well, and it seems that philosophical practice is ready to reflect on itself through the research, publication, networking and mapping. 27 years is a young age, yet the members of international movement are actively trying to cherish and preserve its legacy — which I also trace in this review.

If the conference is a mirror of the movement of philosophical practice, will the forthcoming conference in Romania reflect how the distinctive features of philosophical practice from psychology have been erased as a more inclusive approach is pursued? Will it reflect practices' further incorporation into the world of Academy and at what cost? Will it reveal how philosophical practice is undergoing processes of professionalization, maybe becoming another self-help discipline?

Which of these trends will be fulfilled or perhaps all of them are just border marks, and philosophical practice will continue to carve its unique path with more confidence than before? Only time will tell.

Для цитирования: Гинзбург Лидия (Ginzburg Lydia). ICPP (Международные конференции по философской практике) в течение трех лет // Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 78—82. DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-78-82.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-78-82

УДК 101.9

**ICPP
(МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ФИЛОСОФСКОЙ
ПРАКТИКЕ)
В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ ЛЕТ¹**

Гинзбург Лидия (Ginzburg Lydia),
Еврейский университет Иерусалима,
кандидат Ph.D по антропологии,
Mt. Scopus 9190501 Jerusalem, Israel
E-mail: lydia.ginzburg@gmail.com

Аннотация

Статья представляет собой аналитический и критической обзор основных идей философской практики. Обзор подготовлен на основе личного участия автора в работе международных конференций по философской практике за последние три года. Сравнение трех последних конференций показывает уменьшение напряженности вокруг определения того, что есть философская практика, и каковы ее цели в пользу многообразия представлений. Сомнения по поводу границ применения философской практики также уменьшились, и кажется, что философская практика готова если не четко определиться, то размышлять о себе через исследования, публикации, создание сетевого взаимодействия и структурирования.

Ключевые понятия:

философская практика,
философское консультирование,
международные конференции по философской
практике,
философские объединения.

¹ Перевод с англ. выполнен С. В. Борисовым.

Для цитирования: Гинзбург Лидия (Ginzburg Lydia). ICPP (Международные конференции по философской практике) в течение трех лет // Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 83—88. DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-83-88.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-83-88

УДК 101.9

ICPP (МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ) В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ ЛЕТ¹

Гинзбург Лидия (Ginzburg Lydia),
Еврейский университет Иерусалима,
кандидат PhD по антропологии,
Mt. Scopus 9190501 Jerusalem, Israel
E-mail: lydia.ginzburg@gmail.com

Аннотация

Статья представляет собой аналитический и критической обзор основных идей философской практики. Обзор подготовлен на основе личного участия автора в работе международных конференций по философской практике за последние три года. Сравнение трех последних конференций показывает уменьшение напряженности вокруг определения того, что есть философская практика, и каковы ее цели в пользу многообразия представлений. Сомнения по поводу границ применения философской практики также уменьшились, и кажется, что философская практика готова если не четко определиться, то размышлять о себе через исследования, публикации, создание сетевого взаимодействия и структурирования.

Ключевые понятия:
философская практика,
философское консультирование,
международные конференции по философской
практике,
философские объединения.

Похоже, что вирус Covid-19 и его мутация кардинально изменили нашу среду обитания и образ жизни. Наша свобода передвижения и социального общения стала более ограниченной и требует тщательно обдумывания. Пандемия изменила также и облик Международной конференции по философской практике. Хотя вирус и его последствия значительно повлияли на популярность и содержание конференций, конечно, причина изменений не только в этом. Конференции эволюционировали с годами, и в этой короткой статье я хотела бы рассмотреть несколько направлений этой эволюции, полагая, что конференции отражают основные тенденции философской практики во всем мире.

Я изучаю философскую практику с антропологической точки зрения. Я пытаюсь понять, как философы-практики формируют свои собственные практики и знания, и демонстрируют это на конференциях. В этом смысле мой проект не сильно отличается от изучения сообществ и ритуалов таких групп, как ятмул Папуа-Новой Гвинеи или ачуар Амазонки, проектов осуществленных в рамках более традиционных антропологических исследований. Дело в том, что во многих аспектах международные конференции представляют собой своего рода ритуальные сообщества философов-практиков из разных частей земного шара, исследователей, которые, несмотря на свои культурные и социальные различия, разделяют общую страсть к философии и стремятся практиковать ее способами, доступным для широкой публики.

Мое исследование началось с конференции 2018 года, которая была прекрасно организована Дэвидом Сумиахером (Аргентина) и его мексиканской командой, в Мехико в кампусе UNAM (Национальный автономный университет Мексики). Панельные дискуссии на конференции, лекции и многочисленные семинары, а также ежедневные курсы были дополнены беседами в перерывах, вечерними мероприятиями и экскурсией к пирамидам Теотиуакана, организованной в конце конференции. Теплая и дружеская атмосфера неформальных мероприятий, коллективный интерес и поддержка спикеров на большинстве семинаров и лекций резко контрастировали с накалом панельных дискуссий и некоторых лекций, на которых иногда проявлялся дух соперничества и антагонизма. Временами казалось, что невозможно достичь

¹ Перевод с англ. выполнен С. В. Борисовым.

согласия по таким фундаментальным вопросам, как определение того, что такое философская практика и каковы ее цели, кто является ее основоположником и источником вдохновения и каковы критерии эффективности этой практики¹. Хотя в большинстве случаев казалось, что участники смогли принять различия между разнообразными подходами к философской практике, в других случаях некоторых обвиняли в том, что их подход «недостаточно философский», что они привержены психологическому или религиозному направлению или им адресовался вопрос: «почему то, что вы предлагаете, может называться философией?»

Возможно, *agon* этого уровня был связан с тем, что впервые за многие годы на конференциях присутствовали почти все «основатели» движения философской практики, включая Герда Ахенбаха (Германия), Леона де Хааса (Голландия), Рана Лахава (США) и Лу Мариноффа (США), а также многие ветераны и видные деятели движения, такие как Лидия Амир (Израиль), Мария Тиллманнс (США), Вогана Фири (США), Ора Грюнгард (Израиль), Андерс Линдсет (Норвегия), Питер Раабе (Канада) и Оскар Бренифье (Франция). Каждый из них разработал свой собственный подход, отличный от других, и подчеркивал эти различия, иногда критикуя понимание и осуществление философской практики другими.

Масштаб разногласий ICPP-15 был особенно заметен по сравнению со следующими двумя частями ICPP-16, которые проводились в онлайн-режиме в 2020 и 2021 годах российскими организаторами во главе с Сергеем Борисовым².

С проникновением вируса в нашу жизнь и проведением многих социальных мероприятий в сети атмосфера конференции

резко изменилась. Во время вспышки Covid-19 в 2020 году эта атмосфера была не просто проникнута дружеской коллегиальностью, но и жадной социальных контактов, которую многие участники выразили в начале своих выступлений. Первая часть конференции, проведенной в 2020 году, была необычайно масштабной по количеству участников: она началась с 396 зарегистрированных участников из 44 стран и закончилась 500 участниками из 52 стран, которые были географически разбросаны по 5 континентам. Это была самая крупная конференция ICPP. Для сравнения: первая ICPP в 1994 году насчитывала 92 участника, 15-я в Мехико примерно 150 участников (большинство из которых прибыли из Южной и Северной Америки) и вторая часть 16-й онлайн-ICPP насчитывала 275 участников из 45 стран.

Однако в 2020 году изменилась не только атмосфера конференций, где соперничество сократилось до нескольких одиночных эпизодов, конференции не только стали более многочисленными и многонациональными, но и произошло несколько существенных дополнительных изменений.

Во-первых, создается впечатление, что в двух частях 16-й ICPP потерял свою значимость вопрос, который так часто задавался на 15-й ICPP: «Почему то, что вы предлагаете, называется философией?». Во время первой панельной дискуссии на ICPP 2020 года Леон де Хаас резюмировал свою точку зрения, сказав: «Философия — это многообразие, как глобальное сообщество мы очень свободны, и меня это устраивает». Позже в своем выступлении он в том же духе предположил, что «каждый должен создавать своего собственного Сократа». В течение ICPP 2021 года другие практики, включая Лидию Амир, неоднократно заявляли, что философия предполагает многообразие взглядов, таким образом исключались попытки ставить под сомнение их легитимность. Но наряду с комплексностью подходов были подняты вопросы, особенно на конференции 2020 года, о критериях включения практиков в это международное движение. Герд Ахенбах в выступлении 2018 года и Лидия Амир (Израиль) и Александр Фатич (Сербия) во время панельной дискуссии 2020 года предлагали критерий личной преданности или соответствия (*compatibility*) философской практике, а не формальной квалификации, обусловленной образованием.

¹ Более подробное обсуждение тем разногласий 15-й ICPP в Мехико можно найти здесь: <https://philopractice.org/web/blog/an-anthropologist-at-the-icpp-in-mexico>, а также в статьях, посвященных этому мероприятию: Борисов С. В., Гинзбург Л., Пеннер Р. В. Философская практика «на распутье»: итоги 15-й Международной конференции по философской практике (25—29 июня 2018, Мехико, Мексика) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 124—134; Dydrov A., Penner R. (2019). XV ICPP: view from the outside and the inside // HASER. Revista Internacional de Filosofia Aplicada. No. 10. P. 13—38.

² Познакомиться с программой конференций, тезисами выступлений, а также посмотреть видео записи лекций, семинаров и панельных дискуссий можно на сайте конференций: <https://www.icpp2020.ru/meropriyatiya>.

Открытость и многообразие были не единственной новинкой 16-й ICPP; в обеих ее частях, начиная с панельной дискуссии 2020 года, прослеживалось уменьшение элиминации психологии. Переосмысление отношений между философией и психологией можно проследить в предложении Александра Фатича разобрататься с проблемой переноса и контрпереноса в консультационных отношениях, что как правило характерно для психотерапии, хотя следует помнить, что сама психология вышла из философии. Пиа Хоуни (Финляндия) предложила подумать над вопросом о терапевтической составляющей философской практики, а Йорн Кролл (США) представил «Алмазный подход: психодинамическую эпистемологию познания», что сочетает в себе психологические и философские идеи и методы. Сравнение Ян Ки Кима (Южная Корея) «философии хип-хопа» с философскими идеями Ницше базируется на психологических методиках «рэп-терапии» Дона Эллигана.

Создается впечатление, что психология перестает табуироваться, и философы-практики вместо того, чтобы использовать отсылки к ней как оскорбление, начали поднимать вопросы о различиях и сходствах философской практики и психотерапии. В то время как некоторые участники приветствовали их синтез, другие — видели в этом проблему, как, например, Мария Тилманнс (США), которая заявила: «Я не против психологии, я против психологизации философии». Леон де Хаас отстаивал тезис о том, что в философском консультировании роли консультанта и философа должны различаться.

Во время вступительной лекции на ICPP 2021 года Герд Ахенбах провел различие между философской практикой, с одной стороны, и психотерапией и академической философией, с другой, сравнив их с разными этажами здания, озаглавив свой доклад так: «Психоаналитики роются в подполье, трансцендентные философы витают в облаках, а философ-практик принимает гостя в бельэтаже». Однако выступление Нери Полластри (Италия) сразу после лекции Ахенбаха обозначило различия между его подходом и подходом Ахенбаха в призыве «признать множественность практик», а также развивать и продвигать сотрудничество между практиками, применяющими разные подходы.

Хотя этот призыв к преодолению разногласий уже звучал ранее в выступлении

Хосе Барриентоса-Растрохо (Испания) на ICPP 2018 года, во время обеих онлайн-частей 16-й ICPP он был в большей мере реализован на практике, чем просто оставался благим пожеланием, как это было на 15-й ICPP.

Резкое противопоставление философской практики академической философии, которое звучало в речи Ахенбаха, также де-факто рассеялось во время обеих частей 16-й ICPP, где Леон де Хаас и Лидия Амир в своих лекциях в 2020 году, по сути, связали философскую практику с академической философией, отметив сходство идей, но различие методов. Похожий подход был представлен и некоторыми российскими практиками (например, Владимиром Клементьевым (Санкт-Петербург) в 2020 году и Гульнаррой Шалагиной (Казань) в 2021 году).

Сравнивая онлайн-части 16-й ICPP с 15-й «фронтальной» (лицом к лицу) конференцией, можно сказать, что международное движение философов-практиков начинает преодолевать «тревогу стадии формирования» и чувствует меньшую угрозу со стороны смежных областей (а именно психологии и академической философии). Этот открытый, возможно, более «зрелый» подход позволил рассматривать взаимоотношения между философской практикой и этими областями (особенно психологией) в проблемном ключе вместо попыток изолировать практику от их воздействия.

Более того, как в 2020, так и в 2021 годах Хосе Барриентос-Растрохо призвал к сотрудничеству философов-практиков с академическими учреждениями. В 2020 году он заявил: «Теперь у нас стало больше университетских профессоров, практикующих философию, следовательно, у нас стало больше силы (влияния), пришло время использовать это, проводить соответствующие исследования, реформировать наши лекции и занятия в классах». В 2021 году он призвал: «Мы должны проводить исследования внутри академии на уровне профессоров и доцентов. Сегодня у нас нет профессоров, которые могут готовить специалистов на получение PhD по философской практике. Пожалуйста, будьте такими профессорами и проводите соответствующие философские исследования».

Сам Хосе Барриентос-Растрохо и его партнеры, начиная с 2017 года участвуют в проекте BOECIO (BOETHIUS), посвященном философской практике и исследованиям

в тюрьмах Мексики, Аргентины, Бразилии, Колумбии, Италии и Испании. Акцентированное внимание к научным исследованиям проявилось на конференции 2021 года, где Майкл Ноа Вайсс (Норвегия) организовал панельную дискуссию «Философская практика и научные исследования», пригласив в качестве участников, помимо Барриентоса-Растрохо, также Андерса Линдсета (Норвегия), Донату Ромици (Австрия) и Гуро Хансен-Хелског (Норвегия), которые проводят исследования в области философской практики (в образовании, в практике консультирования и применения методологии античной философии).

До сих пор исследования философской практики самими философами-практиками не получили широкого распространения, и участники панельной дискуссии полагают, что конференция может стать основой для размышления, а также базой для обмена данными и опытом исследований. Но, как заметила Доната Ромици, подобное исследование может представлять проблему, поскольку существует противоречие между философской практикой и научными методами исследования, которые требуют четких критериев «успешности» этой практики. «А если наша цель — вести открытый диалог, как это можно научно “измерить”? Та же проблема может быть связана с качественными методами исследования (например, применяемыми в проекте ВОЕСИО), которые могут видоизменить саму практику. Ромици предложила в качестве отличительного принципа исследования философской практики «бескорыстный интерес» (*disinterested interest*), который не зависит бы от утилитарной пользы, хотя такая незаинтересованность может создать трудности для получения финансирования исследовательских проектов.

Конечно, международные конференции начали свое развитие не с 2018 года, а сразу после первой конференции 1994 года. Но за последние двадцать лет произошло несколько очень важных событий, касающихся сетевого взаимодействия между практиками. В 2009 году Хосе Барриентос-Растрохо инициировал академический журнал *Hacer*, чтобы создать пространство обмена идеями для практиков и студентов, занимающихся философской практикой, возможность для публикации своих работ (на английском и испанском языках). За последние годы академический рейтинг журнала повысился, что создало дополнительный стимул для

практиков использовать журнал в качестве платформы для сетевого взаимодействия. С тех пор журнал представлялся на каждой конференции¹.

В аналогичном ключе на закрытии ICPP 2020 года Лидия Амир сообщила, что издательство *Lexington Press* (США) обратилось к ней с предложением опубликовать серию книг по философской практике. Она подчеркнула, что важно представить все многообразие идей и подходов, чтобы отразить и сохранить наследие пионеров в этой области для молодого поколения философов-практиков.

Еще одним направлением работы в рамках сетевого взаимодействия является создание интернет-сайтов. Хотя многие местные организации имеют свои интернет-сайты, потребность в едином международном сайте ощущалась всегда, поэтому в 2014 году Ран Лахав (США) и Кармен Завала (Перу) создали веб-сайт *The Philosophical Practice Agora*, чтобы предоставить «пространство для плюралистического диалога между философами-практиками со всего мира, а также для широкой публики»².

Сайт активен до сих пор и служит в основном для диалога между практиками, а также для пробуждения первоначального интереса людей к философской практике. Однако этого сайта оказалось недостаточно для группы молодых философов-практиков, которые приняли участие в ICPP 2020 года и организовали оживленную дискуссию на семинаре «Создание международной сети для обмена опытом и сотрудничества в области философской практики» по инициативе Андре де Алмейда (Бразилия). Во время этого семинара сетевое взаимодействие между практиками обсуждалось в основном с точки зрения бизнеса. «Мы должны научиться заниматься философией по правилам бизнеса», — предложил Хорхе Хосе Диас (Португалия). Организаторы семинара предложили обсудить вопрос о том, «как создать и запу-

¹ Следует отметить также, что, начиная с 2016 года активно подключился к освещению событий в области философской практики российский научный журнал «Социум и власть», в котором были представлены теоретические и методические статьи практически всех видных представителей философской практики (на английском языке и в переводе на русский язык), а также были опубликованы подробные обзоры международных конференций ICPP с 2016 года.

² Познакомиться с материалами сайта можно здесь: <https://philopractice.org/web>.

стить успешную практику», обеспечить ее продвижение и «стратегию позиционирования, которая принесет реальную пользу клиентам». Они посоветовали использовать прагматический подход и искать «современные методы» в различных областях (например, в области группового консультирования или занятий философией с детьми) или разрабатывать новые.

Эта дискуссия породила «проект Центра философской практики», анонсированный на ICPP в 2021 году, представляющий собой веб-сайт, дающий информацию для практиков, а также клиентов по различным областям философской практики, включая библиографию. Сайт пока находится в стадии разработки. Он идет по совершенно иному пути, нежели сайт *Philosophical Practice Agora*, именно в своем прагматическом подходе, более широком масштабе работы, в акценте на подборе для соответствующего практика соответствующего клиента в зависимости от областей интересов.

Во время конференции 2021 года были заявлены еще две инициативы, одна из которых — книга *Filosofia en movimiento*, которая скоро будет опубликована (на испанском языке), отображающая различные подходы и объединения философов-практиков всего мира, а также критический обзор этих подходов и объединений. Этим проектом руководит Хосе Барриентос-Растрохо, к которому присоединились Паулина Рамирес (Мексика) и Таня Ортис (Мексика). Одно из критических замечаний, которые поднимает будущая книга касается дистанцирования философской практики от политических и социальных вопросов. Подобное замечание могу высказать и я, основываясь на краткой истории международных конференций, которые я посетила. В ходе 15-й ICPP политические и социальные вопросы широко поднимались Вальтером Коханом (Бразилия), Эухенио Эчеверриа (Мексика), Феликсом Гарсиа Морионом (Испания), Викторией Караско (Аргентина), Воганой Фири (США), Леоном де Хаасом (Голландия) и Хосе Барриентосом-Растрохо (Испания) на панельных дискуссиях, лекциях и семинарах, касающихся множества тем (например условия проживания и образовательный уровень коренных этнических групп, деревенского населения и городских районов с низким социальным статусом, условия проживания и уровень образования заключенных тюрем, осознание социальной несправед-

ливости). Нужно отметить, что освещение политических вопросов во время конференции вели скорее к согласию, чем к полемике. Их число резко сократилось в ходе 16-й ICPP, где только Хосе Барриентос-Растрохо, Ора Грюнгард, Кармен Завала и Пиа Хоуни (в 2020 году) поднимали эти вопросы в более широком ключе (например, влияние политики на философскую практику) или затрагивали конкретные социальные и политические проблемы (такие как условия проживания и уровень образования заключенных тюрем и вопросы этики). Возможно, следующие конференции прояснят, было ли это падение интереса к социально-политической проблематике вызвано общим воздействием пандемии или более глубокими тенденциями в самой философской практике.

Последней инициативой, представленной на закрытии 16-й ICPP в 2021 году, был сайт *icpp.com* Лу Маринофа (США) и Дэвида Сумиахера (Аргентина), который хранит и отражает историю международных конференций, начиная с 1994 года, где размещены программы конференций, их обзоры и фото материалы.

Таким образом, ICPP определенно изменились и эволюционировали за последние 27 лет своего существования. Сравнение трех последних конференций показывает уменьшение напряженности вокруг определения того, что есть философская практика, и каковы ее цели в пользу многообразия представлений. Сомнения по поводу границ применения философской практики также уменьшились, и кажется, что философская практика готова если не четко определиться, то размышлять о себе через исследования, публикации, создание сетевого взаимодействия и структурирования. 27 лет — это молодой возраст, но конференции уже имеют свою историю, о которой участники этого международного движения готовы заботиться и которую готовы беречь.

Что будет через следующие два года и далее? Если конференции являются зеркалом движения философской практики, покажет ли предстоящая конференция в Румынии в 2023 году, что призыв к инклюзивности сотрет отличительные черты философской практики и психологии? Произойдет ли более широкое включение философской практики в мир академической философии и если да, то какой ценой? Обнаружится ли, что процессы профессионализации философской практики превратят

ее в еще одну дисциплину для помощи самому себе (*self-help discipline*)?

Какая из этих тенденций будет реализована или, возможно, все они являются лишь пограничными знаками, и философская практика продолжит прокладывать свой собственный уникальный путь с большей уверенностью, чем раньше? Время покажет.

For citing: Ginzburg L.

Looking at three years of ICPP // *Socium i vlast'*. 2021. № 3 (89). С. 83—88.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-83-88.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-83-88

UDC 101.9

LOOKING AT THREE YEARS OF ICPP

Ginzburg Lydia,

Hebrew University of Jerusalem,
PhD candidate in Anthropology,
Mt. Scopus 9190501 Jerusalem, Israel
E-mail: lydia.ginzburg@gmail.com

Abstract

The article is an analytical and critical review of the main ideas of philosophical practice. The review was prepared on the basis of the author's personal participation in the work of international conferences on philosophical practice over the past three years. The comparison of the three last conferences reveals how tensions around definitions and goals of the practice have been reduced in ways that reflect an openness and appreciation of multiplicity. The anguish surrounding the boundaries of the field have decreased as well, and it seems that philosophical practice is ready to reflect on itself through the research, publication, networking and mapping.

Key words:

philosophical practice,
philosophical counselling,
international conferences on philosophical practice,
philosophical associations.

Для цитирования: Богданова В. О.,
Гулеватая А. Н., Дыдров А. А., Пеннер Р. В.
Internet Studies в условиях пандемии
(по материалам конференции
«Internet beyond 2020») //
Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 89—101.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-89-101.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-89-101

УДК 141.319

INTERNET STUDIES В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ «INTERNET BEYOND 2020»)

Богданова Вероника Олеговна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
Южно-Уральский государственный университет,
старший научный сотрудник
научно-образовательного центра
практической и прикладной философии,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: bogdanovavo@susu.ru

Гулеватая Анастасия Николаевна,
Южно-Уральский государственный университет,
преподаватель кафедры «Философия»,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: gulevataiaan@susu.ru

Дыдров Артур Александрович,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры «Философия», доцент,
старший научный сотрудник
научно-образовательного центра
практической и прикладной философии,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Пеннер Регина Владимировна,

Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры «Философия», доцент,
старший научный сотрудник
научно-образовательного центра
практической и прикладной философии,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Аннотация

Статья представляет собой обзор VI научно-практической конференции «Internet beyond 2020» (22—24 апреля 2021 г.), организованной онлайн-школой Интернет-исследований при поддержке Высшей школы экономики. Программа конференции включала в себя секционные доклады и круглые столы, посвященные роли глобальной сети, эволюции искусства и образования в условиях пандемии COVID-19. Конференция объединила представителей социально-гуманитарных наук (социологов, культурологов, лингвистов), деятелей культуры и искусства, дизайнеров и специалистов в области Internet studies. Организаторы и участники конференции пытались ответить на различные вопросы, среди которых: является ли современный человек свидетелем возникновения принципиально новых антропопрактик? Возможно ли из частных сюжетов Internet studies собрать целостную картину цифровых реалий, а также прогнозировать появление и развитие еще не известных социальных и антропологических трансформаций? Возникнет ли постпандемический нарратив, концептуализирующий гетерогенную событийность нашего времени?

Ключевые понятия:

Internet studies,
пандемия,
коммуникация,
образование,
искусство.

**Введение:
освоение неизвестного вируса**

22—24 апреля 2021 г. прошла конференция «Internet beyond 2020», объединившая усилия молодых исследователей и известных специалистов в области Internet studies. Различие в заявленной дате и дате фактического проведения конференции объясняется, по мнению организатора, длительностью содержательного наполнения сформулированной темы. Тематика «Internet beyond» была определена сравнительно быстро, но, разумеется, требовала развертки, сбора и структурирования эмпирического материала, проработки концептуального аппарата, не говоря уже о сопутствующих организационных задачах.

В конференции приняли участие специалисты различных профилей из Высшей школы экономики, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Института востоковедения РАН, РАНХиГС, Санкт-Петербургского государственного университета, Челябинского государственного университета. Кроме того, в «Internet beyond» участвовали и некоторые независимые исследователи. Усилия организаторов и участников объединились в контексте так называемых «Internet studies», перспективы которых активно обсуждались еще в середине первого десятилетия XXI в. (см., например, S. Jones [10], H. Campbell [8] и др.). Internet Studies, генетически связанные с социально-гуманитарными науками и соответствующими дисциплинами, актуализируются в условиях COVID-пандемии, что детерминировано увеличением значимости Интернет-технологий, электронных ресурсов и онлайн-коммуникации, возникновением и распространением в сети гетерогенных антропопрактик, дающих социологии, культурологии, социальной философии, философской антропологии, истории и другим наукам новый материал для исследований.

В базисные идейные установки «Internet beyond» интегрирован рефлексивный компонент, конституирующийся рядом исследовательских вопросов (приводимый здесь перечень, разумеется, не является полным): переживает ли современный человек рождение и развитие принципиально новых или является свидетелем перехода на новый уровень традиционных антропопрактик? Возможно ли из «небольших сюжетов» Internet studies в принципе собрать целостную картину цифровых реалий и определить перспективы дальнейших социальных и антропологических трансформаций? Следует ли ожидать возникновение (пост)пан-

демического нарратива, то есть дискурса, собирающего и, главным образом, концептуализирующего гетерогенную и интенсивную событийность нашего времени?

Конференцию открыл доклад профессора Челябинского государственного университета М. В. Загидуллиной, посвященный медиаобразам коронавируса. Исследователь сопоставил т. н. «каноническое» изображение вируса с различными вариациями на тему. Канонический имидж COVID подвергся в Интернет-среде многочисленным иконическим корректировкам, детерминированным векторной графикой, искусством коллажа, мемефикацией и, в общем, художественной стилизацией. Подробно на тему образа вируса писали, например, О. И. Калинин и Д. В. Мавлеева [1], [2]. Образ коронавируса распространяется в качестве украшения кондитерских изделий, многочисленных приложений для вязания, детских игрушек и т. д. Все эти практики исследователь назвал «доместикацией» вируса. Доместикация привела к противоположному результату, в сравнении с тем, что ожидался микробиологами. Выход из сложившейся ситуации М. В. Загидулина видит в реинкарнации государственных пропагандистских практик, а в качестве примера эффективного функционирования пропаганды приводит Китай, где прямое и санкционированное запугивание граждан привело к тотальной вакцинации. Либерализация государственной политики, по мнению исследователя, напротив, ведет к безответственному поведению в условиях карантина: в частности, в России сравнительно низкая доля вакцинированных граждан (препарат при этом доступен).

Титульный доклад в значительной степени определил направленность всей конференции, участники которой анализировали Интернет-практики и пытались определить их органическую связь с транс(де)формациями традиционных культурных кодов. Условно содержание конференции можно представить в единстве трех тематических блоков: во-первых, специфика организации и проведения Internet studies, во-вторых, трансформации культуры и искусства в сети, в-третьих, ситуация в образовании и перспективы его развития.

Специфика проведения исследований Интернета в условиях пандемии

В значительной части мероприятий конференции организаторы и участники задавались вопросом, «как изменилась наша

работа во время пандемии». Этот вопрос с необходимостью затронул сферу Internet Studies, с одной стороны, как той области знания, что занимается исследованиями самого интернета, а точнее его трансформаций, что случилось в пандемию; с другой стороны, тех областей знания, накопление и сбор информации в которых происходит посредством Интернета (социология, исследования антропологического и культурологического характера). На самом открытии прозвучал тезис, ставший, наверно, лейтмотивом всех трех дней конференции, о том, что единый нарратив о пандемии еще не сложился (его не собрали), «мы все еще внутри потока» (П. В. Колозарида). Отсюда описание мероприятий является отображением самого «потока» и одновременно выражает рефлексию акторов конференцию по вопросу о том, как мы по этому «потоку» движемся.

Большое место в обсуждениях было отведено размышлениям об экспертизе. Как было сказано на открытии, в фокус внимания попала «экспертиза, происходящая “снизу”» (П. В. Колозарида, А. А. Шетвина). Иными словами, все мы, тем или иным образом, наблюдаем за теми изменениями, что происходят в интернете (прежде всего, обязательный перевод работы и учебы в онлайн в условиях пандемии), являемся акторами этих изменений (сами переходим в онлайн). Поэтому по большому счету каждый из нас может сегодня выступать экспертом в области того, что происходит с интернетом. Размышляя на эту тему, Д. Кваснюк упомянул о работе Н. Collins и R. Evans, заявивших о «Третьей волне научных исследований», в которой все более весомое положение занимает «экспертиза, основанная на пользовательском опыте» (user experience-based expertise) [9]. Ключевое ее отличие от классической экспертной оценки проявляется в том, что user experience-based expertise проводят институционально не подтвержденные эксперты. Также как и признанные институциями эксперты, они являются носителями уникального экспертного знания, но в отличие от первых их знание базируется на личном опыте, как правило, напрямую не связанном с их профессиональной деятельностью.

Принципиально важным был и тезис, прозвучавший на открытии конференции (М. В. Загидуллина): «То, что не фиксировалось, фиксируется, связывается с надзором, наказанием». Все большее количество времени человек проводит в Интернете. Этот факт имеет глубоко различные последствия.

Перевод трудовой деятельности в режим онлайн актуализирует нормативизацию общения в сети. Проблеме сетевого этикета также была посвящена передача Ф. Толстой «Наблюдатель». Участники программы размышляли, как изменяется общение при переходе в онлайн, что можно и что нежелательно делать (писать, говорить) сегодня в сети. Интересной была ремарка С. В. Тихоновой о том, что изначально «нэтикет» формировался меритократически, профессиональным меньшинством для общения в своей узкой группе¹. Сегодня же в интернет пришло большинство. Отсюда вопрос о возможности и необходимости пересмотра «нэтикета» для масс.

В свою очередь, Е. О. Труфанова, кто более четверти века обращается к теме эскапизма, за последний год высказывает интересные тезисы на тему побега в сеть и из сети. Еще в начале 2000-х гг. Интернет был благодатной почвой для тех, кто стремился «убежать» от норм и стандартов, диктуемых обществом (где учиться, куда пойти работать и кем, что одеть, что купить и пр.). Интернет с его анонимизацией, снижением уровня ответственности (в режиме онлайн человек может писать, но не совершать действия, непосредственно нарушающие права и свободы того, кому он пишет) стал оптимальной площадкой для тех, кто мечтал вырваться из «оков» повседневности [5, с. 13—14]. В пандемийных условиях наблюдается иная тенденция: будучи вынужденным работать и учиться в режиме онлайн, человек все чаще судорожно ищет возможности выхода в «оффлайн». Эта тенденция указывает на то, что изменяется статус интернета в современности; из технического средства коммуникации и хранилища информации Интернет претендует на статус «третьей природы», отмежевывающейся не только от физической реальности, но и от культуры [6, с. 128]. Интернет как «третья природа» формирует свои правила игры: например, сегодня за человеком могут надзирать не только классические институты власти, школа, больница и тюрьма [7], но такие же, как и он, пользователи. Отсюда следует заключение: надзиратели изменяются, а паноптикум остается.

Одной из наиболее ярких, на наш взгляд, была работа секции «Как избежать интернета» (модератор А. А. Шетвина). На ней А. Куцман прочитала доклад о невовлечен-

¹ Наблюдатель. Цифровой этикет. Как соблюдать диджитал нормы? Эфир 01.02.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zQD89oMF5VE> (дата обращения: 14.06.2021).

ности (disengagement) в цифровую реальность. Докладчик указал на то, что в среде пользователей ширится недовольство цифровым миром как таковым. Само недовольство подкрепляется увеличением случаев цифровой слежки. Из цифрового сленга в научный дискурс вышли слова «кибер-омон» (надзиратели) и «имидж-борд» (анонимная толпа) [3]. Помимо прочего, идея недовольства подкрепляется онтологически; сам цифровой мир является неустойчивой системой, ибо привязан к серверу. Пока сервер функционирует; но что будет, если он рухнет? Этот вопрос порождает тему уязвимости цифрового пространства. Все это А. Куцман рассмотрела сквозь призму disengagement. У человека всегда должен быть выбор: пользоваться сетью или свободно выйти из нее. В ходе дискуссии на эту тему парировала О. Бронникова: «Если у вас нет смартфона, у вас нет выбора». Она заключила, что если посмотреть на дебаты активистов цифровых прав, то скорее выбора нет у тех, кто не хочет цифровизоваться. Миноритарные группы сами исключили себя из многих практик.

Вполне естественно то, что в своих размышлениях об изменении в исследовании интернета участники конференции обращались к своим работам и конкретным кейсам. Д. Кваснюк презентовал результаты исследования «Анализ анти-вакцинационного сообщества в ВК («Правда о вакцинах»: <https://vk.com/antiprivivki>)»¹. Проблему своего исследования он обозначил через то, что знание противников вакцинации не научно, но легитимно. Отсюда вопрос работы: как сделать так, чтобы знание, которое производят противники вакцинации, было принято обществом. Докладчик пришел к выводу о том, что признания обществом подобного знания возможно посредством экспертизы, точнее user experience-based expertise. В сообществах ВК, участники, как правило, делятся личным опытом по вопросам о том, как родителю отстоять право ребенка не вакцинироваться и к каким последствиям привела та или иная вакцинация.

В первый день конференции прошел круглый стол по теме «Как мы можем узнать и исследовать». Мероприятие было посвящено вопросу об изменении социологических исследований при переходе в онлайн. Его модератором выступила Б. Остромоухова, автор исследовательской программы ResisTIC («Resistance on the Internet: Criticism and Circumvention of the Digital Borders in Russia»). О. Бронникова и А. Зай-

цева («Laboratory LLA-CRÉATIS») поделились опытом качественных исследований по работе с бизнес-тренерами и правозащитными НКО. В своем докладе они указали, что информанты из области правовой безопасности весьма закрыты, как правило, они не приглашают интервьюеров на свои тренинги. В свою очередь, в пандемию ситуация кардинально изменилась: можно стать участником тренинга, т. к. тренеры перешли в онлайн. Интервьюер вовлечен в процесс обучения, но сохраняет инкогнито, т. е. остальные участники не знают, что он исследователь. В заключении докладчики отметили, что опыт пандемии дал исследователям повод для пересборки понятия «безопасность» по той причине, что меняется объект исследования, а эксперты из этого поля сами превращаются в акторов трансформационных процессов.

Участник того же круглого стола К. Ермошина («Citizen Lab») поделилась опытом проведения количественного исследования на тему, как изменился Крым после аннексии. Она справедливо отметила, что обращение к онлайн как к средству обоснованно в условиях, когда материал исследования для исследователя является удаленным. Отсюда вытекает вопрос о создании технологической и антропологической базы для проведения работы: аренда серверов и поиск тестеров (провайдеры, активисты), тех, кто будет собирать информацию. В саму же пандемию К. Ермошина наблюдала за новым явлением, онлайн-митингами, и перестройкой онлайн-платформ под нужды пользователей в условиях ковидных изменений (2ГИС) и под требования властей в условиях «несанкционированной» пользовательской активности (Яндекс).

Социолог Е. Гудова в своем выступлении в большей степени ставила вопросы, нежели давала конкретные рекомендации или ответы. Как работать онлайн, когда «крючки» из офлайн здесь не срабатывают? Как настроить интервьюируемого на доверительное общение? Как работать с его небезопасными сообщениями? Как обращаться с метаязыком в Интернете, ибо в разных группах появляются свои наборы смайлов, носящие не доступные аутсайдерам эмоциональные коннотации? В размышлениях на поставленные вопросы она вышла на тезис о том, что современный социолог должен обращаться не столько к конкретным данным и новым методам их обработки, сколько совершить возвращение к древним этнографическим методикам, когда взгляд исследователя еще не успел «замылиться».

¹ Правда о прививках. URL: <https://vk.com/antiprivivki> (дата обращения: 14.06.2021).

Отсюда ведущим поисковым ресурсом для социолога становится интуиция, позволяющая собрать все сегменты конструируемой в исследовании картинки.

На третий день конференции в рамках работы круглого стола «Что я должен делать (об этике)» выступила Т. Миронова с кейсом из сферы современного искусства. В своем докладе она поставила серию практических вопросов. Может ли художник использовать реальный документ в своей выставке? Как документ, сложная структура отражения истории, может быть встроен в художественную выставку? На вопросы она предложила 2 решения: 1. «Слабое» — отображение неполноты/незавершенности самого документа без продуманного «обрамления», что предлагает художник; 2. «Сильное» — все экспонаты выставки «играют» на документ. Т. Миронова в завершении концептуализировала свои размышления вопросом: есть ли субъектность у документа? Этот теоретический вопрос, в свою очередь, обнажает ряд прикладных проблем этического плана, прежде всего, как художник должен понимать исторический документ и обращаться с ним.

Значительное место в конференции занял уже упоминавшийся круглый стол «Что я должен делать (об этике)» (модератор П. В. Колозариди). В течение работы круглого стола развернулась дискуссия по вопросу о том, как изменяется ответственность исследователя (и изменяется ли она), материал которого «перекочевал» в пандемию из офлайн в онлайн. Косвенно тема ответственности исследователя поднималась на других мероприятиях конференции (в том числе, на круглом столе «Как мы можем узнать и исследовать» в контексте вопроса об анонимизация исследователя в момент участия в тренингах, в работе секции «Как избежать интернета» в контексте размышлений об экологической уязвимости цифрового пространства). Условно ключевыми оппонентами можно назвать П. В. Колозариди, с одной стороны, призывающую относиться к людям как субъектам, а не бездушному материалу для подсчета и оцифровки¹, и М. В. Загидуллину, с другой стороны, выразившую позицию о том, что сами исследователи «связывают себе руки» избыточной

ответственностью. М. В. Загидуллина (как и С. В. Тихонова в упомянутой ранее телепередаче) развела понятия этики и этикета, того, что должно быть, и того, как хорошо бы было. Ответственность исследователя зафиксирована документально, например, в 14 статье Соглашения на «Facebook»: вы собираете данные, можете их анонимизировать, но до тех пор, пока подобный «подсчет» не угрожает свободе носителя информации². Отсюда вопрос об ответственности по большей части «сидит» именно в голове исследователя, не в документах, предназначенных эту ответственность регулировать.

Размышления участников конференции над вопросами каким образом изменились Internet Studies и что нового произошло в исследованиях, проводимых онлайн, можно переименовать как размышления в потоке. По той причине, что дистанция между временем самих изменений и временем их осмысления невелика, исследователи слишком близки к предмету своего исследования. Вследствие этого итоговая картина получается еще очень размытой.

«Internet beyond 2020» и искусство

В последний день конференции 24 апреля проходил круглый стол «Как нам быть с искусством?». Круглый стол был посвящен вопросу о влиянии пандемии на функционирование арт-пространств. Участники конференции делились своим опытом наблюдения о том, как изменились форматы взаимодействия деятелей искусства со зрителями в различных художественных институциях, рассказывая о разнообразных проектах, запущенных в период пандемии.

Преподаватель Школы дизайна НИУ ВШЭ П. Сковородников отметил, что во время пандемии люди, работающие в сфере искусства и культуры, столкнулись с проблемой сохранения зрительской аудитории, поэтому все силы были направлены на адаптацию к новым нетипичным условиям. Многие участники считали, что главной проблемой в период пандемии для деятелей искусства и культуры стал пустующий зал. Отсутствие прямого контакта со зрителем создавало угнетающую атмосферу для творческих людей. Невозможно было понять уровень готовности аудитории к восприятию искусства. Онлайн-формат создавал трудность быстрого реагирования на духовные запросы людей, поэтому деятелям искусства сложно было

¹ Bodrunova S. S., Koltsova O., Folstad A., Halpin H., Kolozaridi P., Yuldashev L., Smoliarova A., Niedermayer H. Internet Science: INSCI 2018 International Workshops, St. Petersburg, Russia, October 24—26, 2018, Revised Selected Papers. URL: <https://pureportal.spbu.ru/en/publications/internet-science-insci-2018-international-workshops-st-petersburg> (дата обращения: 14.06.2021).

² Политика использования данных. URL: <https://www.facebook.com/about/privacy/update> (дата обращения: 14.06.2021).

понять интересы зрителей. Данные проблемы, связанные с взаимодействием людей, требовали своевременного решения, поэтому стали меняться форматы встреч деятелей искусства и культуры и способы трансляции результатов творчества ценителям искусства. Можно сказать, что пандемия стала площадкой для экспериментирования с формами воплощения художественного замысла, способами передачи его слушателям и зрителям. Можно было наблюдать волну интереса к цифровому искусству. Например, проект «Non Player Piano» приковал внимание большой аудитории зрителей, послужил отражением духа цифровой современности. Данный проект стал своеобразным способом взаимодействия людей (музыкантов) с искусственным интеллектом.

Руководитель направления «Саунд-арт и саунд-дизайн» в Школе дизайна НИУ ВШЭ, музыкант и куратор перформанса (перформанса) «Non-player Piano» А. Гандрабур подробно рассказал о данном проекте. Перформанс проходил 31 августа 2020 года на корабле, плывущем по Москве-реке. Данный проект учреждался специально для «Ars Electronica Festival 2020». В импровизации участвовали десять музыкантов, студенты и кураторы направления «Саунд-арт и саунд-дизайн». Особенностью этого проекта являлось то, что он создавался с применением искусственного интеллекта, для этого использовался сервис генеративной музыки «Mubert AI». В нейронную сеть загружались музыкальные треки, которые она связывала, создавая между ними плавные переходы. В итоге получался бесконечный музыкальный поток. Следует отметить, что нейронная сеть была обучена анализировать состояние окружающей среды. На носу корабля стояла камера, которая снимала ландшафт. С помощью датчиков нейронная сеть фиксировала погоду, время суток, местоположение, скорость корабля, наклон палубы, высоту реки над уровнем моря, движение ее волн и многое другое. Все полученные данные собирались и трансформировались в уникальные звуковые паттерны. Голоса вокалистов также обрабатывались в зависимости от состояния окружающей среды. Глядя на проделанную работу, трудно сказать, кто задавал музыку: человек или искусственный интеллект. Полученные нейронной сетью данные служили основой для импровизации музыкантов и вокалистов, которыми, по сути, она управляла, выполняя функцию дирижера.

Преподаватель направления «Саунд-арт и саунд-дизайн» Школы дизайна НИУ ВШЭ, музыкант Е. Вороновский обратил внимание

на то, что пандемия не повлияла на вторжение цифровых технологий в нашу жизнь, она лишь ускорила те процессы, которые уже становились частью повседневности современных людей. С 15 июля 2020 года в России можно было наблюдать, как в сфере музыки происходило внедрение нейросетей. В это время был официально запущен интернет-сервис потокового аудио Spotify. Самой популярной функцией Spotify становится «Discover Weekly», которая позволяет создавать списки с рекомендуемой музыкой. Сервер формирует для пользователей плейлисты на базе загруженных файлов артистов, анализируя музыкальные предпочтения пользователей. Таким образом, Spotify произвел революцию восприятия контента, которая нашла выражение в появлении феномена пассивного слушания музыки. Отсутствие первоначального выбора приводило к тому, что пользователь не запомнил названия композиций и исполнителей, поскольку воспринимал их неререфлексивно. Получалось, что в какой-то степени искусственный интеллект сам программировал пользователя на прослушивание определенной музыки.

По мысли Е. Вороновского еще одной немаловажной тенденцией развития искусства в период самоизоляции являлось возрастание интереса к альтернативной (авангардной) музыке и музыке с природным звучанием. Например, группа «Оцепеневшие», создающая музыку в стиле drone-doom, во время онлайн-выступлений набирала аудиторию более 200 человек. Многие пользователи в период самоизоляции почувствовали тоску по прогулкам на природе, которая отразилась в выборе композиций. В апреле 2020 года был проведен необычный стрим. В прямом эфире была дана запись со звуками обитателей болота, которая набрала большое количество прослушиваний. Люди, оказавшись в замкнутых пространствах, стали восполнять утраченные возможности наиболее доступными способами, обращаясь к музыкальным композициям.

Следует отметить, что пандемия повлияла на доступность музыкальных платформ для людей, занимающихся электронной музыкой. Именно в этот период становятся бесплатными на некоторое время компьютерные программы от компании «Ableton». Они использовались для студийной работы (аранжировки, сведения). Появляются цифровые звуковые рабочие станции с богатой библиотекой звука для написания электронной музыки. Это давало пользователям возможность создавать треки без примене-

ния музыкальных инструментов. Возможно, когда-нибудь компьютерные программы будут способны без участия человека писать и публиковать музыку.

Таким образом, анализируя развитие музыкальной сферы в период самоизоляции, можно сказать, что существенно была переосмыслена роль компьютерных технологий в создании музыкальных произведений, наметилась тенденция к синтезу привычных способов работы музыкантов с богатым арсеналом цифровых методов, повысилась их доступность для создания музыкальных композиций. Применение новых технологических возможностей музыкантами способствовало повышению интереса слушателей к цифровому искусству.

Медиа-художник, дизайнер и иллюстратор, преподаватель Школы дизайна НИУ ВШЭ О. Пащенко в своем докладе раскрыл, какое место занимают цифровые технологии в искусстве XXI в. Сложно переоценить роль цифровых технологий. Они широко применяются во многих видах человеческой деятельности: от редактирования фотографий до создания эскиза картины на компьютере или скульптуры с помощью технологии быстрого прототипирования. Современное искусство стало более интерактивно. У зрителя появилась возможность взаимодействовать с художником и даже участвовать в создании произведений. Появилось новое направление в искусстве — инцепционизм, когда картины рисуются нейронными сетями. Нейронные сети создают картины на основе введенных параметров. По сути, они занимаются синтезом новых образов, опираясь на материал, загруженный в базу данных.

Достаточно высокий уровень развитие цифровых технологий позволил людям в условиях самоизоляции участвовать в культурной жизни, частью которой является искусство. Олег Пащенко отметил, что во время самоизоляции и после нее люди стали чаще обращаться к цифровым технологиям, однако нельзя утверждать, что самоизоляция принесла большие качественные изменения в сферу искусства. Скорее период самоизоляции повысил степень обращения людей к цифровым технологиям. Однако, следует заметить, что пандемия обострила некоторые проблемы, которые уже существовали в цифровом искусстве и актуализировала потребность в разработке способов их решения. Дело в том, что цифровые технологии обладают неисчерпаемыми возможностями, которыми пользуются современные художники. Они дают большую свободу творчества. С помощью

компьютера художник может перегруппировать и совместить несколько изображений, применить разные фильтры и цвета, тогда рождается новое произведение искусства. Можно сказать, что благодаря цифровым технологиям создаются новые формы «производства» искусства. По-другому строится работа художника потому, что визуальная информация перестала быть строго фиксированной. Теперь художник можно бесконечно преобразовывать фрагменты изображения с помощью компьютера. Как отмечает П. Вайбель, впервые в истории изображение стало подвижной системой [4].

Главное изменение, которое произошло, по мысли медиа-художника — это преобразование способа работы с арт-объектами. Раньше самой успешной судьбой произведения искусства считалось попасть в музей. Теперь арт-объекты могут не украшать интерьеры музейных залов. В цифровом искусстве создается своя система показа и продажи арт-объектов. Цифровые художники не ставят перед собой цель попасть в галерею или музей, считая их пережитками досетевой культуры. Они выставляют и продают свои работы на персональных сайтах. Каждый художественный объект должен обладать уникальностью. По сравнению с традиционными произведениями искусства, статус цифрового искусства сложно определить из-за простоты техники создания. Художники, творящие в этой сфере искусства, часто воспринимаются как «content creators» («создатели контента») наряду с блогерами.

По словам О. Пащенко, основной проблемой для художников является то, что в цифровом искусстве можно легко воспроизводить произведения путем копирования. Это порождает проблему авторства и неповторимости произведения искусства, которое в процессе репродуцирования теряет свою «ауру». В цифровом искусстве популярен net-art, однако он не стал полноценным художественным явлением, поскольку его природа слишком эфемерна для арт-рынка. Сложно продать арт-объект, который поддается тиражированию и лежит в открытом доступе. Цифровые художники столкнулись с существенной проблемой обесценивания их творчества. Решением данной проблемы стала платформа «Foundation», которая появилась в 2021 г. Благодаря функционированию этой платформы стало возможным определять материальную ценность digital art и продавать произведения искусства коллекционерам. Особенностью Foundation является продажа цифрового искусства в виде невзаимозаменяемого токена (NFT), который

является видом криптографических токенов. Каждый экземпляр NFT уникален, он не может замещаться другим аналогичным токеном. NFT не запрещает копирование произведений цифрового искусства, не ограничивает демонстрацию арт-объектов. Он только дает право владения цифровым оригиналом, благодаря ему художники могут продавать цифровые произведения искусства как уникальные объекты. Невзаимозаменяемый токен можно сравнить с сертификатом подлинности в структуре традиционного арт-рынка¹.

Таким образом, Foundation расширила финансовые возможности цифровых художников, открыв для них вторичный рынок (от каждой повторной продажи произведения искусства художник получает 10—20 % от прибыли предыдущего владельца). В дальнейшем применение технологии блокчейн позволит отличать оригинальные цифровые работы от их копий, даже если это два идентичных файла, что в свою очередь уравнивает инвестиционную привлекательность цифровых и традиционных работ. Новые технологии помогут художникам становиться известными, публикуя работы в открытом доступе без страха, что их работы потеряют ценность.

На круглом столе была поднята тема о влиянии пандемии на деятельность художественных институций. Эксперты в этой области рассказали, что сама тенденция по внедрению цифровизации зародилась уже в 2017 году, но пандемия сильно подтолкнула развитие в этом направлении. По мысли А. Першеевой, кандидата искусствоведения, доцента Школы дизайна НИУ ВШЭ, музей всегда был храмом, сакральным местом приобщения к художественному смыслу. Когда ценители искусства оказались в условиях самоизоляции, они почувствовали потребность в духовной пищи, поэтому музейные работники сделали шаг навстречу зрителям. В кратчайшие сроки музеи перешли в онлайн-режим на специализированные платформы, сайты, в социальные сети и стали искать новые способы взаимодействия с аудиторией. Следует отметить, что новый формат оказался востребованным. Существенно изменилось отношение людей к музейному контенту, возрос спрос на онлайн-лекции, онлайн-экскурсии, виртуальные выставки, мастер-классы и вебинары.

В своем докладе Александра Першеева обратила внимание на быстрое реаги-

вание на ситуацию пандемии музея имени Пушкина. Данный музей до самоизоляции размещал 4—7 видеороликов в месяц на своем канале YouTube. В период локдауна стало выходить до 40 видео в месяц. Музей проявлял высокую активность в социальных сетях. Лента новостей была переполнена актуальными постами с информацией о деятельности музея. Сотрудники музея создавали подкасты, размещали видео- и аудиолекции, проводили фестивали встреч с художниками, круглые столы, виртуальные выставки. Следует отметить, что многие современные художники шли навстречу зрителям искусства, они позволяли бесплатно размещать свои работы на платформах на одни сутки. Зритель получал возможность просмотреть большое количество работ, которые сотрудникам музея было проблематично собрать в одном месте. Особенно востребованными были проекты, которые давали возможность на базе музейных ресурсов организовать общение людей. Например, бэкстейдж с вопросами, на которые отвечают хранители музея. Запускались проекты, в которых использовался личный нарративный подход к произведениям искусства, когда искусствоведы рассказывали о любимых картинах. Данные проекты создавали пространство открытого диалога, сокращали дистанцию со зрителями.

В Пушкинском музее был запущен новый проект «100 способов прожить минуту», тематически связанный с режимом самоизоляции. В этом проекте люди из сферы искусства, делились своим опытом проживания времени, описывали способы «приручения» времени, рассказывали о произведениях искусства, в которых поднималась тема замедления времени или уединения. Таким образом, практика показала, что музеи могут вести активную работу в виртуальном пространстве, вдохновлять людей, приобщая к искусству.

Социолог искусства М. Кулева описала опыт участия в проекте Андрея Мизиано «Рефлексия». Целью проекта являлось осмысление изменений, которые произошли в обществе и культуре в результате пандемии. Перед участниками проекта ставилась задача написать эссе о данных изменениях и приложить к нему работу художника, которая бы иллюстрировала текст. Проект был направлен на поддержку деятелей искусств и культуры. М. Кулева в рамках этого проекта написала эссе «Привилегии присутствия», в котором она описала как связаны культурные институции с социальными привилегиями. Эссе М. Кулевой по условиям проекта дополнялось инсталляцией

¹ Корнеев А. Что такое NFT-токены. И причём тут Бэнкси. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6040cd429a7947281adb5a94> (дата обращения: 14.06.2021).

Виктора Кудряшова «Отзыв настоящего». Работа ставила проблему присутствия посетителя в институции онлайн и офлайн. Инсталляция включала в себя 34 таблички со словом «Exit», которые располагались в пустом выставочном зале в Санкт-Петербурге. Когда на сайт музея «Гараж» заходил посетитель, одна из табличек загоралась.

По мысли М. Кулевой, многие музеи, в том числе Эрмитаж, проводили онлайн-экскурсии. Главная особенность онлайн экскурсий — это создание эффекта присутствия. Зритель может виртуально «пройтись» по залам музея благодаря деятельности технического сотрудника, который снимает залы и коридоры музея и арт-объекты. В это время экскурсовод поясняет увиденное на экране. Социолог искусства отметила, что размещение изображений арт-объектов могло стать более удобным способом знакомства аудитории с искусством, но этот способ взаимодействия лишил бы зрителя привилегии присутствия, возможности быть там, где быть нельзя. Трансляция потеряла бы свою эксклюзивность. Подобные онлайн-экскурсии проводились многими музеями в период самоизоляции. Интерес к ним, по мысли докладчика, говорит о «зачарованности зрителя материальностью институции», «фетишизации музейного пространства»¹. Возникает вопрос, в чем причина данных явлений? Социолог искусства приходит к выводу, что можно найти несколько причин. Оказавшись «заложниками» режима самоизоляции, люди испытывали тоску по культурным институциям, поскольку были лишены возможности «видеть и взаимодействовать с искусством», однако, немаловажную роль играла сама возможность почувствовать и продемонстрировать свою сопричастность к культурной жизни. Отсюда следует вывод, что арт-пространства не только создают необходимые условия для культурного обогащения личности, но и служат ей средой общения, находясь в которой она испытывает чувство принадлежности к более широкому социальным группам и свое культурное превосходство, которое может продемонстрировать в социальных сетях.

Кандидат искусствоведения, доцент Школы дизайна НИУ ВШЭ Т. Фадеева в качестве тенденции в развитии художественных институций назвала расширение зрительской аудитории благодаря онлайн-формату. После пандемии художники продолжи-

¹ Кулева М. Привилегии присутствия. URL: <https://garagemca.org/ru/event/garagereflections/materials/margarita-kuleva-privilegii-prisutstvija?fbclid=IwAR36UayevKsl848Eu3G2nprq3nUiUrEErWylRkBTNXNhgJU9xQ6CcG3nr-Q> (дата обращения: 14.06.2021).

ли работать в онлайн-режиме, несмотря на открытие многих арт-площадок. Режим самоизоляции привел к появлению новых техник работы, которые были направлены на совмещение онлайн и офлайн форматов. Художники стали привязывать интернет к физическому пространству, однако происходил не просто механический перенос компьютерных технологий на физическую реальность, создавалась целая гибридная история. Эта тенденция находит воплощение в художественных сериях постоянно меняющихся, в зависимости от внешних факторов, картин. С одной стороны, создается материальный объект — произведение искусства, — с другой, он появляется в пространстве социальных сетей благодаря деятельности пользователей. Так, был создан проект, в котором нейросеть реагировала на тон высказываний в сети и создавала картину общих чувств. Художники, которые стали работать с нейронными сетями, нашли оригинальные способы создания произведений искусства и обрели свой узнаваемые почерк.

Таким образом, режим самоизоляции привел к глубинным трансформациям в культуре и искусстве, которые происходили под влиянием информационных технологий. Повысилась цифровизация музейной среды. Многие культурные институции стали применять стратегию открытости и доступности арт-пространств, позволяя людям получать виртуальный доступ к арт-объектам экспозиционных залов музеев разных городов и стран. Во время пандемии музеи выполняли образовательную и просветительскую деятельность, используя разнообразные цифровые технологии, часть из которых предполагала взаимодействие с ценителями искусства. Применение интерактивных методов привело к тому, что за музеями закрепилась и социальная функция. Музеи превратились в площадку для общения деятелей культуры и искусств со зрителями. Пандемия показала положительные стороны использования онлайн формата, поэтому после выхода из режима самоизоляции его продолжают использовать, наряду с офлайн. Традиционное искусство и новые виды цифрового искусства уже в меньшей степени конкурируют между собой, они развиваются параллельно, дополняя друг друга.

Как мы могли (бы) преподавать: круглый стол по образованию в эпоху пандемии

На второй день конференции состоялся круглый стол, отправной точкой которого

стал вопрос «как мы могли (бы) преподавать?». Включение такого вопроса в повестку конференции кажется вполне закономерным: практики обучения в формате онлайн стали весомой частью жизни не только для тех, кто подобную практику в своей жизни, образовательной или корпоративной среде уже осуществляет, но и для тех, кто стал делать это впервые и вынужденно. Несмотря на изобилие образовательных практик в эпоху lifelong learning, в рамках круглого стола речь шла в основном о системе высшего образования. В дискуссии участвовали теоретики и практики цифровизации образования НИУ ВШЭ: Е. Кулик, руководитель дирекции онлайн-образования, Е. Патаракин, руководитель программы цифровизации образования, а также аналитики Института образования и Центра социологии высшего образования И. Груздев и Е. Терентьев.

Евгения Кулик, руководитель дирекции онлайн-образования НИУ ВШЭ, указала на неопределенность ситуации с онлайн-обучением, сложившейся к началу пандемии. Неоспорим факт, что российские вузы оказались в совершенно разных ситуациях. Это иллюстрируется ссылкой на аналитический доклад НИУ ВШЭ «Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии и после нее»¹, целью которого являлось следующее: «извлечь уроки из опыта экстремального режима работы всей системы высшего образования в период пандемии для ее адаптации в период частичного сохранения санитарных ограничений и дальнейшего развития»². Е. Кулик подчеркнула, что сложнее всего пришлось тем вузам, у которых к началу пандемии не было системы управления обучением, или LMS — Learning Management System, а таких порядка 11% в России. При этом только у 46 % вузов, имеющих LMS, показатели соответствуют реальному использованию LMS для организации образовательной деятельности³. В таком случае чаще всего использовались асинхронные технологии обучения, например, переписка по электронной почте. Но и крупным вузам, у которых LMS присутствовала, были сложности, а именно — с точки зрения организации бизнес-процессов по переводу всего учебного процесса в онлайн, т. е. главная сложность состояла в том, что в короткое время было необходимо масштабировать все процессы.

¹ Анисимов Н. Ю., Васильев В. Н., Волков А. Е. и др. Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии и после нее : аналитический доклад. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 34.

Несмотря на многочисленные сложности с организацией онлайн-обучения, эксперты сделали вывод о том, что система высшего образования справилась со «стресс-тестом»: по оценкам экспертных интервью, в сравнении с другими странами, особенностью российской ситуации стал быстрый переход системы образования на другой режим работы (450 университетов в две недели) и все это при том, что в России одна из самых массовых систем образования. Итак, система в целом сохранила свою устойчивость.

Весьма мала вероятность того, что вузы вернуться на «доковидный» уровень развития модели образования, так как все участники осознали плюсы дистанта, впрочем, как и его ограничения. Эксперты-аналитики подчеркнули, что, с учетом постпандемической ситуации в высшем образовании, важно рассмотреть возможность построения комбинированной модели образования, в которой бы сочетались возможности и ограничения как очного, так и онлайн-образования. «Окно возможностей», открывшееся после пандемии для образования, позволяет осмыслить возможности и ограничения как дистанционного, так и традиционного очного формата обучения. Накоплен сложный опыт, и из него только предстоит извлечь уроки. Эти тезисы созвучны с общим настроением конференции, с попыткой осмыслить поток, при этом все еще находясь в нем.

Е. Терентьев осветил вопрос об эмоционально-оценочном отношении к вынужденной и тотальной цифровизации обучения в эпоху пандемии. Ожидаемо, что восприятие это может полярно отличаться в зависимости от роли субъекта в образовательной системе. Было отмечено, что в целом по большому количеству исследований данные следующие: негативное отношение к цифровизации наблюдалось у преподавателей, более позитивное у студентов.

Базовый тезис исследований Е. Терентьев сформулировал так: до пандемии (февраль 2020 г.) цифровое будущее воспринималось как очень далекое, никто из респондентов не верил, что это случится так быстро — но поверить пришлось. В апреле 2020 данные опросов были следующие: ситуация масштабного перехода в дистант, несмотря на стрессовость, была воспринята с энтузиазмом, как вызов, позволяющий экспериментировать, большинству участников учебного процесса было интересно, они получили удовольствие. Однако долгосрочная перспектива менее оптимистична: в июне 2020 г. в связи с рутинизацией на безальтернативном основании (только дистант

вызывает усталость от цифры) ситуация привела к пессимистичным оценкам о том, как быть дальше.

Участники интервью отмечали проблему размывания личного и рабочего пространства как ключевую, так как эта граница и так всегда весьма зыбкая для академического сообщества, а в условиях пандемии стала проницаемой и вообще стерлась. Не у всех домашние условия были приспособлены к такому переходу, что обернулось психологическими трудностями, стрессом и депрессивным состоянием. Была отмечена сквозная тема — обострение актуальности проблемы психологического благополучия обучающихся. Так, по мнению докладчика, аспиранты в 55 % случаев находятся в депрессии (по данным стандартизованных опросников). В исследованиях образования мало внимания уделяется этому аспекту, а пандемия позволила актуализировать его.

При оценке отношения перехода на удаленную форму обучения важно учитывать дисциплинарный контекст: работа с лабораторным оборудованием и креативные специальности в пандемию пострадали больше всего, так как симуляторы гораздо менее развиты, чем LMS. Именно в этих сферах были более негативные оценки по отношению к онлайн-образованию в эпоху пандемии. На данный момент мы не можем с уверенностью сказать, что пандемия COVID-19 стала тем фактором, который разделит образование на «до» и «после» — это нам еще предстоит увидеть. Но уже сейчас очевидно, что путем проб и ошибок переизобретаются образовательные практики и гибридизируются подходы, а компас социологических исследований образования переориентируется на растущий интерес к психологическому комфорту субъектов образовательной деятельности.

Заключение

«Internet beyond 2020», как и аналогичные конференции предыдущих лет, объединила исследователей в различных областях знания, занимающихся т. н. «Internet studies». Ее участники продемонстрировали, что конструирование нового нарратива, результирующего переосмысление значимости и роли «Всемирной паутины», концептуализирующего воздействие технологий на человека и все сферы жизни общества, является делом, вероятно, отдаленного будущего. Неопределенно великие массивы перманентно увеличивающихся данных затрудняют подходы к универсальному, обобщающему высказыва-

нию о человеке и его мире. Вследствие сложившегося положения вещей исследователи обращаются к конкретным и частным аспектам проблематики Internet studies. Путь мысли от частного к общему (именно этим путем пошли все без исключения исследователи, представившие результаты всей работы на конференции) общеизвестен и является неотъемлемым для познавательной деятельности человека. Вопрос в том, не обречен ли человек переходить от частного к частному?

1. Калинин О. И. Лингвопрагматические характеристики образа вируса в китайской лингвокультуре // Языки и культуры стран Азии и Африки : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во Моск. гос. лингвистич. ун-та, 2021. С. 85—87.

2. Калинин О. И., Мавлеева Д. В. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 99—109.

3. Кунцман А., Богданова Е.О., Пономарева Э. Я., Щетвина А. А. Отказ и ограничение использования Интернета в среде российских IT-специалистов // Социология власти. 2018. № 3. С. 144—164.

4. Раш М. Новые медиа в искусстве. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 256 с.

5. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13—22.

6. Труфанова Е. О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. № 1. С. 125—134.

7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.

8. Campbell H. Making space for religion in Internet studies // Information Society. 2005. Vol. 21, iss. 4. P. 309—315. DOI: 10.1080/01972240591007625.

9. Collins H.M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32, iss. 2. P. 235—296. DOI: 10.1177/0306312702032002003.

10. Jones S. Fizz in the field: Toward a basis for an emergent internet studies // Information Society. 2007. Vol. 21, iss. 4. P. 233—237. DOI: 10.1080/01972240591007544.

References

1. Kalinin O. I. (2021) *Jazyki i kultury stran Azii i Afriki*. Moscow, pp. 85—87 [in Rus].

2. Kalinin O.I., Mavleeva D.V. (2020) *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkulturnaja komunikacija*, no. 4, pp. 99—109 [in Rus].

3. Kuncman A., Bogdanova E.O., Ponomareva E. Ya., Shhetvina A.A. (2018) *Sociologija vlasti*, no. 3, pp. 144—164 [in Rus].

4. Rash M. (2018) *Novye media v iskusstve* [New Media in Art]. Moscow, Ad Marginem Press, 256 p. [in Rus].

5. Trufanova E.O. (2010) *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 13—22 [in Rus].

6. Trufanova E.O. (2021) *Vestnik SAFU. Serija «Gumanitarnye i social'nye nauki»*, no. 1, pp. 125—134 [in Rus].

7. Fuko M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'*. Rozhdenie tjur'my. Moscow, Ad Marginem, 480 p. [in Rus].

8. Campbell H. (2005) *Information Society*, no. 4 (21), pp. 309—315. DOI: 10.1080/01972240591007625 [in Eng].

9. Collins H.M., Evans R. (2002) *Social Studies of Science*, no. 2 (32), pp. 235—296 [in Eng].

10. Jones S. (2007) *Information Society*, no. 4 (21), pp. 233—237 [in Eng].

For citing: Bogdanova V.O., Gulevataya A.N., Dydrov A.A., Penner R.V. Internet Studies during the pandemic (following the proceedings of the conference «Internet beyond 2020») // *Socium i vlast'*. 2021. № 3 (89). P. 89—101. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-3-89-101.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-89-101

UDC 141.319

**INTERNET STUDIES
DURING THE PANDEMIC
(FOLLOWING
THE PROCEEDINGS
OF THE CONFERENCE
«INTERNET BEYOND 2020»)**

Veronika O. Bogdanova,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Cultural Studies,
South Ural State University
Senior Researcher of the Scientific
and Educational Centre of Practical
and Applied Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: bogdanovavo@susu.ru.

Anastasia N. Gulevataya,

South Ural State University
Lecturer at the Department Chair of Philosophy,
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: gulevataian@susu.ru

Artur A. Dydrov,

South Ural State University
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy, Associate Professor,
Senior Researcher of the Scientific
and Educational Center of Practical
and Applied Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru.

Regina V. Penner,

South Ural State University,
Associate Professor at the Department Chair
of Philosophy,
Senior Researcher of the Scientific
and Educational Center of Practical
and Applied Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Abstract

The article is an overview of the VI Scientific and Practical Conference «Internet beyond 2020» (April 22-24, 2021) organized by the online school of Internet research with the support of the Higher School of Economics. The conference program included workshop reports and round tables on the role of the global network, the evolution of art and education during the COVID-19 pandemic. The conference brought together representatives of social sciences and humanities (sociologists, cultural scientists, linguists), artists, designers, and specialists in the field of Internet studies. The organizers and participants of the conference tried to answer various questions, including the following. Is a modern person witnessing the emergence of fundamentally new anthropological practices? Is it possible to obtain a comprehensive picture of digital realities from single events of Internet studies, as well as predict the emergence and development of yet unknown social and anthropological transformations? Is it possible for a post-pandemic narrative conceptualizing the heterogeneous eventuality of our time to emerge?

Key words:

Internet studies,
pandemic,
communication,
education,
art.

Челябинский
филиал РАНХиГС

Правительство
Челябинской области

ОБЩЕСТВЕННАЯ
ПАЛАТА
Челябинской области

РОСАТОМ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации совместно с Институтом управления и регионального развития РАНХиГС (г. Москва) при участии

- Правительства Челябинской области
- Общественной палаты Челябинской области
- Госкорпорации «Росатом»
- Кафедры территориального развития им. В. Л. Глазычева Института общественных наук РАНХиГС

**26 октября 2021 г. проводят
Всероссийскую научно-практическую конференцию
УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Цель конференции: обсуждение научно-методических подходов и лучших практик, показавших свою эффективность в решении региональных социально-экономических проблем в современных условиях, а также поиск «бережливых» управленческих решений.

Информационная поддержка: научный журнал «Социум и власть»

Программа конференции:

✓ **Экспертная дискуссия на тему:** Бережливые технологии в государственном управлении: от задач к результатам

Модератор:

Елена Александровна Коузова, Первый заместитель Министра образования и науки Челябинской области

В рамках дискуссии предусмотрено обсуждение проекта «Бережливое правительство» — «Эффективный регион» — масштабный пример применения Lean-подхода для оптимизации государственного управления в России, на примере Челябинской области, с привлечением ученых, сотрудников Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и руководителей флагманских в данной теме регионов.

✓ **Тренд-сессия на тему:** Управление развитием территории и городской среды: современные технологии и компетенции.

Партнер сессии — фонд ДОМ.РФ

Модератор:

Эмиль Маркварт, профессор ИУРП РАНХиГС, профессор кафедры территориального развития им. В.Л. Глазычева ИОН РАНХиГС, президент Европейского клуба экспертов местного самоуправления, доктор экономических наук

В рамках сессии предусмотрена экспертная дискуссия об особенностях территориального развития в условиях неопределенности, а также презентация проекта кафедры территориального развития им. В.Л. Глазычева Института общественных наук РАНХиГС, команда которой совместно с Фондом ДОМ.РФ создает пилотную сеть региональных центров компетенций в сфере территориального развития.

✓ **Круглый стол на тему:** Актуальные вопросы регионального социально-экономического развития: взгляд молодых

Модераторы:

- Сергей Григорьевич Зырянов, главный редактор журнала «Социум и власть», член комиссии Общественной палаты Челябинской области по образованию и науке, доктор политических наук, профессор
- Сергей Сергеевич Гордеев, заведующий лабораторией «Модели пространственного развития» Челябинского филиала РАНХиГС, зам. председателя комиссии Общественной палаты Челябинской области по экономике, предпринимательству и вопросам нормативно-правового регулирования, кандидат экономических наук

В рамках работы круглого стола предусмотрено обсуждение научно-методических подходов, современных технологий и лучших практик в исследовании региональных, социально-экономических и общественно-политических процессов.

*Рассчитываем на Вашу заинтересованность
и приглашаем Вас принять участие в работе конференции!*

Форматы участия

- **Очный формат** (с соблюдением санитарных норм в условиях эпидемиологической ситуации);
- **Онлайн-формат** (оргкомитет уведомит дополнительно о площадке проведения по электронной почте, указанной при регистрации);
- **Заочное участие** (публикация в журнале / сборнике).

**В сборнике материалов конференции / журнале «Социум и власть»
приглашаем опубликовать статьи по следующим направлениям:**

- Научно-методические подходы и лучшие практики оптимизации государственного и муниципального управления в России.
- Бережливые технологии в государственном управлении и социальной сфере.
- Актуальные вопросы регионального социально-экономического развития.
- Экспертно-аналитические и образовательные технологии — для эффективного управления устойчивым пространственным развитием российских регионов в условиях новой реальности.

Место проведения конференции:

Челябинский филиал РАНХиГС, г. Челябинск, ул. Комарова, 41.

Заинтересованным лицам для участия в конференции предлагаем в **срок до 15 октября 2021 г.** пройти **электронную регистрацию** по ссылке: <https://clck.ru/GGL4f>, в ходе которой можно прикрепить текст статьи.

Координаты оргкомитета и контактная информация

По всем организационным вопросам можно обратиться

к Нечаевой Светлане Владимировне

☎ (351) 771-42-30, 8-904-944-6101

✉ e-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Полную версию информационного письма см.:

https://chel.ranepa.ru/nauka/konferencii-i-seminary/Konferenciya_chel_filial/iii-mezhdunarodnaya-sotsiologicheskaya-konferentsiya-prodolzhaya-grushina.php

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The text of the article or memo should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and Key words are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. Key words (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

